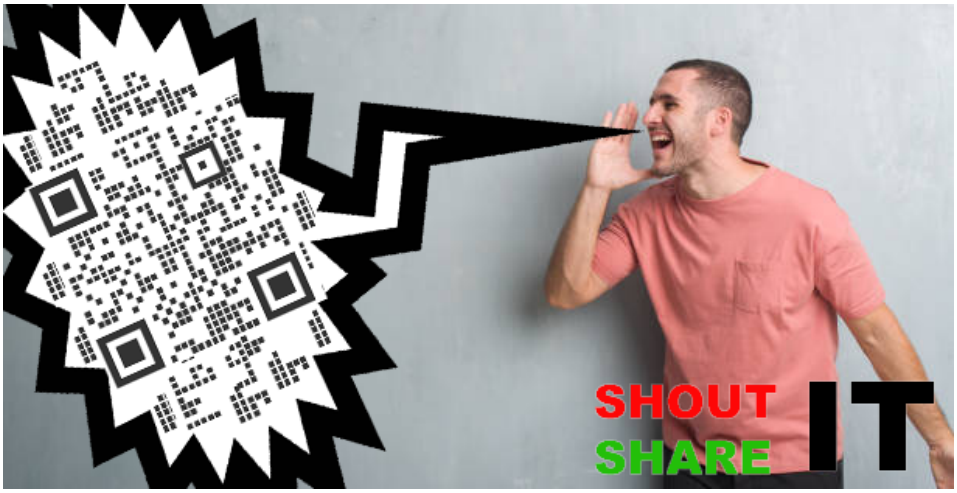
Николаос
Люсьен молчит


SHOUT
SHARE
IT

- Николаос
  - КИРА
  - КИРА: дубль два
  - ДЖОШ
  - ПЕРРИ
  - КИРА
  - ПЕРРИ
  - ДЖОШ
  - КИРА
  - ПЕРРИ
  - КИРА
  - КИРА
  - ДЖОШ
  - ПЕРРИ
  - ДЖОШ
  - КИРА
  - ПЕРРИ
  - ВОЗВРАЩЕНИЕ ВТОРОЕ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД.
  - КИРА
  - КИРА: сейчас
  - ПЕРРИ
  - КИРА
  - ПЕРРИ
  - КИРА
  - ДЖОШ
  - КИРА
  - ПЕРРИ
  - ДЖОШ
  - ПЕРРИ
  - КИРА
  - ДЖОШ

Николаос
Ангелы молчат

КИРА

Дэвид, открой глаза!

Дж. Джиани

Я быстро расправилась с замками и вошла в прохладу квартиры, на ходу бросая сумку на кресло и включая автоответчик. В этот момент рука дрогнула, словно получила маленький электрический разряд.

Автоответчик стал похож на бомбу с часовым механизмом, только тронь блестящую черную клавишу — и раздастся взрыв, который уничтожит комнату, дом, район, город… Хотя это, конечно, зависит от силы взрыва. Возможно, разрушения коснутся только ЭТОЙ комнаты, ЭТОЙ жизни. ЭТОЙ руки, пальцы которой прямо сейчас мягко нажимают кнопку.

«Привет, это Кира Кастл, которой нет, но она вас внимательно слушает».

Прозвучал сигнал, а следом за ним голос, такой истерзанный, словно он начал пробиваться еще задолго до сигнала. Словно для него сигнал — такая мелочь, которая недостойна и секунды внимания перед лицом настоящей проблемы.

— Кьяра! Господи… где же ты… Кьяра, ты дома? Перезвони мне!

Я схватила трубку и набрала номер. Мое полное имя — Кьяра Кастл, оно всегда казалось мне дурацким, и в сознательном возрасте я преобразовало его в Киру, близкие друзья — если точно, то один из них — называли меня Ки — намек на дурацкую детскую пьесу, в которой я играла Ключ-от-Замка, когда мне было шесть. Перри Мастертон играл принца, который искал тот самый ключ, но к нему почему-то никакое прозвище не прилипло. Может, потому, что мне лучше удалась роль.

И только один человек, кроме мамы и Вилли, называл меня Кьяра. Если бы я не была в этом уверена, то никогда не узнала бы Лиз Уоррен по голосу.

— Лиз? Что с вами?

— Не со мной… Кьяра, что нам делать?! Боже мой, я поверить не могу…

Она старалась говорить спокойно, но воспринимать ТАКОЙ голос миз Уоррен было странно и страшно. Лиз была из тех женщин, которыми становятся маленькие девочки, способные

убить крупную крысу. Без колебаний. Каблуком новой туфельки. Под театральный визг подруг, сидящих на столе, поджав ноги.

Я-то думала, что Лиз Уоррен и вовсе не умеет визжать.

До этого момента.

— Что случилось, Лиз? — проговорила я на выдохе. — Что-то с Адамом?

Почему-то именно Адам вызвал у меня мгновенную ассоциацию с возможными неприятностями, хотя он всегда был тихий и спокойный. Пожалуй, слишком тихий и спокойный для тинэйджера.

— Нет… С Эвой. На нее кто-то напал… какое-то животное… Она истекает кровью! Она не двигается! Я же говорила ей… черт… Кьяра?..

С Эвой.

Я уронила трубку.

На нее кто-то напал… какое-то животное…

Если бы это было животное, Лиз бы не позвонила мне. Она бы просто вызвала «скорую».

* * *

КИРА: дубль два

Я летела тогда из Нью-Йорка — села у окна и постаралась отвлечься от полета планированием дальнейшей жизни. Депрессия все еще не покидала меня, я была полна злости на систему, навсегда поставившую крест на моей карьере. Да плевать на карьеру. На работе. На единственной работе, которой я хотела посвятить жизнь.

Рядом со мной сидела женщина в светло-голубом деловом костюме и листала журнал. Она мне как-то и понравилась, и нет одновременно. Понравилась потому, что выглядела целиком на свои сорок — не больше и не меньше — но при этом была красивой, элегантной и привлекающей внимание. А не понравилась потому, что такие люди в основном снобьё. Хоть и летит не первым классом, но аристократизм так и прет. Сейчас начнется — вода не такая, еда не такая…

Это началось-таки, но неожиданно совсем с другой стороны. Третья наша соседка, тучная дама с пятью подбородками, как только вошла, оглядела салон заплывшими глазками и заявила, что здесь душно. Это было лишь начало. Через десять минут бедные стюардессы сбивались с ног.

Мне знаком этот тип людей — склочники. Им плохо, даже когда хорошо, и становится хорошо, когда другим плохо. Они не закрывают рот даже после того, как им отдают все самое лучшее. Их все ненавидят, но почему-то молча терпят, что я сейчас и делала.

Моя соседка продолжала невозмутимо читать, когда мое состояние постепенно приближалось к критической точке. В салоне повисла напряженная тишина, на фоне которой этот противный голос звучал еще четче. Я из последних сил старалась отвлечься на пейзаж. А дама все бурчала и бурчала, пока сквозь поток возмущений, сквозь который я уловила даже кое-что про тех, кто «пялится в окошко, в то время как другие в проход вываливаются…»

Горячая волна гнева вскипела и подкатила мне к горлу, к слезным протокам. Я внезапно ясно почувствовала, что еще секунда — и я или зайдусь в истерике, или тупо вцеплюсь в ее крашеные жидкие кудряшки и буду трепать, трепать, пока не оторву голову.

Моя непоколебимая соседка наконец перелистнула последнюю страницу, аккуратно сложила журнал на коленях. А потом наклонилась к огнедышащему дракону и вполголоса, но

внятно произнесла:

— *Завали ебало, а?*

Дама подавилась на полуслове, и ее свинячьи глазки растерянно заморгали. Этого никто, кроме меня, не слышал, однако напряжение в салоне само собой волшебным образом спало, все зашевелились, как-то ожили, я услышала детский смех.

А у меня просто отпала челюсть. Не сколько от контраста между внешним видом леди и ее манерой выражаться, сколько от восхищения. Гнев сменился блаженством, захлестывающим меня волнами. Просто моральный оргазм какой-то. Я была готова обнять ее, но только и смогла сказать:

— Я приношу вам благодарность от всего салона. Меня зовут Кьяра Кастл.

Она внимательно посмотрела на меня и протянула узкую руку с безупречным маникюром:

— С некоторыми нужно говорить на их языке, если хочешь, чтобы тебя правильно поняли. Элизабет Уоррен.

Мы одновременно поняли, что это прозвучало как цитата, и рассмеялись.

Почему я вспомнила об этом сейчас?

* * *

Перри постучал ложкой по моей чашке.

— Ки, ты что, спишь?

Я вскинула голову, словно и вправду задремала. В круглосуточном кафе так рано совсем не было народу, хотя в перерыв набивалось под завязку. Здесь было здорово — уютно и без претензий, как раз то, что надо. И больница всего-то через дорогу.

— Ой, прости. Ты что-то говорил?

— Говорил, что тебе нужно отдохнуть. Ты засыпаешь на ходу.

— Ничего подобного, — запротестовала я. — Я все помню. Мы говорили о том, что пришел новый чек, и теперь мы можем много чего купить.

«Кьяра, что мне делать?!»

Я внезапно замолкла, тряхнув головой, будто в ушах зазвенело.

— Что?

— Да ничего. Дежа вю. Наверное, и правда стоит выспаться.

Перри шутя щелкнул меня по носу.

— Как его зовут?

— Да иди ты, доктор.

— Идите лучше вы, доктор. Приятных снов.

— До завтра.

Я поцеловала его в щеку, схватила сумочку и направилась к машине. Одолевала подруга-бессонница, и я предпочла провести ночь на работе, а Перри как верный друг не мог оставить меня одну. Он был совой, в отличие от нас с Джошем, и ему это ничего не стоило.

Он догнал меня у двери.

— Пойдем, отвезу. Ты засыпаешь.

Сопротивляться у меня не было никаких сил.

На ступеньках сидела Имоджен, мы заметили ее сразу — острые коленки, растрепанные волосы, веснушки по всему лицу — даже на вызывающе приподнятом подбородке. Вначале я знала только, что Имоджен из обеспеченной семьи, но у этой девчонки напрочь отсутствовала хоть какая-то привязанность к дому и родителям. Ее мозги будто были созданы по другой схеме, и по этой схеме она ни минуты не могла находиться в помещении — закрытом, открытом, под крышей, без — неважно.

Первый раз она сбежала из дому в девять лет и продолжала делать это постоянно, ночуя под открытым небом и путешествуя исключительно пешком — машины тоже входили в список ненавидимых вещей, как школа и трехразовое сбалансированное питание. Полгода Имоджен провела в частной психиатрической лечебнице, где чуть не умерла от приступов клаустрофобии. Она кричала день и ночь, останавливаясь только затем, чтобы набрать в легкие воздуху, и билась в припадках. Ее запирали, связывали, но каким-то непостижимым образом Имоджен освобождалась и бродила по коридорам лечебницы, как привидение, до смерти пугая пациентов своим тоскливым вытьем. Лекарства на нее почти не действовали. В конце концов, родители забрали ее и, казалось, смирились с тем, что их дочери никогда не быть нормальной. Никогда она не поступит в колледж, не выйдет замуж за служащего банка и не заведет домик с белым заборчиком, тремя детьми и собакой. Я представить не могу, как это было сложно для них, но некоторые вещи просто нельзя исправить, как нельзя превратить гея в натурала при помощи процедур, таблеток и многочасовых душеспасительных бесед. Это просто нужно уметь принять. И они приняли дочь такой, какая есть.

Только через год Перри сказал мне, что Имоджен — младшая

дочь Аттилы Утора. Теперь уже единственная. Ясно, что я не узнала ее — ей было года четыре, когда мы с ее сестрой на вершине особняка мечтали о будущем… Мне стало жутко от такого чудовищного баланса — один из самых преуспевающих людей в стране потерял — прямо ли, косвенно ли — сразу двух дочерей. Если это та цена, которую требует вселенское равновесие, то я возненавидела бы деньги.

Сейчас Имоджен было четырнадцать, и она постоянно слонялась рядом с нашей клиникой. Чем-то ее привлекало это место, но чем — одному Богу известно. Под нашей крышей она почему-то ночевать могла. Иногда она мыла машины, а потом покупала мороженое и ела на ступеньках довольная до чертиков — хотя мама и папа могли просто завалить ее любыми сладостями, Тадж-Махал из них построить. Иногда Анн-Мари Утор осторожно прокрадывалась ко мне или Перри, чтобы ее не заметили, и выспрашивала, видели ли мы Имоджен и как она. Мы заверяли ее, что все в порядке, а она просила присматривать за ней. Даже деньги предлагала, но мы, конечно, не взяли их. Мы и так достаточно получали от Аттилы, да и ничего не стоило смотреть за маленькой дикаркой и прикармливать ее. Кроме того, мне ужасно жаль было Анн-Мари. Когда погибла Фокси, Имоджен было четыре года, и она осталась для матери единственным спасением от безумия. Но не только не спасла ее, но и не спаслась сама… Хотя я не назвала бы состояние Имоджен безумием. Скорее открытым сознанием. Наверное, чрезмерно открытым.

Я не знала, но чувствовала, что в семье Анн-Мари Утор не все гладко. И еще испытывала к ней огромное уважение. Неизвестно, как переживает это Аттила, но она держалась молодцом. Не знаю, смогла бы я так. Когда Джош валяется дома в жутком похмелье после вечеринки в «Разоренной могиле», или знакомит меня с очередной кошмарного вида и поведения девицей с татуировкой на груди и пирсингом на языке, или «ловит отходняки» после кислоты, я устраиваю ему качественные разгоны. А ведь он мне не сын и даже не брат. И все равно стоит мне только представить, что с Джошем может что-то случиться, и я уже места себе не нахожу. Что же будет, когда у меня появится свой ребенок? Подумать страшно.

Увидев нас, Имоджен поднялась и поскакала навстречу, используя квадратные камни мостовой как классики. Она была довольно опрятно одета и со стороны производила впечатление вполне благополучного подростка.

— Привет, привет, привет! — проговорила она быстро. Потом

дотронулась ладонью до груди Перри.

— Ангелы поют!

Это был ее своеобразный ритуал. Мы-то уже привыкли к «тараканам» Имоджен, но прохожих она порой пугала всерьез. Однажды она довела до истерики какую-то не в меру религиозную особу, сообщив, что ее ангелы плачут. Благо мы были поблизости и принесли ей воды и валерьянки. А Имоджен смотрела на это со стороны с чувством исполненного долга.

— А у меня? — спросила я.

Она приложила ладошку к моей груди.

— Поют, поют! Ангелы поют!

— Ну слава Богу. Хочешь кока-колы?

— Имоджен пьет колу, ест колу, Имоджен не может жить без колы! — пропела она, улыбаясь. У нее была потрясающая улыбка, а в глазах порой мелькала такая глубокая мудрость, что по спине пробегала дрожь. У одной моей подруги был младший брат, тоже умственно отсталый, и у него — такой же взгляд — в нем бережно хранилась вся жизнь, которую ему никогда не прожить. Но он не дожил до возраста Имоджен. Она, кажется, умирать не собиралась и гордо несла свое тайное знание в массы.

Перри дал ей доллар. Она приблизилась, заговорщически шепнула: «*Он ищет тебя*» — и унеслась с радостными воплями к ближайшему автомату.

Я таки задремала в машине, и только легкие прикосновения губ к векам заставило меня чуть-чуть выплыть на поверхность. Перри всегда так — будто разбить меня боится, будто я стеклянная. Мы друзья, всегда ими были и, боюсь, всегда будем — по крайней мере, мне так кажется. Без сомнения, Перри ко мне неравнодушен, но… видно, не настолько, чтобы терпеть фантом моей первой любви в нашей постели. Я его тоже люблю, но насколько — предпочитаю не думать. Мы друзья, и пока что это работает без сбоев.

— Приехали, Ки.

Перри отодвинулся, прежде чем я открыла глаза. Этого совсем не хотелось — то ли от усталости, то ли от этих поцелуев.

— Тебе иногда не кажется, что Имоджен действительно что-то такое знает? — спросила я сонно, пытаясь стряхнуть остатки дремоты.

Он ищет меня.

— Имоджен — потемки, — ответил он. — Наука, к сожалению, до нее еще не доросла. Ну что, до квартиры проводить или сама справишься?

— Сама, спасибо. Давай и ты спать.

Он хмыкнул, и это означало — только после пачки снотворного. У Перри было личное отношение к сну.

Дотопала я на автопилоте. Быстро расправилась с замками и вошла в прохладу квартиры, на ходу бросая сумку на кресло и включая автоответчик. В этот момент рука дрогнула, словно получив маленький электрический разряд.

«Кьяра!!!»

«Привет, это Кира Кастл, которой нет, но она вас внимательно слушает».

Автоответчик стал похож на бомбу с часовым механизмом, только тронь блестящую черную клавишу — и раздастся взрыв, который уничтожит комнату, дом, район, город… Хотя это, конечно, зависит от силы взрыва. Возможно, разрушения коснутся только ЭТОЙ комнаты, ЭТОЙ жизни. ЭТОЙ руки, пальцы которой только что мягко нажали кнопку.

«Кьяра, это я, — раздался голос Лиз Уоррен. Как обычно, сдержанный, ну разве что немного больше. Будто все-таки она прилагала усилия, чтобы сдерживаться. — Перезвони».

Я схватила трубку и набрала номер.

— Что случилось, Лиз? Что с Эвой?

У самого уха повисла пауза, душная и тяжелая, почти осязаемая.

— Ты уже знаешь? Откуда?

Откуда ты знаешь, Кьяра? Ты первая, кому я звоню!

— Вези ее в клинику, Лиз, не теряй время, — ответила я, пропуская мимо уха вопросы, требующие слишком уж развернутых ответов.

— Я не могу, Кьяра. — Спокойствие Лиз медленно, но верно давало течь, капля за каплей, как кровь, покидающая тело Эвы. — Все узнают, а ей только девять лет. Ей еще жить. Ты же знаешь, я не могу.

Я глубоко вдохнула, собралась.

— Вези. Мы сохраним все в тайне, если что, но может, еще не поздно. Быстро, Лиз. Я звоню Перри.

Лиз Уоррен положила трубку, не прощаясь, и я по-быстрому перезвонила Перри, не давая себе времени обдумать наш странный диалог. Как давно такого не было. Последний раз у меня было видение в прошлом году, и я не то чтобы знала, но догадывалась, что (кто?) его вызвало.

В любом случае, Имоджен, кажется, не ошиблась.

* * *

ДЖОШ

Когда Перри скинул мне сообщение, я уже заранее прекрасно знал, что к чему. И видения тут были абсолютно ни при чем, самая банальная интуиция. Все естество мое, конечно, взбунтовалось по поводу требования вытащить свою задницу из постели и закинуть на работу, но тон SMS-ки не оставлял вариантов.

Доктор Мастертон, у вас наверняка никогда не было похмельного синдрома. А если был… тогда вы просто зверь.

Я выкатил из-под кровати банку теплого пива. Это было слишком мерзко, чтобы обдумывать так рано утром, поэтому нужно было сделать быстро. Потому я твердой рукой вскрыл жестянку, которая тут же обдала меня струей омерзительной как по вкусу, так и по запаху, но все-таки пришлось проглотить все до капли. Ненавистная жестянка улетела в угол, где собралась уже немаленькая усыпальница. В комнате был бардак, один из видов Всеохватывающего, Великого и Ужасного Бардака, кропотливо создаваемого парнем двадцати лет большую часть жизни. В конце концов, он становился настолько индивидуальным и неповторимым, что уборка уже казалась кощунством не меньшим, чем сожжение Лувра.

Моя новая прическа дает привилегию не расчесываться, шмотки тоже нашлись на удивление быстро, но впереди было самое страшное — холодный душ. Он был жесток и непреклонен, как Кира и Перри за день до зарплаты, но *убийственно* эффективен с похмелья.

— Убейте меня, — простонал я, — plea-a-a-zzzzz! — но убить было некому, так что я остался жить.

В лечебнице было тихо, поскольку Эва Уоррен была на данный момент чуть ли не единственной пациенткой. Двое других лечились амбулаторно, и это совсем не было опасно, несмотря на то что одна из пациентов даже после курса Anti-W внутривенно жаловалась, что ей хочется выть на луну. Я едва сдерживался, чтобы не сказать ей, что она просто дура, и если превратится в волка, то исключительно силой своего внушения. Со вторым, укушенным вампиршей, проблем не было — ему просто промыли рану, пару раз укололи антибиотик и сделали внушение по поводу шатания ночью по сомнительным клубам и знакомства с сомнительными девушками. Вот все бы так.

Кира с Перри уже были на месте. На мой хайр никто не

обратил внимания, видимо, было не до того. Мимо воли я вспомнил, как мы впервые встретились. Кира видела меня всего один раз до того — мне было шесть, а ей — одиннадцать, и с тех пор я нехило изменился. Мама сказала: будь собой, как в рекламе «Спрайта», ну и ладно, буду. Все равно рубашку я сжег утюгом, а потом сжег и утюг, так что от костюма тоже пришлось отказаться. По концовке из зеркала на меня смотрел потасканный нью-орлеанский джанки. Когда я переступил порог больницы, на мне была рубашка дикого оранжевого цвета с пальмами, драные джинсы, миллион косичек до плеч и ужас в глазах, плохо прикрытый вызовом обществу.

Она выглядела здорово: костюмчик под халатом, темно-пепельные волосы до плеч («адвокатское» каре), осанка балерины — просто мисс Кадровое Агентство. Доктор Кастл. Кира запомнилась мне маленькой занудой со вздернутым носом и жидкими хвостиками, которая не отходила от моей матери. Они шушукались, как две подружки, хихикали, мазались помадами, и меня это бесило. А теперь, смотри-ка — доктор Кастл. Я не боялся, что она попрет меня в таком прикиде, но выносить снобизм не научился с раннего детства. Да, я сын шлюхи (в прошлом), стриптизерши (в прошлом), хозяйки агентства порномоделей (в настоящем), но лучшей матери, чем Вилли, нечего и желать, я никогда не устану гордиться ею. И она должна гордиться мной. Пусть Кира и вся ее чистенькая компания слишком хорошо воспитаны, чтобы показывать свое презрение, я все равно буду знать, что работаю здесь только потому, что мама попросила. Мне очень нужна эта работа, да. Но не настолько.

Так вот: от доктора Кастл я ожидал чего угодно: здравствуй, Джошуа, как дела? как мама? рада тебя видеть, надеюсь, мы поладим. А она сказала:

— Джош, что это за *хрень* у тебя на голове?

Доктор Перри Мастертон (для меня тогда пока еще Большой Строгий Парень с благородной ранней проседью и фигурой реслера), стоящий рядом с ней, не выдержал и захохотал так, что уронил планшетку.

Кажется, в тот момент я понял, что полюблю их навсегда.

…В палате находились еще трое — женщина, похожая на Хиллари Клинтон в ее худшее время, и девочка, Эва. Ей сделали перевязку, и на первый взгляд все выглядело не так страшно — на сломанную руку наложен гипс, правые предплечье и лодыжка аккуратно перебинтованы.

В кресле, съежившись и обняв себя руками, сидел Адам

Уоррен. На два пальца правой руки был наложен гипс, глаз и полщеки цвело фиолетовым.

— Она в коме? — спросил я шепотом.

Женщина (Лиз Уоррен?) бросила на меня настороженный взгляд, но Кира успокаивающе пожала ее руку.

— В шоке. Я дал ей обезболивающее, пусть поспит. — Перри вгляделся в мирное лицо Эвы, всю мирность которого портили черные круги вокруг глаз и царапины на подбородке. — Пойдемте в мой кабинет.

* * *

ПЕРРИ

В моем кабинете было светло и как-то по-домашнему уютно, хотя никаких каминов, ковров и лосиных рогов на стене. Цветовая гамма — бежевый и черный, стол — полукруглый, на нем — идеальный порядок. На стенах две репродукции Нормана Рокуэлла — «старая Америка». Я не переношу того, чего не понимаю, поэтому стандартные офисные «абстракции» оказались за бортом — у Киры.

Со стороны можно было подумать, что Лиз Уоррен абсолютно спокойна, если бы не дрожащие пальцы. Она все время теребила какой-то листок, пока наконец он не превратился в лохмотья. Я мог только представлять, что она чувствует, но не было ни слов, ни мыслей, чтобы как-то поддержать ее. Я знал, на что шел, когда согласился работать в этой клинике, но *осознал* это не так давно — в прошлом году. Когда на нас напали. Когда мы столкнулись с настоящими чудовищами нос к носу; не с теми, кто хоть с большой натяжкой, но напоминал людей, как Лассе и Зак.

И Эли

…не с теми, кто стал таким по несчастной случайности, как Беати Форджа. С другими, непонятными, дикими и агрессивными, как бешеные хорьки. И хотя я понимал, что при других обстоятельствах все мои вышеперечисленные знакомые, обвиненные в человекообразности, могут быть не менее дикими и агрессивными, все-таки они умели вести себя как люди.

Ну, если исключить из памяти картину драки с чертовыми *горгульями*. Так их Джош назвал, и довольно метко.

Не дожидаясь, когда ее спросят, Лиз сказала:

— Адам принес ее ночью, под утро. Сказал только, что чуть не попался полиции, ведь тогда Эву отвезли бы в больницу, и пришлось бы все объяснить…

— Но она все равно попала бы к нам, — возразила Кира. Лиз бросила на нее знакомый взгляд *«ты-то должна понимать!»* и отчеканила:

— Останутся записи, документы, отчеты — нет, спасибо. Если Эве суждено быть такой, пусть лучше никто об этом не узнает. Это как родимое пятно на лице — пусть оно не заразно, но люди от тебя шарахаются. Конфиденциальности не существует, как бы кто ни обещал, и вам я доверяю только потому, что у меня нет выхода. Я знаю, что вы должны позвонить в полицию, и могу только надеяться, что вы этого не сделаете.

Все они знали, о чем говорит Лиз, и знали, что в основном

она права. Если Эву укусил волк (или сфинкс, или любой другой «антроп», что значения не имело), для большинства людей она станет прокаженной. Пусть даже признаки зверя не будут никак проявляться в течение всего месяца, а проявившись, будут скрыты или угнетены инъекциями Anti-W, Эве не быть нормальной. Клеймо лунатика останется с ней навсегда.

Но об этом не обязательно кому-то знать.

Проблема была в том, что я, как главный врач, был обязан ставить всех «новообращенных» (новозараженных?) на учет и отправлять списки в полицию. За сокрытие сведений такого рода светила статья и неслабый срок. Это противоречило врачебной тайне, но было единственным условием, при соблюдении которого мэр разрешил открыть клинику (кроме внушительных размеров взятки, разумеется). В этом был определенный смысл при поиске виновных в нападениях, ведь оборотни и вампиры — не самые мирные существа, особенно когда дело доходит до утоления голода. Но сейчас этот учет ничем не мог помочь. Я не мог обратиться в полицию за данными, чтобы найти напавшего на Эву. И прямо сейчас я принимал непростое решение, после чего закон перестал быть нашим другом и союзником.

— Вы разрешаете поговорить с Адамом? — спросил я.

Лиз немного помедлила, затем кивнула.

— Если это необходимо. Но я буду рядом.

— Мы не в полиции, конечно, вы будете рядом, миз Уоррен.

Адам встрепенулся, когда мы вошли, и заморгал, будто дремал.

— Как ты? — спросила я.

— Как Эвита?

— С ней будет все в порядке.

Он качнул головой, словно не поверил. Ему было шестнадцать — возраст, когда все делают глупости; приблизительный возраст, в котором Кира сделала огромную жуткую глупость с последствиями; и теперь мне хотелось услышать все.

— Расскажи нам, что произошло.

Адам убрал волосы назад и медленно вдохнул.

— Я ушел на пляж, там мы с друзьями должны были встретиться. Но они не пришли, — заговорил он внятно, почти заученно. Видно, что он не раз обдумывал этот текст. — Я не знал, что Эва увязалась за мной.

— А когда ты увидел ее?

— Когда… — его голос стал тише, будто он боялся сорваться на крик, — когда… оно на нее напало. Я бросился к ним, но оно

меня ударило. Сильно. Потом я мало что помню. Я не мог встать. Не мог помочь ей.

Лиз бросилась к нему, обняла, и он зарылся лицом в ее волосы.

Кира с Джошем переглянулись, потом посмотрели на меня.

— Извини, Адам, — сказал я мягко, как только мог, — но нам нужно знать еще кое-что. На что оно было похоже?

Адам изобразил руками что-то большое.

— Как уродливая кошка, только без шерсти. Лапы огромные, когти. Темно было. Вторую я не очень рассмотрел.

Мы встрепенулись.

— То есть — вторую? Какую еще вторую?

Он шмыгнул носом.

— Перед тем, как… ну, вырубиться, я увидел на камне женщину, она тихонько сидела и смотрела, как… ну, как это происходит. Потом встала и начала подходить. И та, кошка, вроде отпустила Эву.

— Ты уверен, что это была женщина? Темно же было.

— Но не кромешная же тьма. Она так двигалась так… ну, по-женски. И… у нее глаза горели, как чертовы фонари. Красным. Они горели красным.

Во всяком случае, это подтверждало мои наблюдения, хоть и не объясняло ни на йоту.

Мы вчетвером вышли в коридор, оставив Адама.

— На ее теле два совершенно разных вида укусов. Первый — скорее всего, сфинкс; сначала я подумал, что это волк, они больше распространены, но потом стало ясно, что все-таки кошка. Не то строение челюстей.

Я запнулся, вдруг осознав, что миз Уоррен совсем не обязательно выслушивать про строение челюстей, которые терзали ее дочь.

— Но меня больше занимает второй. Потому что я понятия не имею, что это такое. Одно очевидно — это *что-то* пило ее кровь.

— Но не вампир, — уточнил Джош.

— Ясное дело, иначе я так и сказал бы. Зубы, как у акулы. Да и глаза у них красным не светятся. Есть положительный момент — следов заражения от второго укуса нет. Видимо оно услышало полицейские сирены и ушло.

Лиз не вздохнула с облегчением, не заплакала, не кинулась к Эве. Она явно не верила в чудеса и никогда не искала легких

путей.

— Это значит, доктор Мастертон, что сфинкс заразил ее? — спросила она только. — Или тут тоже есть положительный момент?

— Есть, — сказала Кира и обняла ее. — Ее раны очень быстро заживают.

* * *

Идея создать клинику для больных, пострадавших от противоестественных существ, принадлежала Аттиле Утору, одному из самых богатых людей Штатов. Никто точно не мог сказать, сколько у него денег, но он умел играть и любил выигрывать. И делать рисковые ставки. Когда я участвовал в разработках Anti-W, убивающего и угнетающего вирус при укусах определенного типа существ — так называемых «детей ночи», или «лунатиков» (в основном ликантропов-волков, сфинксов-кошек и сетхов-змей), никто не хотел финансировать сомнительный проект, хотя реальность ликантропии никем давно уже не отрицалась. Ее перестали считать разновидностью эпилепсии, после того как лунатик по имени Макс Портленд устроил превращение в прямом эфире, в прайм-тайм. Он был в клетке, вокруг стояли люди с ружьями, заряженными снотворным, и все равно зрелище было еще то. Когда он, рыча, как испорченный кондиционер, и брызгая слюной, кинулся на прутья, в него выпустили сразу десяток ампул, а двое полицейских упали в обморок. Это шоу изменило все.

Кроме того, что спонсор так и не объявился. Видимо, люди предпочитали просто закрывать глаза на проблему в уверенности, что ничего подобного никогда не произойдет лично с ними. Забывая о том, что, к примеру, тот же Макс Портленд — такой же человек, как и все, и на его месте мог оказаться каждый. И может в любой момент. А в обычных лечебных заведениях отношение к таким пациентам однозначное…

И вот однажды Утор позвонил и предложил мне деньги, прямо так, с порога. В то время у меня уже сложилась гибельная для карьеры не-дай-Бог-репутация сумасшедшего ученого, и о том, что меня называли (без ложной скромности) хирургом милостью Божьей, никто не вспоминал. Но Аттила Утор не только спонсировал разработки вакцин. Когда я попытался зарегистрировать клинику, то столкнулся с проблемами, столь многочисленными и разнообразными, что впору было руки

опустить. И тут снова пришел на помощь бездонный счет Аттилы и его влияние. Обед с мэром, звонок шефу полиции, щедрое пожертвование мэрии, пятьдесят новых машин для департамента охраны порядка — и лечебница была открыта. При этом мы встречался с Утором всего один раз, и дальнейшее общение происходило посредством пополнения нашего банковского счета. Deus ex machina. Позже я узнал, что в этот год Утор открыл подобные клиники во всех крупных городах страны.

Мне известны причины внимания Аттилы Утора к проблеме ликантропии. Все знают только, что они есть, и очень личные. Он обмолвился об этом всего раз тогда. И я ни с кем не обсуждал это, кроме Ки.

— *Я делаю это ради своей дочери,* — сказал он. — *Существуй такая клиника и такое лекарство тогда, может, вся наша жизнь сложилась бы по-другому.*

Когда я рассказал об этом Кире, она долго не могла прийти в себя.

— Он точно имел в виду не Имоджен?

— Да точно. Помнишь, когда она попала под дождь? Я ее обследовал тогда. Она может, и с другой планеты, но не оборотень.

— Просто… я знала дочь Утора, мы вместе учились… Но я понятия не имела, что она лунатик! Как она могла это скрывать, будучи всегда на виду?

Я хотел побольше узнать о старшей дочери Аттилы Утора, но Кира как-то вдруг замкнулась, и разговора не получилось. Она тогда долго молчала, словно думала о чем-то. Ну, да в любом случае, девушка умерла много лет назад, и ничего уже не узнать.

И вот теперь я с ума сходил от невозможности помочь Эве Уоррен. Проблема была в том, что анти-W для волков не подходил ей. Нужно было делать его заново, из крови сфинкса. А их чертовски мало. Но проблема была даже не в этом — можно же обратиться в другую клинику, наконец. Проблема в том, что сейчас нам могла помочь только полиция, и даже это не факт.

— Но вы знаете кого-нибудь? — спросила Лиз. — У вас же есть свой список?

Мы переглянулись.

— Мы знаем только одного, то есть одну… но ведь они устроены немного не так, как волки…

— Да не тяните вы! — Лиз глубоко вдохнула. — Что нам мешает сделать препарат для Эвы, ведь впереди, насколько я

поняла, еще несколько недель!

— Дело в то, что нам нужна кровь *того самого* сфинкса, который напал на нее, — сказала Кира. — Из крови просто любой кошки можно получить только угнетающее средство, этому есть нудное научное объяснение. Но если мы не обратимся в полицию, то *никогда* не найдем этого монстра. А если найдем — то, думаете, тварь, напавшая на маленькую девочку, так и даст нам пробу крови? Мы же не коммандос.

— Черт!

Лиз опустилась на стул. Морщины под глазами стали резче.

— У кого-то есть мысль? — спросила она устало.

— У меня есть, — сказал Джош.

Он посмотрел на меня, потом на Киру. Нужно отдать должное — у мальчика иногда появлялись достойные, хоть и безумные идеи.

* * *

КИРА

Я знала, что это плохая мысль, но нам могло повезти. Просто повезти.

Лиз с Адамом ушли к Эве, а мы втроем уединились в кабинете Перри.

— Мы ведь знаем кое-какой местный андеграунд, — начал Джош и моментально заметил, как сжимаются губы Перри. — Подождите протестовать, ребята. Если уж у нас нет доступа ко всей базе данных, а в нашей есть только одна кошка, то сам Бог велел поспрашивать у нее. И еще у кое-кого…

— С вампирами свяжись, — проворчал Перри. — Потом не расплатишься. Им дашь палец, они руку откусят.

Я сцепила пальцы, что означало «думаю».

— Может, и откусят. Но Джош прав — они должны чего-то знать. Новенькие в городе здорово светятся, особенно в такой тусовке, — кто-то да слышал, кто-то да видел. Допустим, я навещу Фландерсов. Но сомневаюсь, что Беати Форджа скажет нам больше, чем Зак ей позволит. К тому же, чтобы даже просто поговорить с ней, нам нужно его разрешение.

— Это еще зачем? — спросил Джош.

— Неужели не понимаешь? У всех вампиров больное самолюбие. Он считает ее своей собственностью, и если мы обойдем его, вместо помощи у нас появятся лишние проблемы. Я бы не хотела иметь Зака своим врагом, особенно когда нам так нужна любая информация. А так ему польстит, и он, может быть, не откажет нам. Может быть.

— И как ты себе это представляешь? — раздраженно сказал Перри, кажется, излишне раздраженно. — С чего ты взяла, что они вообще будут говорить с нами? Тот же Зак может просто оторвать любому из нас голову прежде, чем мы его увидим. Что касается Лассе…

Он не договорил, что касается Лассе. Я и так понимала.

— Мы не можем не попробовать только потому, что боимся. Вы правы, приятного мало, но выхода-то нет!

— Ладно, — сказал Перри обреченно. Я заметила, как он сжимает и разжимает свою обожженную ладонь — он нервничал. И было с чего. — Выберем время за час до рассвета, когда они будут сыты и довольны. Кроме меня.

— То есть? — не поняла я.

— Я беру на себя Лассе, его реально выловить на какой-

нибудь выставке. Дай-ка газету. — Он открыл предпоследнюю страницу. — В два… в пять… не то… а вот! В полдесятого, галерея «Миллениум». Это единственная выставка вечером, и он там может быть. Надеюсь, он не съест меня в общественном месте.

Это была шутка, но… Мне не нравилось, как говорил Перри — быстро и резко, как снимают пластырь. Он решил не идти по легкому пути, и даже если я сейчас предложу самой встретиться с Лассе, он откажет. Потому что желает встретиться со своим страхом лицом к лицу и таким образом, возможно, вышибить клин клином.

— А Зак, скорее всего, висит вниз головой на мосту. Его телефон у нас есть, поэтому придется позвонить и узнать, на каком именно.

Джош выглядел обеспокоенным.

— Что вы так смотрите? — заныл он. — Почему я? Конечно, Кира — к Фландерсам на пирожки, а мне…

Перри пожал плечами.

— Во-первых, ты младший. Во-вторых, ты интерн и находишься под нашим началом. В-третьих, ты тоже любитель попрыгать с моста. Но если хочешь, есть и другая причина.

— Ты ж ему так нравишься, — сказала я подленьким голоском, чтобы хоть немного разрядить ситуацию. Дразнить Джоша было одно удовольствие. — И по крайней мере, на вид ему двадцать, да и по умственному развитию не больше, сколько бы ни было на самом деле. Так что мы для него слишком занудны, а у вас много общего.

— Да неужели?!!

— О да, — подхватил Перри, подмигивая мне. — Жаль, что ты не лунатик, он ведь их предпочитает, да? Будь ты волком или кошкой, Зак давно бы на тебе женился.

— Извращенцы чертовы, — Джош вздохнул. — Хрен с вами. Но учтите: это в последний раз я иду на поводу, и только потому, что из тебя, Кира, дипломат никакой. Тебе только с Фландерсами и общаться. Никакого адреналина.

— Куда уж мне. Если честно, то, боюсь, Зак действительно не станет даже говорить со мной. У тебя больше шансов. Но если ты боишься…

— Да не боюсь я, — отмахнулся Джош. — Не то. Просто ненавижу общаться с вампирами. Такие понты вечно. Так на тебя смотрят… ну будто банка с пивом вдруг заговорила. Типа*: ух*

ты! Да оно и говорить умеет! Прикольно! Чувствуешь себя последним ничтожеством. К тому же Зак вечно лапает меня, как девочку.

Я рассмеялась — хотя смешного тут было мало.

— У меня другое чувство, — подал голос Перри. — Будто они знают про тебя какую-то гнусность. Ведь в жизни любого наверняка происходило что-то такое, о чем он не расскажет и под страхом смерти. А они смотрят своими лемурьими глазами, и на лице выразительно написано: а мы все знаем… не бойся, никому не скажем… это будет наш с тобой секрет… И вот понимаешь же, что ни черта они знать не могут, а все равно не по себе.

— У тебя есть тайна? — удивилась я. — В жизни не поверю. У кого угодно, но не у тебя.

Он промолчал, и я не стала допытываться. У меня самой был маленький камешек в ботинке… И в прошлом году я узнала, что не такой он и маленький.

— А я однажды… — начал Джош, но я закрыла ему рот ладонью.

— Избавь нас от подробностей, дорогой! Кстати, почему твоя мать мне еще не позвонила?

— Откуда ты… — начал он, но потом схватился за волосы. — А! Точно. Она колдовала надо мной полдня, а потом мы завалились в «Разоренную могилу». Наверное, мама-сан отсыпаются, что и я бы делал, если бы не… это все.

Волосы Джоша были заплетены в косички-жгутики и приплетены к голове, что делало его похожим на чертовски симпатичную рептилию. Он такой хорошенький получился — в нем почти не сохранились азиатские черты матери, ну может, хорошо очерченные скулы, как нарисованные; а глаза не раскосые, просто какие-то кошачьи. Я не видела его отца, но оливковый оттенок кожи у Джоша явно не мамулин, и волосы тоже — такие жесткие, что если бы мать не крутила из них разные безобразия, они наверняка торчали бы под прямым углом. Прически Джоша — чья-то большая слабость, потому что эта *кто-то* сама всегда бреет голову чуть ли не наголо. Я знала — если Джош приходит утром с очередным произведением искусства на голове, это может означать одно — великолепная Ванилла Вегас (ударение на «а»!) в городе.

— Ладно, — сказал он, — пошел я, коль никто не возражает. Если позвоню, значит, Зак и Беати меня не слопали.

— Не смешно это, — Перри нахмурился. — Не забывай, что

он может купить тебе выпивку, а через пять минут оторвать голову и использовать как фонтанчик. Это все-таки очень опасно.

— Жить опасно, — бросил Джош, отсалютовал нам и испарился.

Жить опасно. Мы это знали. Эва Уоррен это знала. Узнала слишком рано.

Мы с Перри наконец остались наедине. Он тяжело сел на кушетку.

— Ты все еще боишься Лассе, верно ведь?

Он медленно кивнул.

— Ки, я не знаю. Я правда пытался помочь ему, но…

Он даже не произнес имени Эли, словно это было какое-то заклятие.

— …Но думаешь, что у Лассе другая точка зрения на этот счет.

Я взяла его ладонь и погладила стягивающий шрам от ожога.

— Брось, Перри. Ты никогда больше не будешь оперировать, и при этом еще терзаешься чувством вины. Мы-то знаем, что произошло на самом деле. Ты ничего не мог сделать.

— Но Лассе знает это только *от нас*. А еще он знает, что потерял любимого, и это знание для него куда весомей.

Я смотрела на спортивную фигуру Перри, на его широченные плечи, до которых я едва доставала макушкой, подбородок супергероя, глаза цвета антрацит. И было странно, что он чего-то боится. Хотя это вовсе не был страх физической расправы, а что-то другое, что мучило его вот уже целый год.

Мы с Перри познакомились в ситуации, достойной, чтобы рассказывать ее внукам. Если точнее, то мы были знакомы раньше, просто это трудно было вспомнить. Почти невозможно.

Была середина июля, когда на город навалилась редкая невыносимая жара. Воздух стоял плотный, как толстое одеяло, он не только обволакивал все тело, но и забивал нос, рот и уши, превращая людей в полуслепых, полуглухих и озлобленных дебилов. В квартире, которую я снимала, стоял кондиционер, но тем разительнее было контраст, когда в конце концов приходилось выбираться на улицу. Тем более что временная безработица позволяла мне делать это минимально редко. В тот день я решила пройтись по магазинам, но прокляла себя после первого же — перед глазами все плыло, кожа покрылась отвратительной липкой пленкой, и магазинные кондиционеры делу не помогали. Короче говоря, я шла, не видя дороги, и

мечтала только об одном — оказаться скорее дома. Нет, о двух вещах — еще о бутылке ледяной минералки.

И вдруг я наткнулась на какое-то препятствие. Я сделала шаг, но оно все никак не исчезало. Тогда я подняла к небу заплывшие потом глаза и увидела перед собой мужчину, — я, оказывается, наткнулась на него, но мозги слишком расплавились, чтобы подсказать телу обойти преграду. Итак, я стояла, едва доставая в верхней своей точке до его груди, и не трогалась с места. А этот монументальный терминатор просто стоял и смотрел, что я стану делать. И тогда я с силой втянула в легкие раскаленный воздух и выдала:

— Что вы… ПОД НОГАМИ ПУТАЕТЕСЬ!!!

При нашей с ним разнице в росте это сразило его наповал, и через секунду я уже заливалась минералкой в ближайшем кафе. Терминатора звали доктор Перри Мастертон. В этот же вечер он предложил мне работу.

Я честно призналась, что меня исключили из института на последнем курсе, и так же честно сказала, почему. Все прекрасно знали, что это была чистой воды подстава, классический случай из «больничных» сериалов; что лечащий врач умершей пациентки ни словом не обмолвился, что у нее аллергия, он попросту забыл это прояснить. Но интерн, то есть я, — лучший в мире козел отпущения. Меня вежливо попросили вон, давая понять, — мне просто повезло. Исключение все же лучше, чем нары. О медицинской карьере, само собой, предлагалось забыть.

Перри выслушал меня. Потом позвонил Аттиле Утору (!). У меня чуть глаза не вылезли, когда я услышала это имя. Я обедаю с человеком, проблемы которого решает Аттила Утор! Моментально! По телефону! Ничего себе кино!

Я начала работать с понедельника.

Позже выяснилось, что мы вместе ходили в младшую школу и даже участвовали в одном спектакле. Правда, Перри утверждал, что узнал во мне Ключ-от-замка сразу же, ну да ладно. Может, и так. Я его не узнала бы точно, потому что с десятилетнего возраста он изменился в десять раз больше, чем Джош и я вместе взятые.

Потому втройне невыносимо было смотреть на него сейчас. Я-то верила каждому его слову. Его рука так пострадала, что чистой воды чудом он может ею пользоваться, не говоря уже о работе со скальпелем. В худшем случае Перри остался бы при скрюченной клешне, едва способной удерживать ложку. Я

понимала, какая это потеря для медицины, но не могла представить, что чувствует он. Никогда не затрагивала эту тему. Никогда. И вот он говорит, что весь год думал совсем не о своей изуродованной руке, не о пациентах, которых он никогда не спасет, а о Лассе. И об Эли.

— Он так боялся… — сказал Перри шепотом, глядя в окно, в то время как я гладила и гладила его руку. — А у меня только и было, что банка таблеток. Мы не должны были сдаваться, может, удалось бы выбить ту чертову дверь. А я просто сидел и ждал, когда подействует снотворное.

— Не удалось бы, ты же знаешь. Наши двери не пробить и тараном.

— Ки, мне снится голос Эли: как он рыдал, когда понял, что ничего уже не сделать. И до самой смерти думал о Лассе — как тот будет без него… Я ничего не почувствовал в руке, веришь? Боль была во всем теле, будто он делился со мной… я тогда хотел забрать ее всю, эту боль, пусть лучше я…

— Ты забываешь, кто он был, — сказала я тихо.

— Никто не заслуживает этого. Если бы я думал по-другому, то никогда не связался бы с медициной.

Я промолчала, не потому, что думала по-другому, а просто не хотела ничего говорить сейчас. Мы спасаем людей, но убиваем каждый день бесчисленное количество живых существ, с которыми равны перед Богом. Животных, насекомых… *Они* — вампиры, лунатики, другие дети ночи — убивают людей. Кто имеет право судить? Только тот, кто не боится быть судимым. Я лично боюсь.

Перри взял свой пиджак, намереваясь уходить.

— Подожди, — сказала я, — пожалуйста, останься. Я хочу рассказать тебе кое-что.

* * *

ПЕРРИ

У нее был такой голос, будто это важно, и я остался. Это было к лучшему. Я совсем не хотел получать лишнее свободное время на обдумывание моей встречи с Лассе. Наверное, попросту боялся передумать.

Я — человек науки и к мистике отношусь неоднозначно. Раньше я был уверен, что любое мистическое событие можно объяснить, даже если придется потратить на это всю жизнь. Рану можно заштопать, опухоль — вырезать, а вирус — нейтрализовать. Оборотни — не колдуны. Вампиры — не демоны. Сахар — сладкий, соль — соленая. Мой мир был миром белых стен, зеркальных лезвий, сложных названий и запаха эфира. Но кроме него были еще миры, бесчисленное множество. В них жили существа, которых я никогда не видел; в них готовились колдовские зелья, которые лечили и убивали, и говорились заклинания, которые работали. В них шаман, танцующий вокруг костра, мог больше, чем все самые опытные доктора мира. В них было страшно. И в них хотелось быть. Там оборотни — монстры, вампиры — демоны, а сахар — горький, как полынь. Эти миры притягивали, как незнакомые удовольствия, и затягивали, как знакомые наркотики. Я не был там, но есть люди, которым я верю. Я верю Ки.

Она рассказала мне про свое видение. Потом добавила:

— Я его чувствую, как в прошлом году. Рэйни здесь.

Я не знал, что сказать, и обнял ее.

— Я не боюсь его, — сказала она мне в плечо. — Он тоже может помочь поискать нашу кошку.

— Не ври мне, Ки, — ответил я ей в тон и погладил по блестящим мягким волосам. — Ты боишься не меньше меня. Не знаю, какая *кошка* между вами пробежала десять лет назад, но вы не друзья. Я не могу тебя отпустить.

Кира медленно высвободилась. Взгляд ее серо-зеленых глаз был решителен, как черт знает что, и это чувство постепенно передавалось и мне.

— Тогда мы будем бояться вместе, ты — за меня, а я — за тебя. И нам не будет страшно за наши жизни. Поклянись думать об Эве.

— Я уже давал эту клятву.

Но добираясь до галереи, я нарушил клятву: думал о Кире. То, что она рассказала нам в прошлом году, никак не

вписывалось в мое мировоззрение, но я удерживался от комментариев. В большей степени потому, что для Киры это было тяжело — рассказать кому-то, а если бы я усомнился в ее словах… Не знаю, потерял бы я ее доверие или нет, но рисковать у меня не было никакого желания.

Так вот, насколько я понял, еще в школе Кира, ее друг Рэйни и еще некоторое количество людей были выбраны (избраны?) для участия в неком ритуале. Целью его было стать членом Ордена, какой-то древней и очень неправдоподобной мистической организации, про которую мало было известно — вроде бы они были бессмертны и имели какие-то сверхспособности, — да Кира и не очень интересовалась. Она ввязалась в это за компанию и была уверена, что ее все равно не примут в этот загадочный Орден. Должны были выбрать одного, и Кира не казалась себе достойной. В восемнадцать часто делаешь глупости.

Трагедия в том, что это оказалось не тем мероприятием, в которое стоит ввязываться за компанию. Закончилось все печально: подруга, втравившая Киру в эту авантюру, погибла, а ее парень исчез. И объявился только в прошлом году. Объявился, подтверждая буквально всем своим видом, что это была и близко не игра.

Рэйни тогда ничего Кире не сделал. *Но Ки его боялась.* Я это чувствовал, хотя причины не знал; ведь они были друзьями, больше, чем друзьями — с чего бы ей бояться? Но она боялась, и не только — она страдала. Я не мог ей помочь. Как и она мне.

* * *

ДЖОШ

Вид у него был добродушный,
но когти острые, а зубов так много,
что Алиса сразу поняла — с ним шутки плохи.

Л. Кэрролл

Я заехал домой за снаряжением, переоделся и поехал к мосту. На улице было почти морозно, как-то очень уж свежо для тарзанок, но Заку, в принципе, холод не помеха. А я не собирался прыгать. Мне только нужно было его найти.

Я нашел его моментально — он был в чем-то белом и сиял, как маяк.

При ближайшем рассмотрении это белое оказалось спортивным костюмом. Ожидая, пока я выберусь из машины, Зак улыбался во все тридцать два. Он стоял, опираясь локтем о перила моста, рядом валялась большая спортивная сумка.

Моя мама умерла бы от восхищения, если бы увидела его прическу — у меня такое просто никогда не получится, и это ее немного огорчает. Дай ей волю — она перепробовала бы на мне все придуманное и не придуманное. То, что «Платиновые ножницы» не украшают ее туалетный столик, просто чудовищная несправедливость.

Слово, которое наиболее точно характеризует прическу Зака, — «геометрическая». Ничего другого мне в голову не приходит. Я многое повидал по салонам маминых приятелей, поэтому меня уже автоматически привлекали такие искусности — гладкие, черные волосы, выстриженные острыми клиньями, и рваная челка до подбородка, постоянно прикрывающая глаз. Карий с желтизной. Второй глаз зеленый, темный, как тина. Я рассмотрел это в прошлом году, когда видел его в больнице при свете. Сейчас было темно.

Зак двинулся ко мне, сверкая глазами и зубами. Еще чуть-чуть — и поверю, что он рад меня видеть.

— Привет! — сказал он. — Решил попрыгать?

— Привет. П-прохладно немного.

— Да? Я не заметил.

Он обошел меня, едва касаясь пальцем, будто очерчивал по мне круг, и от этого по коже сыпануло мурашками.

— Джошуа, а ты подрос. И прическа у тебя клевая.

На-чи-на-ет-ся…

— Если я хоть немного тебя знаю, детка, — продолжал он, — то ты пришел не просто так. Смею предположить, что ты *даже меня искал*.

— Да, искал, — сказал я, стараясь выглядеть дружелюбно. — Ты видишь меня насквозь.

— Ну так…

В двух словах я изложил нашу проблему. Сначала мне показалось, что Зак даже не слушает — он смотрел мне ниже подбородка не отрываясь, будто думал о своем. Будь я проклят, если не знаю, о чем. Я даже начал нервничать. Но когда закончил рассказывать, он мигнул и перевел взгляд выше.

— Ага… И что же это Большой Перри сам не пришел, а послал тебя? Подожди, я угадаю. Он отправился к Лассе, хотя сам помирает от страха. Боится, что Лассе винит его в смерти Эли. Нет ничего хуже, чем оттягивание мести, хотя сицилийцы иного мнения… А у Киры, вероятно, свои дела. И по какой-то причине они уверены, что я сегодня тебя не съем, иначе не пустили бы одного. Интересно только, *с чего они взяли?*

Его прозорливость меня и взбесила, и перепугала слегка. Я и близко столько не знал.

— Но ведь не съешь? — решил я прояснить ситуацию сразу.

Глаза Зака засияли, даже сквозь челку. Опасно и красиво.

— Так вы думаете, что это Беати?

Мой вопрос он проигнорировал. Блин, в этом весь Зак.

— Боже упаси. Никто так не думает. — Я вспомнил наставления Киры. — Просто нам хотелось бы поговорить с ней, может, она кого-то знает — кошек мало вообще-то. Она должна чуять своих, правда?

— Ну так чего не поговорили, раз хотели?

— Мы подумали, что лучше вначале спросить у тебя… может, ты не позволишь ей говорить.

Кира попала в точку, хотя и не совсем.

— Я всегда был падок на лесть, — сказал Зак задумчиво. — Вы молодцы просто. Я ничего не слышал о чужих кошках, но

Беати действительно может знать. Она такая скрытная…

Он весело рассмеялся, будто предположение о том, что Беати может что-то от него скрывать, жутко смешно.

— Так можно с ней поговорить? — спросил я осторожно. Настроение Зака — как горящая спичка. Никаких сквозняков.

Вовремя я так подумал.

— Я, пожалуй, разрешу вам перекинуться словом. И даже провожу тебя к ней. Но…

Всегда эти чертовы «но».

— Но что?…

Зак подошел ко мне так близко, что я увидел блестящую «собачку» молнии на его куртке. В темноте его лицо казалось обмороженным добела. Он положил ладони мне на плечи и склонился к уху, почти прижимаясь губами:

— Ты должен мне прыжок, — сказал он почти шепотом.

Как только он это сказал, мурашки, бегающие по спине, отвалились, скрючив лапки. И я ощутил, как все-таки холодно.

Видно, эмоции отразились на моем лице или меня передернуло, потому что глаза Зака стали веселыми и коварными одновременно.

— Как хочешь, — пожал он плечами, — дело твое.

Я внутренне выругался, посылая глубоко в ад всех вампиров, садистов, и Зака в частности — как воплощение того и другого.

— Думаешь, слабо? — спросил я со злостью.

Моя злость его только веселила.

— Щас увидим.

Я распутал снаряжение и прикрепил его к перилам. Пальцы гнулись слабо. Прыгать в такой холод — если не самоубийство, то откровенно тупой поступок. Но зная Зака, а он мог потребовать и что-нибудь гораздо менее приятное, следовало вопить от восторга.

Ветер бил в лицо, когда я стал на перила, выдохнул облачко пара и прыгнул.

— Не бойся, — сказал мне в спину Зак, — я классно умею делать искусственное дыхание. С языком.

Теперь я точно постараюсь выжить.

Ледяная волна ударила меня, как лавина, я кажется, на секунду потерял сознание. Но только на секунду. Прыгать в темноте не так плохо — не видно приближающейся земли, готовой расплющить тебя, как таракана. В это-то весь кайф, если тебя не шантажируют и не в такой холод. Я сжал зубы так, что

чуть не раскрошил, и отдался полету. Через несколько минут стало не так плохо, я уже мог наслаждаться прыжком, а потом даже появилась испарина. Ну если не подхвачу воспаление легких, все будет просто супер.

Зак даже помог мне вылезти. Он просто взял меня за шиворот и перекинул через перила, будто я ничего не весил.

— Круто, — сказал он, все еще не выпуская меня. Его рука поглаживала по спине, пока что целомудренно тормозя у поясницы. — Ты крутой парень, Джош. Сделал это, даже без надежды, что Беати чем-то вам поможет. Это круто.

Я хотел сказать, что вовсе я не крутой и мне было страшно, но передумал. Мне почему-то было приятно услышать это, от него в особенности. Однако все же я поспешил выбраться из этих цепких рук — чтоб неправильно не понял. Заку понять неправильно только волю дай.

— Ты без машины?

— Беати забрала, собиралась заехать за мной. Но раз такое дело, значит, мы навестим ее. То-то девочка удивится.

Клуб «Разоренная могила» был очень популярным в нашем районе, и я часто туда захаживал. Там же я нередко встречал Зака, и он даже здоровался со мной. Чего не скажешь о Кире и Перри, которых тоже иногда можно было вытащить сюда на бокал пива, — он не обращал на них внимания, будто рядом со мной пустое место. Ну, для них небольшая потеря. Просто еще один аргумент «за» при решении кого послать к Заку за информацией.

Мы сели за столик и заказали по коктейлю. Официант перед Заком чуть ли на пузе не ползал, можно подумать, что он владелец клуба или еще кто.

На эстраде пела девушка в черном кожаном платье, еле прикрывающем бедра. Зато черные волосы спадали почти до колен, закрывая ее змеистыми локонами. Лицо почти пряталось в гуще волос, слышен был только голос-шепот, красивый и отчетливый, как теплая вода по коже:

Не говори ей, что она мертва…
Она проснется утром, выпьет кофе…
Работа — дом — работа — дом — работа…
И дни ее, и ночи ее — клоны…
Она не знает, что давно мертва…

Звучало это жутковато, прямо хотелось передернуться, как от

холода. Хотя в машине я отогрелся, еще остался легкий озноб. Если я перенес поездку с Заком в одной машине, то песню я как-нибудь переживу.

Голос взлетел в пронзительное крещендо, последний аккорд взвыл, и — тишина. Не было даже аплодисментов, все сидели и бродили какие-то придавленные.

Певица спрыгнула со сцены и подошла к нам. И только сейчас, когда она сняла черные очки, я узнал Беати Форджа. Блин, я сто раз ее здесь видел и слышал, но до сего момента просто в упор не узнавал!

— Привет, Беати, — сказал я.

Она неласково улыбнулась, показав мелкие зубки. Потом сняла парик и бросила на соседний стул — волосы заструились по стулу до самого пола, будто парик был живым существом. Под ним был хвостик, замотанный какой-то ширпотребовской красной резинкой, точно в цвет ее помады.

— Что-то случилось? — спросила она у Зака. Он пожал плечами:

— Ты нам скажи.

Беати непонимающе уставилась на меня тяжелым змеиным взглядом. Но она не могла меня напугать, пока у нее были руки, ноги и человеческое лицо. Я видел ее в зверином облике, и пронять меня теперь непросто.

— Ты не знаешь никого из новых кошек в городе? — спросил я.

— Твое какое дело?

— Заткнись и отвечай, — сказал Зак, не повышая голоса. Какое противоречивое приказание. Она скривила губы, будто зарычала, но ничего не сказала. Не надо быть экстрасенсом, чтобы чувствовать волны ее агрессии — интересно, кто испортил ей настроение?

— А что случилось? Кого-то потрепали? — Беати потянулась и с деланным спокойствием начала лакать коктейль из блюдца. То ли ей и правда так было удобнее, то ли она прикалывалась — не знаю, но все, что неестественно, чуть-чуть пугает.

Зак развалился на стуле и вроде бы нас не слушал, неспешно прочесывая взглядом толпу.

Не дожидаясь ответа, Беати произнесла с ленцой вперемешку с легкой яростью:

— Я ничего не знаю. Последний раз я видела кошку года три назад в Денвере.

И замолчала, уткнувшись в блюдце, будто меня и нет.

Можно было еще поспрашивать, но весь ее вид показывал мне на дверь и не располагал к общению. Она выглядела уставшей и злой, а злой сфинкс — явление малоприятное. Хотя лучше злая Беати, чем добрый Зак. При настроении его доброта не имеет границ, но парадокс в том, что некоторые границы я предпочел бы оставить.

Бармен вынырнул из-под стойки и показал Беати на сцену, мол, пора.

— Ну давай, работай, — Зак притянул ее к себе и поцеловал. Она нахлобучила парик, переступила через мои ноги и грациозно вспрыгнула на высокий помост, приземлившись на все четыре. Когда она оглянулась, из уголка ее рта стекала кровь.

Зак облизнулся и снова обратил на меня все свое внимание, что мне было совсем не на руку. Пора рвать когти.

— Ну, я…

— Уже уходишь?

— Да… нужно возвращаться в больницу.

— А. Может, хочешь позвонить своим друзьям и сказать, что ты жив-здоров-не покусан? — Он протянул мне мобильник, покачиваясь на задних ножках стула и широко улыбаясь.

Черт бы его побрал.

— А можно? — спросил я почти злобно.

— О-о, да мы реалисты? Уважаю. — Не переставая улыбаться, он погладил меня по колену, а потом хлопнул, начисто лишая жест сексуального оттенка. Может, зря я вижу в каждом его движении домогательства? — Излишний оптимизм несколько… раздражает. Если ты хочешь это услышать — *да, можно звонить*. Самое время.

Я вздохнул. И позвонил.

* * *

КИРА

Барт:
— Ма-ама, из-за Лизы у меня угрызения совести!!
Мардж:
— Лиза, прекрати!

«Симпсоны»

У меня совсем не было в планах ездить по всем моим бывшим пациентам-монстрам, и не со всеми мы расстались друзьями. Просто эти точно не станут болтать.

Я подъехала к дому Фландерсов. Он выгодно выделялся среди других — большой, двухэтажный, со множеством пристроек, большим двором и бассейном. Сразу видно, что дом этот — для большой семьи.

На самом деле они — Уэллсы, но мы давно прозвали их Фландерсами — в честь жутко правильных соседей Симпсонов. С мультяшными Фландерсами у них сходства было мало, — как говорит Перри, их скорее следовало назвать Спаклерами из-за количества детей. Просто для меня это означало образцовую, идеальную семью. Такие они и есть. Забавно, если знать, что людьми они вообще никогда и не были.

Семья Фландерсов — сетхи. Сетхов относят к лунатикам, хотя это и не совсем правильно. Строго говоря, само название «лунатик» совсем не правильно, причем для всех детей ночи. Только волки подчиняются месячному циклу, да и то не лунному, а собственному; а сетхи, как и сфинксы, способны трансформироваться по желанию или при эмоциональном стрессе. И в отличие от вампиров, сфинксов и ликантропов, они не бывшие люди, а как бы отдельная раса. Сетхи сохраняют разумность даже после превращения и не заражают людей. Они их просто едят.

Ну, мои друзья давно перешли на тушенку.

Я нажала на селектор. Мне ответили сразу же — ждали.

— Кира, привет! — раздался голос Даррена. — Ты не возражаешь, если мы не будем меняться? Дети еще не спят.

— Каждый раз, как я прихожу, ты меня спрашиваешь об этом. Все еще боитесь меня шокировать?

— Куда уж нам до ваших клинических историй. Заходи.

Даррен нежно обнял меня с восхитительным сочетанием силы и контроля, которым могут похвастаться разве что вампиры и очень немногие оборотни. Крепко, но не так, чтобы я потом неделю кровью харкала. Я, правда, с вампирами не обнималась, однако ничуть об этом не жалею.

На нем была свободная рубашка с закатанными рукавами, которые подчеркивали накачанные красиво обрисованные мышцы под загорелой кожей. Хорошо, что он не светил своим торсом, иначе можно было слюной захлебнуться. Я бы ей-Богу на него запала, не будь он сетхом и неисправимым семьянином. Даррен Уэллс был великолепен от светло-шоколадных глаз и широких скул до мышц живота, о которые можно было кулак разбить. То, что ниже, и ноги в описании обхожу, но не из соображений скромности — их у него сейчас просто не было.

От пояса и ниже начинался хвост, длинный и мускулистый, собравшийся в кольцо, которым Даррен упирался в пол. Текстура кожи напоминала питона, только серебристо-стального цвета, с крупными клетками и тщательно выписанными чешуйками — одна к одной. Если сильно присмотреться, можно разглядеть едва заметную линию, разделяющую хвост вдоль, когда срастаются ноги. Анатомия настолько совершенная, что нечеловеческое продолжение тела совсем не кажется инородным и отталкивающим. Хотя это как сказать. Как я уже говорила, в отличие от волков и кошек, даже перекинувшись, сетхи остаются вполне адекватными. Тем моторошнее наблюдать, как бесшумно и ловко они скользят по дому. Не видела я существ грациознее, чем сетхи.

— Кира, сладкая, — сказал Даррен, бережно ставя меня на пол, — какая ты красавица.

— Да ну.

— Ни в сказке сказать, ни в фотошопе сляпать. Поверь старому греховоднику.

Ну, если считать их возраст как положено — один к трем, то разница между нами действительно немаленькая. А в пересчете на наш возраст ему было тридцать пять, на которые он и выглядел. Ни больше ни меньше.

Даррен Уэллс работал каскадером «по вызову», а в свободное время писал стильные дамские романы. Всякий раз я без устали поражалась, как глубоко и точно он разбирался в женской психологии и человеческих взаимоотношениях, и это не будучи человеком вообще!

Из кухни выползла — в прямом смысле — Джанин, улыбаясь и вытирая руки полотенцем. Улыбки у них были одинаковые, белозубые и искренние. Зубы им по сути вообще не нужны, но живя в обществе, они предпочитали не оригинальничать и выглядеть привычно. Они вообще были похожи между собой — смуглая кожа, цвет глаз, светло-каштановые волосы, и этому могло быть объяснение, поскольку у сетхов не существует понятия кровосмешения. Проще говоря, браки между близкими родственниками естественны, хотя я никогда об этом не спрашивала. Не мое это дело.

Даррен и Джанин переехали сюда сравнительно недавно. Правда, здесь было холодновато для привычного сетхам климата, но они не чувствовали дискомфорта. А возможно, причина была в другом. По секрету я узнала, что у молодоженов Уэллс было веселенькое прошлое в Луизиане — они грабили банки, виртуозно пробираясь по вентиляционным трубам. Такие себе Бонни и Клайд с хвостами. Их причастности так никто и не доказал, но однажды они предпочли переменить место жительства и остепениться. Попросту они уже наворовали достаточно, чтобы обеспечить и свои положенные триста лет жизни, и детей прокормить. А детей у них, мягко говоря, немало.

Джанин слегка приобняла меня.

— Я вся в муке, извини, сейчас будет готово печенье. Как я рада тебе, Кира, ты как раз к ужину.

От любого другого сетха услышать это — прямо сказать, не очень приятно. Это означало бы, что ужин скорее всего — ты. Но я смотрела в теплые глаза Джанин, на ее ямочки на щеках и курчавую прядь, прилипшую ко лбу, и забывала, что ниже пояса у нее кольчатые бугры мышц и чешуя, а во рту — раздвоенный язык.

Хотя кое-что заметил бы даже Мильтон.

— Боже, ты снова беременна?!

Джанин улыбнулась мне той самой потрясающей улыбкой, которая на мгновение заставляет меня сильно пожалеть об отсутствии семьи и выводка детишек. Но только на мгновение. Среди знакомых девушек моего возраста и старше очень распространена тенденция вступать в брак не для того, чтобы иметь семью, а исключительно ради возможности сказать: у меня есть муж. Мне это не подходит.

Вдруг что-то обвилось вокруг моей ноги, потом вокруг второй. Я чуть не упала, не заметив, как ко мне подкрались кое-

какие младшие Фландерсы. Они пялили на меня свои круглые глазенки и хихикали.

— Это кто разрешал выходить из комнаты? — Милое лицо Джанин перечеркнула суровая складка. — Ники, Нелли, Саманта, ну-ка марш наверх, живенько! И напомните Сьюзен, Стиви и Стью, что опоздание на ужин сегодня неприемлемо. У нас гости!

Малыши стремительно шугнули по лестнице, смешно, как амебы, выгибая свои тонкие хвостики, и напоследок Джанин успела шлепнуть полотенцем одну из крошек. Вернее, лестниц в доме не было, были пологие помосты, застеленные ковровым покрытием, по которому легче заползать. Все для удобства семьи. У Даррена золотые руки, по большинству он сам построил этот дом.

— Несносные, — Джанин произнесла это как «ненаглядные».

— Что, опять наказаны? — В последний раз кто-то из крошек забрался в соседский двор и слопал пару канареек из клетки, прямо с перьями и потрохами. Джанин была расстроена не меньше хозяев.

— Ну да, — горестно вздохнула она. — И когда они отучатся тянуть в рот все, что шевелится?

— Попугайчики?

— Хуже, — Джанин понизила голос. — Соседский кот.

Я сочувствовала бедному коту, но все равно мне стало смешно. Разве на них можно сердиться?

Честно говоря, насчет детишек Даррена и Джанин я уже со счету сбилась. То ли десять, то ли двенадцать. Старшие, Кевин и Бреннан, уже выпорхнули — или, если хотите, выползли — из семейного гнезда и уехали в Луизиану, на историческую родину, один занимался строительством, другой содержал парк аттракционов. Сейчас старшей была семнадцатилетняя Мэган. На данный момент она одна была на ногах — в буквальном смысле, потому что собиралась на свидание.

Мэган порхнула к нам с лестницы — настоящая красавица, кудри собраны и заколоты, туфли на гигантском каблуке. Красивые ноги. Наверное, ей нелегко приходится переходить на обувь.

— Как его зовут? — спросила я.

Мэган покраснела. Так очаровательно.

— Джонни Фостер. Вы его помните?

Вау. Мне ли не помнить Джонни Фостера! Собственно, он и был причиной нашего знакомства с Фландерсами два года назад. Он встречался с Мэган, но на одной вечеринке парочка вдруг

разругалась, и взбешенная Мэган в него плюнула… Все бы ничего, если бы слюна сетхов не вызывала у людей сильнейший аллергический шок. При попадании на слизистую оболочку она провоцирует полный паралич больше чем на сутки и последующее кратковременное нарушение моторики и речи — это если тебя до тех пор не съедят. Занятно то, что слюна действует таким образом, только когда сетхи голодны или злятся, а Мэган разозлилась не на шутку. Попади она в глаз — и мгновенная смерть, но Джонни повезло. В общем, Мэган привезла его в нашу клинику, в истерике и трясясь от страха. За компанию она до смерти перепугала охранника. Просто бедный парень работал у нас недавно и к монстрам еще не вполне привык. Увидев ее красные глаза, горящие, как угольки, он схватился за пистолет, но не успел и вытащить, как Мэган зашипела, как спущенное колесо, и слегка его прижала. Не надо соревноваться в быстроте с раздраженным сетхом пятнадцати лет. Я до сих пор не могу забыть, как затрещали его кости в мускулистых объятиях Мэган. Еле-еле мне удалось увести ее в один кабинет, а охранника в другой, вкатив им обоим по дозе успокоительного. На Мэган лекарство не подействовало, но теперь она только отчаянно ревела и повторяла, что не хотела.

Я позвонила к ней домой, и тут же примчалась Джанин со всеми младшими, так как их не с кем было оставить. Ее непоседливые детишки расползлись по всей клинике, и мы с большим трудом всех переловили. К счастью все обошлось, мы быстро вывели Джонни из шока, охранник отделался переломом ребра, получил от нас компенсацию и уволился, а мы подружились с этой бесподобной семейкой. Так что неудивительно, что имя кавалера Мэган меня поразило. Крепкий должно быть парень, если не струсил и не сбежал. Помнится, Джошу Мэган тоже очень приглянулась… пока он не увидел все ее прелести. Чтобы встречаться с сетхом, надо иметь железные нервы и поистине глубокие чувства.

На улице послышался автомобильный сигнал. Джанин оправила на ней юбку.

— До одиннадцати.

— До двенадцати!

— До половины двенадцатого.

— Ну ла-а-дно…

Мэган чмокнула мать в щеку и выскочила из дому.

— Так что произошло, Кира? — Даррен усадил меня на диван

перед собой и женой. Они сидели так своеобразно, что вообще редко это делали при зрителях.

Я изложила краткую версию. У Джанин сделалось такое лицо, что я подумала — она заплачет. У нее было особое отношение к детям.

— Сфинкс, какой ужас. Они такие неуправляемые, впору в клетках держать. И что-то такое сейчас бродит по городу? Бедная девочка! Боже, она же возраста Стью и Мэтти!

Я кивнула, хотя ее опасения казались мне излишними — крошки и помладше Стью и Мэтти щелчком хвоста могут взрослому мужчине перебить позвоночник. Потому Фландерсы не рискуют отдавать детей в нормальную школу и очень по этому поводу огорчаются.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросил Даррен.

— Боюсь, что нет. Но если узнаете что-то, позвоните.

— Само собой, малышка. Я бы эту тварь пополам разорвал, попадись она мне.

В этом я была с ним согласна.

— Ну ладно, прервемся. К столу, Кира, — скомандовала Джанин. Я попыталась сопротивляться, но это бесполезно. Я была здорово голодна, а так, как Джанин, не готовит никто. Даже мама Перри.

Специально для меня принесли стул, и все разместились за длиннющим столом. Такие зрелища вполне способны вышибить у меня, закоренелой холостячки, слезу. Они были идеалом семьи — шумной, многодетной, счастливой. И вполне обычной, исключая мелочи типа «Лора, вынь сейчас же хвост из супницы!» или «Фиби, не шипи на сестру!».

Напоследок Джанин, несмотря на протесты, сунула мне в пакет кусок пирога.

— Держись, — сказала она, — на нас ты всегда можешь положиться.

Она снова обняла меня, даже можно сказать, обвила. Я всегда поражалась, до чего у них странная чешуя — мягкая, как лайка, и в то же время ее почти невозможно пробить ножом. После первой настоящей линьки Мэган мне была торжественно подарена ее кожа (до этого она тонкая, как папиросная бумага), которой я имела грех восхититься. Сетхи хранят их как молочные зубы, и с их стороны это было действительно ценным подарком. Кожа была потрясающая, как настоящая, с присущим только молодым

оттенком голубого перламутра. Я промучилась неделю, а потом плюнула на предрассудки и заказала из нее — нет, платье не решилась — сумку. В ателье даже не поняли, что это такое, зато Перри как увидел, чуть сигарету не проглотил. Он у нас гринпис и немного консерватор, я в принципе тоже, но я же не освежевала Мэган в конце концов. Это не то же самое, что лисья шуба. А Джош был в восторге.

Когда я уходила от Фландерсов, то испытывала знакомое чувство. Оно исправно посещало меня каждый раз, когда я переступала порог этого дома. Как парадоксально, что среди людей так невыносимо редко встречаются такие люди.

Постепенно я начала заполняться другими мыслями. Они покинули меня у дома Фландерсов, но терпеливо дожидались у порога, чтобы сопровождать дальше. Мысли о Рэйни. Я не знала, где его искать, и не знала, следует ли его искать. На этот раз видение ничего не подсказало мне.

Но я так хотела его увидеть.

* * *

ПЕРРИ

Правда, как и искусство,
там, где ты ее видишь.

Я вошел в галерею, и сразу пахнуло теплом и какими-то экзотическими запахами. Раздеваться я не стал, просто расстегнул пальто. Народу было немного. В помещении были очень высокие потолки, не меньше пяти метров, стены отделаны под мрамор, и так называемые произведения искусства висели на них в произвольном порядке — то в одну линию, то шахматно, вообще без системы. Вместо рам у картин были странные гнутые трубы, будто закопченные, и удивительно похожие на детали мотоцикла.

Я не ценитель подобного самовыражения, и потому не сильно разглядывал окружающее меня арт-безобразие. Я искал Лассе и нашел его. Вернее, он нашел меня первым. В то время как я оглядывался, он возник передо мной, будто всегда здесь и стоял.

— Здравствуй, Перри, — сказал он.

Если то, что у каждого свои страхи, — правда, то это — мой.

Он смотрел на меня снизу вверх и улыбался, не дружелюбно, а скорее вежливо. На нем был светло-серый костюм, сидящий так, словно он в нем и родился; а в основном Лассе не изменился ни капельки — светлые волосы вились, немного не доставая до плеч. Их в литературе называют льняными, и пока не встретил Лассе, я думал, что такие волосы бывают только у маленьких детей. Но у детей они потом темнеют и становятся жестче, а у Лассе — не стали. И ко всему этому — небесные глаза в венке светлых ресниц. Мне всегда было удивительно — как у такого существа могут быть такие чистые глаза? Они должны быть закапаны кровью или по крайней мере испускать дикий порочный взгляд. А Лассе был похож на ангела, а не вампира, и взгляд у него был невинный, если не сказать святой. Но хотя его ангельский вид мог обмануть кого угодно, я прекрасно знал, что Лассе вполне способен не задумываясь достать мое сердце и выжать его в стаканчик. Я просто не хотел об этом думать сейчас.

— Здравствуй, Лассе, — сказал я, — как дела?

— Ты знаешь.

Я знал, и развивать эту тему могло быть смерти подобно. Светские беседы между нами были очень неуместны.

— Не думал, что ты ходишь в такие места, — заметил он, разглядывая картину, на которую, кажется, просто вылили ведро красной краски.

— Я не… То есть… я знал, что ты ходишь.

Лассе посмотрел на меня немного удивленно — *откуда ты знал?* — и зрачки на небесно-голубом фоне почти исчезли.

— Должен ли я понимать, что у тебя есть какое-то дело ко мне?

Только когда он произнес эти слова, я понял, как они звучат. *Я пришел к нему за помощью.* Я посмел обращаться к нему после всего, что произошло.

Но это была не интонация Лассе, а мои фантазии. Он говорил нормально.

— На мою пациентку напал сфинкс. Ей девять лет.

Лассе моргнул, не отрывая глаз от моего лица. Потом снова перевел взгляд на картину.

— И тебе нужна его кровь, чтобы убить вирус.

Это был не вопрос. Лассе ничего не нужно было долго объяснять.

— Но я чем могу помочь?

— Я думал, что ты мог что-нибудь слышать. О новеньких. В городе пока зарегистрирован только один сфинкс.

— Беати Форджа.

— Да, но это вряд ли она — Зак держит ее в строгом ошейнике. Ему не нужны проблемы с законом. И мы подумали, что…

Наконец Лассе отвлекся от картин и повернулся ко мне. Он слегка склонил голову набок, наблюдая за мной, и у меня пересохло в горле. Лучше бы он меня просто убил.

— Я бы помог вам, но ничего об этом не знаю. — Его голос звучал тепло и спокойно; если там и были посторонние эмоции, я бы их все равно не услышал. — Мне жаль вашу девочку. Если какая-то информация будет, я сообщу вам. Кажется, у вас есть еще месяц.

Я промолчал.

— Удачи, Перри.

Лассе слегка приподнял кончики губ в вежливой полуулыбке и повернулся, чтобы уйти. Разговор окончен. Я отступил назад.

Он жестом подозвал администратора.

— Мне нужна эта картина, — и указал на окровавленный

холст.

— Простите, сэр, но она не продается.

Лассе пристально посмотрел на него, и тот быстро опустил глаза.

— Неужели?

— Я… сейчас узнаю. Одну секунду.

Администратор исчез, и вскоре появился с хозяином галереи. Хозяин шипел на него, как на тупую скотину.

— Миллион извинений, сэр, конечно, она продается. Куда ее доставить?

— Я сам заберу ее. Спасибо.

Он все смотрел на яркие красные потоки.

— Лассе! — это у меня вырвалось, черт, впереди мозгов.

Он оглянулся через плечо.

— *Мне очень жаль!*

Я не знал, насколько искренне звучит произнесенное. И мог только надеяться, что хоть и вполовину так, как я это чувствую.

Лассе лишь кивнул и отвернулся.

* * *

КИРА

Я понятия не имела, где искать Рэйни. Однако по этому поводу не беспокоилась. Изредка проскальзывала мысль, что встреча с Рэйни — не есть необходимость, он ничем не поможет… но я сознательно давила эту мысль. И все потому, что я хотела его видеть.

Я так хотела его увидеть.

В прошлом году все было не так…

* * *

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРВОЕ. В ПРОШЛОМ ГОДУ
Джиперс,
Криперс,
Ты откуда
Выполз?

КИРА

…Когда я вошла в фойе, Джош сидел в регистратуре.

— Мелисса попросила, — объяснил он. — Ее подруга рожает.

— Напомни купить им подарок.

Подруга Мелиссы с большим трудом забеременела через искусственное оплодотворение, и все девять месяцев обе были на нервах. Но вроде все должно быть в порядке.

Свеженуждающихся в помощи пациентов не было, и поэтому не грех было выпить кофе и потрепаться.

— Вот это другое дело, — я критически осмотрела прическу Джоша. Он бросил на меня уничтожающий взгляд. Мама Ванилла сотворила ему дреды по плечи, превратившие его в бомжеватого растамана. Не настоящие, но очень похожие.

Вчера я деликатно поинтересовалась, что бы это значило.

— Я — поклонник Марли, — сказал Джош с достоинством.

— Это из Диккенса? — встрял Перри, проходя.

— Темнота! Это певец такой! Ямайская культура!

Но я не унималась.

— А какое ты имеешь отношение к Ямайке? Твоя мама — камбоджийка, а папаша — полуирландец-полураб. Я загораю темнее тебя, тоже мне, черный брат.

— При чем тут это? — защищался он. — Растафари — открытая религия, а у нас свободная страна. А вы знаете, что в судный день бог Джа вытащит избранных из бездны именно за дреды?

— Ладно, я согласна ответить перед твоим Джа за одну загубленную душу. Здесь тебе больница, а не Марди-Гра.

Джош поворчал, но дреды укоротил вдвое.

В тот же день у меня было видение, самое первое, — мне показалось, что я поехала домой, но внезапно будто дорогу забыла — пробиралась какими-то улицами незнакомого, но опасного на вид района, пока не уперлась в кирпичную стену. Была она гипсово-белой и будто освещенной невидимым прожектором. На стене баллончиком черной краски огромными буквами в нечеловеческий рост было выведено:

«КАК ТЫ СМЕЕШЬ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТАК?».

Я очнулась в кабинете Перри, за которым присматривала, пока он выходил. Голова ясная, я не пила никаких таблеток, но ощущение реальности произошедшего было ничем не убить.

И тогда мимо кабинета кто-то прошел. Неясная тень, я уловила ее в щель приоткрытой двери, но что-то знакомое в ней заставило сердце заколотиться.

Я вышла из кабинета, но никого не увидела. Коридор был пуст жутковатой звенящей пустотой ночного метро. Я забыла про то, что обещала сидеть на месте, и пошла…

Ноги вынесли меня на стоянку машин. Я села за руль и поехала, не имея представления, куда, но вдруг какой-то поворот показался мне знакомым. И только когда я сделала еще несколько уверенных поворотов и въехала в «плохой» район, поняла: я еду по маршруту видения. Это не успокоило меня, смутная знакомость мелькнувшей мимо двери тени не давала мне покоя. Мозгами я понимала, что этого *не может быть*, но я перестала слушать мозги, когда машина уперлась в грязную бетонную стену. Пустую, безо всякой надписи.

Только прямо перед ней стоял Рэйни.

Несколько секунд я просидела, просто вцепившись в руль. Когда пальцы затекли, я с трудом разжала их и попыталась вынести мои отказывающие ноги из машины. Мне было страшно, так страшно, как никогда еще не было. Да нет, вру, было. Десять лет назад, когда я постучала в дверь Рэйни и поняла, что его там нет.

Я вышла, но Рэйни исчез. Меня обступали тени, я стояла в светлом пятне фар и оглядывалась. Это все могло быть сном. Но не было. Это все могло привидеться.

И привиделось.

— Рэйни Дэй! — позвала я в темноту, и он выступил из нее почти тут же, я только заметила, как кроваво блеснули его глаза.

— Как ты смеешь называть меня так?

Ноги у меня опять подогнулись, но Рэйни не сделал ни попытки удержать меня. Только сейчас стало заметно, как он переменился, и главные различия были вовсе не в манерах…

На нем был темный плащ или пальто, закрывающий его от шеи до пят, даже воротник-стойка. Но первое, на что я обратила внимание — рост. Рэйни был всего сантиметров на пять выше меня и всегда считался коротышкой. Сейчас в нем было хороших метр девяносто, и даже выпрямившись, я заканчивалась где-то в районе его груди.

Я заплакала. Я все поняла.

— Рэйни, я не хотела… я просто испугалась. Я искала тебя потом. Когда узнала, что Фокси…

— А что толку искать потом? — Он передернул плечами, не вынимая рук из карманов. — Ты меня бросила, Кира. Втянула в это, а потом бросила.

— Я не бросала! Для нас это было что-то вроде ролевой игры, помнишь? Откуда мне было знать, что все взаправду!

Наконец Рэйни подал мне руку, чтобы я могла подняться. Я не приняла ее. Это была будто не его рука. У моего Рэйни пальцы были короткие, но крепкие, ногти слегка расплющены. Пальцы этой руки были длиннющие, как у музыканта, тонкие и красивые. Ногти на несколько миллиметров длиннее, чем положено, и казались очень твердыми. Я испугалась этой руки больше, чем всего, что увидела сегодня. Но теперешнему Рэйни она подходила.

Он смотрел на меня с оттенком злости, а я не могла оторвать взгляд от его лица. Он стал невозможно красивым. Каким-то образом, сохраняя прежние черты, Рэйни изменился, будто кости лица чуть-чуть сдвинулись, формируя совершенство. Но я узнала бы его все равно, даже если бы он оброс чешуей. Я любила это лицо, когда оно не было таким прекрасным, и не могла выносить теперешнего выражения. Я сделала что-то плохое. Я это чувствовала, но точно не знала до этого момента.

Я хотела обнять его, но он отстранился, будто даже хотел меня оттолкнуть. Но не сделал этого. Просто стоял и смотрел.

— Рэйни, расскажи мне, что случилось? — попросила я до того жалким голосом, что снова чуть не разревелась.

Он наклонился ко мне с высоты своего нового роста. Длинные светлые волосы упали на плечи, но в них были заметны серебристые ниточки. Я представила прежнего Рэйни с длинными волосами и всхлипнула от припадка истерического смеха.

— Ты не хочешь знать, правда ведь? — Его голос звучал низко и густо, будто тек. — Ты хочешь это все забыть.

— Да откуда ты знаешь?! — взорвалась я наконец. — Разве я пришла бы сюда, искала бы тебя?! Да я десять лет реву по ночам, не было ни дня, ни ночи, чтобы я не вспомнила о тебе! Ты просто исчез! Я не хочу ничего забывать, я хочу знать, что произошло. После этого можешь меня убить.

— Разрешаешь? — усмехнулся он. Я все еще не видела его глаз, они были похожи на разбитые фары.

— Не имеет значения. Если ты пришел убить меня, то хоть удовлетвори мое любопытство.

Последнюю фразу я едва построила, она казалась слишком сложной в этой ситуации. Но видит Бог, я не кривила душой. Просто устала я, и все тут.

Он отступил, все еще улыбаясь, чтобы я могла увидеть его в свете фар, и добился нужного эффекта. Я зажала себе рот ладонью и презирала себя за это. Лассе — нет, а вот Зак обожал улыбаться на публику, но в сравнении с Рэйни его улыбка была просто детский лепет. Все зубы Рэйни стали одинаковыми — длинными, узкими и острыми, как зубья капкана. Никакого разделения на резцы, клыки и прочее. Они смыкались по принципу шестеренки и были почти незаметны, когда он молчал, прятались за красиво вырисованными губами, но сейчас он улыбался. Для меня.

Рэйни сделал шаг навстречу, и усилие, благодаря которому я устояла на месте, было просто нечеловеческим. Ну, может, чуть менее нечеловеческим, чем его улыбка. Он провел руками по моим плечам, склонился и дотронулся губами до виска. Губы были теплыми и мягкими, и прикосновение совсем не вязалось с ситуацией. С угрозами. С обещаниями. С его обидой и моим страхом.

— Уезжай, пока можешь, — шепнул Рэйни.

Я схватила его за руки.

— Расскажи мне все.

— Не проси. Сейчас я в прекрасной форме, и оставим это.

— Усовершенствованный вариант? — нервно всхлипнула я, пытаясь поймать его взгляд, но никак не могла сфокусировать свой. — Супер-Рэйни?

— Вроде того.

— Но ты все еще злишься на меня.

— От этого никуда не денешься. Ты предала меня, а это как-то непросто забыть. Но я меняюсь, и скоро это уже ничего не будет значить. Недолго осталось.

Рэйни отстранил меня и медленно двинулся к единственному выходу из тупика.

— Я должна тебя бояться? — спросила я ему в спину. Он хмыкнул, как-то очень похоже на прежнего Рэйни.

— Это все, что тебя волнует?

— Да нет, я… — Я поняла, как это прозвучало, — будто меня ничего не колышет, кроме собственной безопасности, но это ведь неправда. Я хотела обнять его, прижаться к нему, любить его, и чтобы ничего не произошло. Чтобы я не пошла тогда на поводу у Фокси Лютор, чтобы не ввязалась в это, чтобы не бросила его одного. Чтобы он не превратился в монстра (я что, правда сказала «в монстра»?..). Чтобы, чтобы, чтобы…

Рэйни вдруг резко обернулся и развел руки, будто звал меня в объятия, но я знала, что это не так. Он снова улыбался — специально.

— Ты не понимаешь! Так уж вышло, что я выиграл и получил приз. Я более чем доволен, и здесь ирония, потому что это никак не умаляет твоей вины. Просто так вышло. А могло бы быть по-другому — если бы выиграла Фокси, например. Но для нее все сложилось наилучшим образом…

Я похолодела.

— *Ты убил ее?..*

Он не ответил.

— Ты убил Фокси? И всех других? И меня убьешь?

Он не исчез, слава Богу, не взлетел и не растворился в воздухе — просто медленно ушел, будто наслаждаясь произведенным эффектом. Я не отрывала взгляда от его спины, пока видела ее, а потом прыгнула в машину. Моя нога даже не сразу попала на педаль. И когда я давила на нее и рыдала, и сжимала руль до онемения в руках, и не видела дороги, то не могла избавиться от мысли, что никуда он не ушел, а стоит где-то совсем близко, в темноте. Ждет меня. Играет со мной.

Машина с визгом нырнула за угол, я уже видела светящуюся вывеску нашей больницы, когда что-то огромное свалилось на капот и закрыло собой все лобовое стекло.

Я заорала и нажала на тормоз. Оно слетело или спрыгнуло и в тот же момент ударило по стеклу лапами, длинными и корявыми, как у самки богомола. Стекло расцвело паутиной трещин.

Стресс от встречи с Рэйни, наверное, давал о себе знать. Я не испугалась так сильно, как могла бы. Просто дала задний ход, не собираясь рассматривать неожиданного агрессора, и не задумываясь наехала на него. Затрещали кости — стократно усиленный эффект от звука, когда таракана давишь. В то же время оно издало дикий вопль, высокий и тонкий, почти на грани ультразвука и резко замолчало.

В полной тишине билось только мое сердце, где-то под горлом.

Кто-то открывал дверцу, вытаскивал меня из машины — Перри. Я слышала себя со стороны. Сказала: все нормально. Кто это? Не знаю. Нет, не поранилась. Разве что немного — осколок порезал щеку. Что? Где я была? Где я была…

Где-то в глубине меня включился механизм-стабилизатор. И

когда мы с Перри, Джошем и другими затащили напавшую на меня тварь в морг, он уже почти привел мои нервы в порядок. Правда, при этом едва не перегорел сам…

* * *

ДЖОШ

Посетители появились внезапно, я слушал «Murder Ballads» — старенький альбом Ника Кейва, и даже не заметил, как они вошли. Просто легкий шорох — я подумал, что вернулась Кира, но когда поднял голову, встретился взглядом с вампиром.

Они к нам обычно не заходили. Мы сталкивались с ними редко, и только в том случае, когда кто-то плохо переносил превращение. А это само по себе редкость. Если кому-то вздумалось стать вампиром, его обычно не тянет в это время на больничную койку, как бы хреново ни было.

Он налег всей грудью на конторку, за которой я сидел и мирно пил кофе. На нем была джинсовая куртка, надетая прямо на голое тело.

— Привет, детка. Старшие дома есть?

Мне он не понравился с самого начала — наглая сволочь, уверенная, что ей все можно. И какого рожна он пришел сюда? Забыл дорогу в донорский пункт?

— Доктор сейчас подойдет, — сказал я, выключив плеер и стараясь вести себя хорошо. — Какая у вас проблема?

— У меня? — Он хмыкнул. — У меня нет проблем. — Рваная челка падала на половину его лица, позволяя мне видеть нахальный зеленый глаз. Он отбросил волосы назад, и я увидел, что второй глаз светло-карий, с желтым ободком. Зрачков почти не было видно — крохотная черная точечка, изредка вздрагивающая.

Он еще сильнее налег на конторку, чуть ли не перевешиваясь через нее, и я начал отодвигаться назад. Язык его пробежал по губам.

— А у тебя есть проблемы? — спросил он вполголоса и внезапно сделал резкое движение вперед, будто кусает.

— Ам!

Я вздрогнул, да — а кто бы не вздрогнул? Но хоть со стула не упал, спасибо крепким нервам. Этот подонок начинал меня раздражать — постольку, поскольку злость сублимирует страх.

— Зааак, — подала голос его спутница откуда-то снизу, — мне здесь не нравится. Давай валить отсюда.

Зак моргнул, и его зрачки слегка увеличились. Только сейчас до меня дошло, что я не отрывал взгляда несколько минут. Я встал, просто в подсознательном стремлении стать с ним одного

роста — это, в общем, бесполезно, но смотреть снизу вверх еще неприятнее.

— Так есть у тебя проблемы, Джошшуа?

Надо же — читать умеет.

— Не было, пока ты не появился.

Из лифта вышел Перри, и я ему очень обрадовался.

Он оглядел компанию, она ему не понравилась, как и мне. Трудно нормально относиться к вампирам, если твоя профессия — оказывать помощь их жертвам.

— А, вот и док, — протянул Зак и наконец от меня отвлекся. — Беати, иди сюда. Ну, шевелись!

Девушка развалилась в прямом смысле слова на креслах для посетителей. У нее было странная внешность — я бы сказал, что по строению черепа она напоминала Мэрилина Мэнсона, разве что лицо не такое длинное. И при этом ухитрялась быть не уродиной. Волосы беспорядочно висели вокруг узкого лица с тонкими губами и тонко выщипанными бровями, вокруг темных глаз десять раз карандашом обведено. И вообще вся она была какая-то узкая — не худая, а именно узкая — плечи, бедра, даже ладони. Поскольку черные брюки обтягивали ее второй кожей, это было не скрыть. На ногтях толстенный слой черного лака, кое-где ободранного. И еще — она была босиком. Я бросил взгляд на ее ноги — слегка деформированные пальцы, сразу видно, балетом занималась. А по виду не скажешь. Совсем не балетная девочка. Скорее по классу басс-гитары.

— Как вас зовут? — спросил Перри.

— Беати Форджа, — она говорила, будто жвачку жевала, и все время оглядывалась на Зака. Он же упал в кресло в той же позе, что была у нее, и рассматривал потолок. Наверное, у него была достаточно развитая фантазия, так как потолок был вообще-то белый.

— Вы у нас наблюдались?

Беати хмыкнула, — будто Перри сказал какую-то глупость. Но через секунду мы поняли, почему.

— Не-ет. Я — сфинкс.

Она это так сказала, будто в этом была ее личная заслуга.

Мы впервые видели сфинкса. Они — огромная редкость, и если при общем количестве лунатиков больше всего волков, то меньше всего, наверное, кошек.

— И?…

— Мне нужно позвонить моему офицеру.

— Кому? — переспросил Перри.

Зак оторвался от захватывающего зрелища.

— Офицеру-куратору, — пояснил он. — Беати досрочно освободили.

Пока она жала кнопки, мы с Перри переглянулись. Я понял его взгляд — если бы Беати Форджа согласилась сдать немного крови для исследования, это было бы просто здорово. С ней у нас была напряженка. Вообще-то мы могли сделать это и просто под видом взятия анализа, но Перри… короче, честен и чтит букву закона.

В это время она звучно бросила трубку и вернулась к нам.

— Пройдемте в кабинет, — предложил Перри.

— Только он пойдет со мной.

Зак помахал нам рукой из почти горизонтального положения в кресле.

Перри нахмурился.

— Это не положено.

— Ладно, ладно, — сказал Зак покладисто, — давай одна. Не думайте, док, она не боится. Последний, кто посмел дотронуться до нее не так, как следует, — в коме с проломленной головой, а предпоследний, увы, в могиле. Так что я смело ее с вами отпускаю.

У нас не было повода ему не верить — сфинкс, как любой лунатик, может кулаком стену пробить. Кто посмеет приставать к такой крошке?

Беати пожаловалась на небольшую головную боль, слабость, и выпадение волос, Перри осмотрел ее (оч-чень осторожно!), но ничего не обнаружил. Во время всего процесса я наблюдал на его лице то выражение, которое бывает у меломанов на музыкальных развалах или у археологов, докопавшихся до какого-то невозможного артефакта. Он осматривал ее руки, гнущиеся в обратную сторону; пальцы с лишними суставами, строение челюстей, позвоночник, способный как угодно деформироваться. Беати блуждала глазами по кабинету, и ей было глубоко наплевать на то, какую пользу она может принести обществу.

Наконец Перри решился.

— Миз Форджа… мы можем заплатить вам, если вы согласитесь сдать немного крови для лабораторных исследований.

— Зааак! — гаркнула она так, что мы с Перри аж дернулись от неожиданности.

Тот заглянул в кабинет.

— Они тебя обижают? — спросил он деловито, и в его голосе

слышался пугающий азарт. Будто ему только повод нужен. Хотя они могли растерзать нас в любую минуту и абсолютно без повода.

— Нет, но они хотят заплатить за мою кровь.

Беати спряталась за него, обняла, будто прилипла. Он провел ногтем по тонкой коже у нее на шее. Когда открылся порез, он лизнул его, и ранка почти сразу же закрылась. Зак с удовольствием слизнул кровь с ногтя.

— Сожалею, но ее кровь — моя до капли. Продавать ее — аморально. Вы же не согласитесь взять у меня деньги за секс с вашей подружкой?

Я не видел логики, но я не вампир. Или Зак просто издевался над нами, или же связь была. Куда нам, простым смертным, понять.

— Или согласитесь? На что не пойдешь ради науки. Да, Беати? Можем махнуться… Я дам и своей крови в придачу.

— Достаточно, — сказал Перри.

Я сидел тихо, но видел, что он Перри достал.

— Неужели вам не нужна наша кровь? — деланно удивленно спросил Зак, и Беати захихикала в его плечо. — Тело вашей любимой дороже жизни несчастных пациентов? Или у вас просто нет подружки?

В голосе Перри закипал гнев.

— Кровь нам нужна и очень, — сказал он четко и спокойно. — Миз Форджа, на внешний осмотр вы в порядке. Если станет хуже, я вас жду, сделаем более серьезное обследование. Честно говоря, я никогда не слышал, чтобы луна… сфинкс болел.

— Я тоже, — ответила Беати, все еще вися на Заке.

— Да ладно, заживет, как на *кошке,* — согласился Зак, от души улыбаясь мне. Я не смотрел на него, и все равно чувствовал эту улыбку, будто ее накалывали на моем теле. — Но мы еще придем. Может, вы передумаете… насчет подружки.

И, хохоча, они вышли в коридор.

Перри протер очки, а если он протирает очки, это значит сердится. Попасть ему под горячую руку — не самое приятное. Если только ты не монстр.

— Вот уроды, — пробормотал я.

И тут я услышал голос.

— А кровь вампира вам нужна?

* * *

ПЕРРИ

Я повернулся к двери в поисках кого-то вроде Зака, но парень, который вошел, был настолько не Зак, что первым делом на язык просился вопрос: кого вы имеете в виду насчет вампира?

Но он имел в виду себя — то есть их обоих, и я это понял, как только присмотрелся. Этот тоже явился с приятелем. У нас сегодня ночью прямо какое-то семейное посещение.

Оба были светловолосы и чем-то похожи между собой. Второй на вид совсем юный, в джинсах и рубашке навыпуск, волосы расчесаны на прямой пробор и собраны в хвост. Есть лица, которые и не требуют других причесок, настолько они самодостаточны — такое лицо было у него. Как камея. Чуть выпуклый лоб, светлые, но четкие брови, хорошо прорисованные черты. Идеальная модель для художника. Часто портрет получается гораздо лучше и выразительнее оригинала — он и был таким портретом.

Я понял, что засмотрелся, и перевел взгляд назад на первого. Меня встретили глаза. Прямо сразу. Они отвлекали внимание от лица, продуманного так же тщательно, как и у его спутника. Но у того глаза не доминировали, а здесь остальное просто терялось и расплывалось на их фоне.

— Меня зовут Лассе. Его — Эли, — сказал он. Ему нужно было моргнуть или отвернуться, чтобы я отвел наконец взгляд.

Таким даже небо не бывает. И голубые камни не бывают. Такого цвета вообще не бывает. Но при всей кажущейся хрупкости то, как Эли, будучи на голову выше, все время держался позади и помалкивал, выдавало, кто в этой паре главный.

— Что вам угодно?

— Мы можем сдать кровь. Такой у вас точно нет.

— Она особенная? — спросил Джош, и я только его заметил.

Лассе сделал скупой жест рукой.

— Не особенная, просто у вас такой нет. Может, пригодится.

У меня язык чесался спросить, с чего бы это такая щедрость, но вдруг Эли подал голос, будто прочел мои мысли:

— Нам нужно воспользоваться вашим донорским пунктом.

— У нас просто нет наличных, — предвосхитил мой вопрос Лассе. — Мы могли бы, конечно, кого-нибудь убить и ограбить, как *среди насэто принято,* но…

Эли улыбнулся, немного надменно, будто шутке.

— Мы не выходим за рамки, если можем этого избежать.

Это радует.

— Кое-кого не останавливают рамки, — проворчал Джош. Лассе бросил взгляд на дверь.

— Зак плохо воспитан, но и он держится рамок. И держит в них Беати, иначе вы бы уже валялись здесь мертвые.

Джош приготовил все нужное, и Эли спросил:

— Я или ты?

Не отвечая, Лассе снял пиджак, закатал рукав рубашки. Руки у него были тонкие и гладкие, пальцы — длиннющие. На безымянном пальце я увидел обручалку. Это заставило меня украдкой бросить взгляд на Эли. У него были такие же красивые руки. И обручалка. Интересно.

Вена вышла мне навстречу, будто всплыла под прозрачной кожей. В нее не попал бы только слепой. Я скачал, сколько нужно, и по привычке хотел продезинфицировать укол.

— Не надо, — сказал Лассе. Я взглянул — действительно, ранки уже не было.

Джош вынес две квитанции и передал Эли.

— Донорский пункт в соседнем крыле.

— Вы нас выручили, — сказал тот, и взгляд цвета электрик смягчился. Эли играл зрачками не хуже Зака, просто делал это не нарочно.

— Рад помочь.

Я, кажется, действительно был рад помочь. Для вампиров они были ничего, во всяком случае, в данных обстоятельствах.

Мы вышли из кабинета, и тут Лассе вдруг остановился, будто что-то услышал.

— Авария, — сказал он.

Мы с Джошем переглянулись. Было очень тихо.

— Где?

— Перед клиникой. Кто-то в кого-то врезался.

Не сговариваясь, мы понеслись к выходу.

Уже у двери я увидел машину Киры со сморщенным капотом. Но она сама была жива. Слава Богу, она была жива.

— Все нормально… — повторяла Кира, когда я вытаскивал ее. Она была как в трансе, а я не верил людям в трансе. Даже если этот транс — совсем не следствие аварии.

— Ты не поранилась?

— Нет.

— КТО ЭТО?

Голос Джоша.

Мы подошли и увидели существо, раскинувшееся под колесами машины.

— Не знаю… — сказала Кира.

— Ух ты, какая уродина!

Только сейчас я заметил, что Зак и его кошка все еще здесь. Беати сидела на корточках, обняв колени, на дымящемся капоте, будто это ее не волновало.

— Мы поможем перетащить ее в ваш морг, если разрешите посмотреть, что у нее внутри, — сказала она.

Это была неплохая идея, странно, что она мне первому не пришла в голову.

— Вы знаете, что это такое? — спросил я Лассе. Он покачал головой.

— Впервые вижу. Но чем-то оно мне знакомо… Может, вспомню.

— Ну так нести или нет? — настаивала Беати, принюхиваясь к трупу.

— Пожалуйста, — сказал я наконец.

Это была большая ошибка.

* * *

ДЖОШ

Пока Перри представлял Кире наших гостей и пытался объяснить, что они здесь делают, я смотрел на Киру и не уставал удивляться. Нам все-таки чаще приходится иметь дело именно с людьми, а не монстрами, а она воспринимала все так, будто такое происходит каждый день. Ну подумаешь, ерунда какая — две семейки монстров в гостях. Может, она все еще была в шоке, не знаю; но только мне показалось, что Кира недавно видела нечто такое, в сравнении с чем Зак с Беати и Лассе с Эли казались ей абсолютно заурядными.

Ситуация на самом деле была ничего себе: мы в морге с тремя вампирами и оборотнем разделываем дохлую тварь из кошмарных снов. Если бы я не знал, что не курил сегодня, то грешил бы на глюки. Точно.

Кожа у него была холодная и в пупырышках, как у ощипанной курицы. Но без сомнения существо было человекообразным. У него были ноги. И руки. Даже больше, чем положено.

— Кажется, он меняется, — заметила Кира.

Да я тоже заметил. По-моему, несколько минут назад он был чуть более монстром — вроде как лунатик после смерти превращается назад в человека. Этот в человека не превратился, просто кожа стала более естественного цвета. Была она какая-то зеленоватая. Нижние руки — или конечности, хрен знает, как назвать — немного укоротились, будто труп хотел втянуть их в себя. Возможно, он умел это делать при жизни — втягивать их в себя и хоть немного походить на человека.

Перри аккуратно потянул за одну из этих конечностей и вытянул ее еще почти вдвое.

— Класс! — сказала Беати. Я лично ничего классного в это не видел.

— Смотрите, какие когти, — Кира подняла «руку». Когти были странные, как и строение «руки» — пальцы будто срослись в клешню с огромным острым лезвием на конце. Ими оно и рубануло по стеклу машины. На наших глазах пальцы разошлись, их снова стало пять, а коготь отвалился.

— Он все время отрастает, — сказал Лассе. Эли не подходил, кажется, ему зрелище было не по вкусу.

Перри поднял отпавший коготь с пола.

— Отрастает, когда оно превращается?

— Думаю, да.

Пока мы возились с руками, морда его тоже переменилась, разгладилась, только челюсти все еще выпирали, как у пираньи. Блеклые волосы висели как пакля, нос по-мартышечьи острый и расплющенный одновременно. Красавец. Мел-мать-его-Гибсон.

— Блин, — сказал я, — нужно было сфоткать по-быстрому.

Но уже было поздно. Перед нами лежал жуткий урод, но почти не монстр, исключая все-таки вторую пару недорук. Они болтались, как какие-то рудименты, жалкие и сморщенные. Эта тварь вызывала у меня тошноту, потому что еще и воняла, как мусорный бак.

Перри сделал аккуратный разрез грудной клетки. Мы с Кирой молча наблюдали за ним, Лассе — тоже. Зак и Беати просто глаз не отрывали — для них это было то еще шоу.

— У него шестикамерное сердце, — сообщил Перри. Да я и сам видел. — Что же это за мутант?

— Хиросимец, — сказал Зак, и они с Беати засмеялись. Я тоже, и Кира бросила на меня недовольный взгляд. Но это же не значит, что мы заодно, просто смешно.

И тут «хиросимец» открыл глаза.

— Перри, — просипел я — голос куда-то пропал. — Перри, глянь!

Кира непроизвольно отступила назад.

— Мать вашу, — сказал Зак.

Оно открыло глаза, мутные, цвета клейстера, повело ими. А в следующий момент Лассе поморщился, а Зак затряс головой, будто ему в уши попала вода.

— Что оно делает? — Эли коснулся ладонью уха.

— Ты слышишь? — спросил Зак Беати. Помедлив, она кивнула.

— Так, как-то нечетко… Будто гул.

— Да ни хрена себе гул. Сирена.

Я не слышал ничего, Перри и Кира тоже.

— Что происходит? — спросил Перри.

— Какой-то звук, — ответил Лассе, передергиваясь, — какой-то на редкость мерзкий звук. Оно вопит прямо у меня в голове.

— И у меня, — добавил Эли, не отнимая ладоней от ушей.

И тут меня осенило. Меня. Первого.

— А может, оно кого-то…

Зак и Лассе закончили фразу в унисон:

— ЗОВЕТ?…

Руки Перри задрожали, и он воткнул скальпель прямо в мокрое обнаженное сердце. Тварь дернулась, выпустила изо рта смесь крови и слизи и после непродолжительных конвульсий издохла.

Не сговариваясь, мы двинулись к выходу, забыв про чертов полутруп. Блин, оно действительно звало. И не нужно было много фантазии, чтобы понять, кого.

Мы вышли в коридор и увидели сразу двух. Нереальных уродов. Они неслись по коридору, и их слегка заносило на скользком полу, как ротвейлеров или других крупных собак. Они неслись на четырех, и даже почти на шести.

Кира ахнула, а Беати выдала такой отборный мат, что на мгновение затмила даже эффект от прибытия новых гостей. Но только на мгновение.

Мы шарахнулись назад, но было поздно — одна из тварей налетела на нас со всего размаху, и мы увидели когти в действии. Потом я вспомнил, что это мне напоминает. Я видел по «Дискавери», как ленивцы передвигаются на земле — взмахивают лапами и подтягиваются на них. Эта тварь так дралась — замахивалась и рубила. Перри едва увернулся — удар пришелся о стену. Следующим ударом она метила в Эли, но тут коса нашла на камень. Не успела эта зараза выдернуть когти из стены, как Эли врезал ей так, что у нее глаза запали внутрь. А с виду не скажешь.

Второй монстр попытался напасть на Лассе, но он поймал его лапы в воздухе и с силой отбросил. Тварь отъехала по полу назад и сделала еще одну попытку, рыча и лязгая челюстями. Она была больше, но Лассе — ловчее и, кажется, сильнее. И не хуже ее мог лязгать зубами. Он вцепился в загривок твари обеими руками и после непродолжительной борьбы свернул шею. Да почти голову оторвал. Его забрызгало грязно-кирпичной кровью.

— Дрянь какая, — сказал он.

— Сзади! — крикнула мне Кира. Оборачиваться не было времени, я упал на все четыре кости и откатился в сторону. Коготь просвистел прямо над моей головой. Я покатился под ноги Заку и чуть не сбил его.

— Что, прям так сразу? — мурлыкнул он, — мы же только что познакомились.

Съязвить в ответ времени не было. К компании

присоединилась еще одна малышка с ароматом выгребной ямы. Если так пойдет и дальше, шансов у нас мало. Она налетела на нас ураганом, но по собственной неуклюжести вмазалась в стену, а оттуда по инерции — в кабинет Перри. Раздался дикий грохот. Пока она кувыркалась в опрокинутых вещах, Перри ее там запер.

— Побежали! — крикнул он, и мы побежали. Не к выходу — вниз, на минус первый этаж. Только там можно было найти двери, которые не вылетят от одного вида и запаха этих тварей.

Но вдруг Беати остановилась и стала расстегивать свою блузку. Потом брюки. Мы смотрели на этот стриптиз с абсолютно круглыми глазами — просто за миллион баксов нельзя было подобрать менее подходящее время.

Однако же стриптизом тут и не пахло. Во всяком случае, традиционным.

— Давай же, корова, шевелись! — сказал Зак, заглядывая за угол.

Я впервые видел, как перекидывается сфинкс — зрелище не из приятных. Это было похоже, будто в перчатку втянули пальцы и пытаются придать этой перчатке новую форму. Бесформенный кожаный мешок, пульсирующий и дрожащий, будто внутри что-то извивалось, нервное и горячее. Потом из него полезли новые конечности, с влажным чавканьем вырвалась голова с круглыми ушами и короткой приплюснутой мордой. Волосяного покрова не наблюдалось, кроме как на голове, да и там волосы будто впитались в кожу и виднелись под ней темными разводами. Беати стала гладкая, как касатка, под кожей выпирали черные жилы; она покачивалась на кривых полусогнутых лапах, и я не узнал бы ее даже под расстрелом. Почему их называют кошками? Волки хоть немного напоминают волков, у них есть шерсть, а это… ни на что не похоже. Ну, может, слегка на сфинкс.

— Фас, — сказал Зак.

И в этот момент, когда яростно сопящая горгулья выгребла из-за угла, они вдвоем на нее напали.

Беати и Зак терзали ее с азартом фермеров, пропалывающих грядки. Зак рвал плоть прямо руками, оно вопило и пыталось отбиваться, но тут шансов было ноль. Беати впилась своими пираньими челюстями в его шею и выдрала здоровенный кусок, мутная кровь растекалась по полу. Из вспоротого брюха неаккуратно вываливались спутанные внутренности.

Под шумок мы двинулись к лифту. Лассе протолкнул Эли и Киру впереди себя, Перри держал палец на кнопке.

— Эй, вы! — крикнул я в коридор.

И тут земля задрожала в прямом смысле слова. Я даже не увидел, как Зак и Беати оказались рядом, они просто вбили нас в лифт, устроив кучу малу. Я с трудом выбрался и за руку выдернул Киру. Перри спихивал с себя тяжело дышащую окровавленную, но довольную Беати. Кровь была по большинству не ее, как и на Заке. Свою куртку он где-то потерял, и его тело выше пояса было все в темно-алой боевой раскраске.

Замигал свет, и у меня чуть сердце не остановилось, но он не погас. Пока что.

— Эти ублюдки что-то вытворили с проводкой, — выдохнул Перри.

Мы вывалились из лифта, и тут же из-за угла по лестнице выкатился ревущий комок. Сколько их там было? Неизвестно.

Вот тут-то свет и погас. По крайней мере, трое из нас видели в темноте, и нам пришлось полагаться на них. Если бы не форс-мажор, такое и представить трудно. Но можно.

— Куда, Перри? — спросил Лассе. В темноте глаза его сияли, как огоньки святого Эльма.

— Там должны быть открытые двери! Если мы спрячемся там, их не выбить.

Тут они снова на нас навалились. Что-то треснуло меня в спину, потащило вперед, я услышал вопль: «Лассе!!!», потом Перри крикнул: «Внутрь!» и хлопок двери.

* * *

КИРА

И тишина. Полная тишина. Здесь были звуконепроницаемые стены, но об этом я вспомнила потом. А поначалу я подумала, что умерла. Такова, должно быть, смерть — темнота и тишина.

— Кира? — позвал меня Джош.

Он нащупал меня, вцепился в руку. Другие вели себя тихо, и внезапно я подумала, что мы в закрытом помещении с двумя вампирами и оборотнем, которых едва знаем. И кто-то из них, возможно, голоден.

— Е…нуться… — сказала Беати в темноте.

Потом свет мигнул — раз, другой. И стал постепенно разгораться. Одна из ламп дневного света перегорела, но вторая осветила бункер вполне сносно.

Беати уже приняла человеческий облик и сидела у стены, привалившись на нее. Голая и окровавленная, будто только что родилась.

— Что это было? — спросила она. Зак изогнулся, пытаясь рассмотреть уже почти зажившие длинные царапины на спине.

— А х. его з., детка. Но болит как черт-те что.

Лассе снял пиджак и кинул ей. Беати сгребла его, даже не поблагодарив, хотя он, должно быть, стоил немерено. В любом случае, его уже не спасти никакой химчистке.

— Где мы? — спросил Лассе.

Я огляделась.

— Помещения для буйных. По крайней мере, до семи утра мы в безопасности.

— А что в семь утра?

— Дверь автоматически откроется. Ты беспокоишься об Эли?

Он едва улыбнулся.

— Да нет. Он может за себя постоять.

Это я заметила.

Зак обошел меня, пристально разглядывая. Так пристально, что это становилось неприятно.

— У меня что, три глаза? — спросила я резко и сама слегка испугалась. Мне совершенно не нужны были неприятности в этой и без того напряженной ситуации, а Зак выглядел так, будто в любую минуту готов эти неприятности обеспечить.

Но он не среагировал на мою грубость.

— Так это, значит, ты… Подружка доктора. Ради которой он

отказался от такой редкости, как кровь сфинкса. Это было бесподобно…

— О чем речь? — Я посмотрела на Джоша, но он только махнул рукой.

— Да ничего. Не обращай внимания.

Но тут Зак потерял ко мне интерес и вернулся в угол к Беати. Она потянулась и начала зализывать его раны, слизывать кровь с тела быстрыми движениями языка, причмокивая, будто над леденцом. Потом раскинулась на пиджаке и позволила Заку делать то же самое. Я отвернулась от них.

Лассе стоял около стены и рассматривал ее так, будто хотел просмотреть насквозь.

— Я думаю, они спрятались, как и мы, — сказала я, отчего-то испытывая желание сказать это. Хотя Лассе не выглядел обеспокоенным.

Он повернулся ко мне, чтобы ответить, и тут зазвенел мой телефон.

Я схватила его чуть ли не обеими руками.

Перри было едва слышно. Я уловила что-то вроде «… заперты…».

— Вы живы?! Мы с Джошем в первом бункере! Мы все здесь! Перри?

Тут Перри пропал. Не знаю, что тому виной — телефоны или стены, но… Не знаю, как объяснить. Воздух был какой-то тяжелый, как грозовой, и будто поглощал сигнал.

— Вроде с ними все в порядке, — сказала я. — наверное, тоже нашли убежище.

Лассе кивнул и снова уставился в стену.

В это время Джош отошел к дверям с моим телефоном и начал делать вид, что очень им занят. Ситуация его напрягала так явно, как если бы он только об этом и говорил.

Зак явно не насытился кровью с тела Беати и теперь присосался к ее запястью, запустив руку ей между ног. Она закатила глаза и повизгивала от удовольствия. Все это выглядело так, будто они прямо сейчас займутся сексом, и наше присутствие их нисколько не смутит. Но через секунду Зак оторвался от своего увлекательного занятия, поднялся и прошелся по комнате. Стараниями Беати он был уже абсолютно чистым. Оба его соска были проколоты, а над низким вырезом джинсов виднелась тату в виде кошачьей фигурки.

— Скучно, ребята… Кстати, мы можем помочь убить ночь еще кому-нибудь. Скрасить, так сказать, времяпрепровождение. — Он

подошел к Джошу, изображая приятную улыбочку. Мне она приятной не показалась, как и Джошу. — Прости, Кира, ты милашка, но тебя не зовем… раз доктор сказал нет — значит, нет.

Зак зашел ему за спину, и тот едва подавил желание не обернуться за ним. Я видела, как Зак проводит руками по его плечам, не прикасаясь, но тот все равно как-то это почувствовал и обернулся. Тут Зак поймал его за руку. Джош попытался ее выдернуть, но он так переплел пальцы, что с ходу не вырвешься. Потом Зак медленно лизнул его кисть — тыльную сторону.

В глазах Джоша было страха и злости поровну. Потом страха стало чуть больше.

— Оставь его в покое, — сказала я.

— Что-то я не слышу это от него.

Джош молчал — не знаю почему.

— Нельзя же так, детка, — тон Зака сквозь ленцу расцветал интересом. — Ведь не всегда друзья будут рядом, когда-то тебе придется устраивать жизнь самостоятельно… Ты ведь слушал «Генри Ли», когда мы вошли? — добавил он вдруг безо всякого перехода. По крайней мере, мне казалось, что без всякого.

— Ну? — отозвался наконец Джош. Он сделал еще одну попытку освободить руку — и снова тщетно.

— Я обожаю эту песню. *«Ла-ла-ла-ла-ла… ла-ла-ла-ла-ли, пти-ца кру-жит-ся над Генри Ли…»* — У него оказался неожиданно мелодичный голос с такими точными нотками Пи-Джей Харви, что по спине мороз. — Знаешь, а я ведь знаком с тем, кому посвящена эта славная история. Он сам мне ее рассказал, хочешь послушать?

— Нет, — сказали мы с Джошем хором, но это был лишь формальный вопрос.

— Отлично. — Зак не сводил с Джоша глаз, будто никого больше здесь и не было. — Помнишь, как по тексту*? «Приди, приди, милый Генри Ли, И ночью меня согрей — Никто, хоть пройди До края земли, Не любит тебя сильней…»* — Он приблизился, не расцепляя рук, будто в танце. — А Генри Ли отвечает: ни хрена подобного, потрахались и хватит, ждет меня любимая в далекой стране. Тогда девушка наклонилась к нему, чтобы поцеловать в последний раз, — и воткнула нож ему в живот… Эта часть мне нравится больше всего — как ее братья бросают его в колодец подыхать медленной и мучительной смертью… О том, что случилось после, песня, увы, умалчивает — Генри Ли суждено было истечь кровью в грязной воде, если бы запах этой крови не привлек одного *охотника,* случайно проходившего мимо. И с того момента жизнь Генри Ли изменилась чудесным образом. Что же вскоре случилось с девушкой, ее братьями и всей ее деревней,

тоже в песне не поется — и тоже жаль…

— И в чем мораль? — спросила Беати равнодушно.

— А мораль в том, *миленький,* — Зак по-прежнему смотрел на Джоша, — что твоя жизнь может круто измениться в любой момент, когда ты меньше всего ждешь. Не забывай об этом никогда.

Внезапно он выпустил его руку и даже подтолкнул ко мне.

— Ладно, птенчик, иди к мамочке. Подрастешь — доиграем.

Он вернулся к Беати и упал спиной прямо на нее, плавно, как падает шелковый шарф. Полулежа, она поймала его вытянутыми руками и мягко опустила на себя, будто он ничего не весил. Он поцеловал ее в шею, и она довольно замурлыкала.

Джош подошел ко мне, и только сейчас в его глазах я увидела, чего ему стоило мнимое спокойствие. Чтобы не броситься ко мне в ту же секунду, когда отпустили его руку. Я хорошо знала его — знала, что Джош может быть жестким, иногда даже злым, он не спускает оскорблений и способен отметелить любого за кривой взгляд, но конкретно Зак почему-то действует на него, как удав на кролика.

— Скажи мне, Зак, ты при жизни был таким же ScheiЯkerl? — спросил Лассе нейтральным тоном, будто говорил о погоде.

Тот очаровательно улыбнулся ему.

— Не мне судить, но говорят, да. Если я правильно понял корень «шайз». А ты всегда был таким занудой? — впрочем, это даже не вопрос.

Лассе что-то произнес, кажется, по-немецки, негромко и очень презрительно. Я и не расслышала, и не поняла, но Зак услышал, это было ясно по его лицу. Однако сказанное не произвело на него большого впечатления.

Беати потерлась щекой о его плечо.

— Почему ты позволяешь ему оскорблять себя?

— О, детка, да я оскорбляю его ежесекундно самим своим существованием.

— Но как ты можешь…

Он только ухмыльнулся, даже не считая нужным отвечать. Вместо него неожиданно ответил Лассе:

— За его самомнение не переживай, он-то цены себе не сложит. Просто чужое мнение для него — пустой звук.

Зак лениво изобразил аплодисменты.

— Вот видишь, этот парень меня понимает! Что значит голос крови.

— Мы — не одной крови. Уж поверь мне, не одной.

— То есть?

Но что бы ни имел в виду Лассе, он объяснять не собирался.

Эту невыносимую ночь нужно было пережить. Мы с Джошем уединились в углу, подальше от Зака и Беати, которые снова принялись за легкие сексуальные игры. А Лассе не отходил от стены. Однажды он положил на нее ладонь, но через секунду вдруг отдернул, будто обжегся. Потом прошелся до двери и внимательно осмотрел ее, проверяя на прочность.

— Ты какой-то напряженный, — не унимался Зак. — Все переживаешь, чем там занимаются доктор с…

Лассе взглянул на него так невыносимо снисходительно, что он дернул плечами и предпочел вернуться к перепалке с Беати; потом снова переключился на нас, кидая шпильки и заставляя огрызаться.

Пока Лассе вдруг не бросил резко и холодно:

— Умолкните.

Мы разом притихли. Как-то странно было слышать от него сказанное в таком тоне. В тот же момент Зак посмотрел на него и смотрел долго, не отрываясь. Кажется, только он знал, что Лассе не смотрит на стену, а слушает сквозь нее. Это было тревожно, будто они слышали что-то такое, нам недоступное.

Джош сидел рядом, почти прижимаясь, и мы не отходили друг от друга всю ночь. Я думала о Рэйни. О том, чем он стал. Я поняла вдруг, что все эти десять лет свято верила в его смерть, после смерти Фокси Лютор и других, и поэтому его возвращение так поразило меня. Не его новый облик, а его новая суть — возможность того, что он убил их всех и может убить меня.

На некоторое время я задремала, и вдруг меня разбудил голос Лассе, хотя и был он очень тихим.

— …*никогда меня так не пугай,* — сказал он.

Потом он прижался лбом к стене. И стоял так, пока не открылась дверь.

Мы медленно вышли друг за другом, Лассе шел последним. И когда я вошла в камеру Перри, он стоял прямо за моей спиной, так близко, что я ощущала это как сквозняк по коже.

В лицо мне ударил резкий запах паленой шерсти и сгоревших тостов. А потом я увидела Перри. Он лежал, раскинувшись, на полу, и сразу могло показаться, что он спит. Но мне так не показалось. Мне показалось, что он мертв.

Однако он был в обмороке. Глубоком обмороке, близком к

коме; а когда мы с Джошем бросились к нему, я вдруг увидела его руку и до боли стиснула зубы, чтобы не заорать. Впечатление такое, что он сунул ее в костер и держал там — черные ногти, багровые пузыри лопнули и слиплись, кое-где проглядывал кожа, потемневшая, обугленная.

Я упала рядом на колени, думая об одном: если с ним что-то случится, я просто умру. Прямо сейчас, не сходя с этого места.

Тут он приоткрыл глаза, но его взгляд меня не видел.

— *Элли,* — сказал он.

Потом повел глазами, будто ощупывая воздух, и когда наткнулся на Лассе, веки его вздрогнули, как от испуга.

— *Спокойной ночи,* — прошептал он и отключился.

Лассе медленно встал, и его лицо стало похоже на посмертную маску. Идеально вылепленную из гипса лучшего качества, но от этого не казавшуюся более живой. Только глаза горели на ней, живые и жуткие инородные тела, исполненные самого чистого ужаса и боли. Я не понимала, что происходит, но что-то произошло. Что-то страшное и непоправимое.

Потом он просто ушел, не прощаясь. На дворе был ясный день, но его машина с тонированными стеклами, кажется, решала такие проблемы. Да и разве это проблемы…

Мы ждали возвращения Перри семь дней, попеременно дежуря у его постели. Его друг Эд, доктор, который работал с его рукой, до сих пор не мог сказать ничего внятного по этому поводу. Я знала, что Эд — отличный мужик и будет щадить и нас, и его до последнего, но все равно — о руке мы сейчас думали меньше всего.

Вечером мы с Джошем сидели у Перри как всегда и делали вид, что все идет по плану. Иначе мы бы просто свихнулись. Знаете — такая игра-самообман, которая некоторое время помогает, но недолго.

— Слышь, Кира, ты не знаешь, что такое… шмуц… как его?.. блут… — Джош наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

— Ты о чем?

— Ну, Лассе так обозвал Зака. Шмутц… короче, шлюхин блуд какой-то.

— Грязная кровь…

Я даже не сразу поняла, что это Перри.

— Что?..

— Наверное, он сказал «грязная кровь».

Я упала на него, уткнувшись в одеяло и обнимая обеими руками, а Джош вскочил и сделал колесо — прямо в палате.

Он рассказал нам, что произошло, только через пару недель. А опасениями поделился только со мной. Мол, нечего еще и Джошу за него беспокоиться. И хотя я уверяла, что повода для беспокойства нет, никто не мог сказать это точно.

Кроме Лассе, разумеется. Но он молчал.

* * *

ПЕРРИ

Мне не больно…
это плохо, что не больно -
это значит, я, наверное,
умираю…

Чичерина

Я почувствовал, как что-то метнулось мимо меня — хлестнуло волосами по лицу и царапнуло ногтями по стене. Эли.

— Внутрь! — крикнул я, но тварь обрушилась на меня сзади, и, едва успев увернуться, я буквально вкатился в камеру. Если монстр и пытался ее открыть, то я этого уже не слышал. Здесь были звуконепроницаемые стены. Мы закрылись в бункере для буйных.

— Лассе!!! — услышал я голос Эли. И хлопок двери.

Я огляделся. Эти камеры у нас почти не использовались, но одно я знал о них точно: если двери закрылись, они не откроются до утра. Иногда к нам приходили приезжие волки перекантоваться в момент превращения, и это было удобно — вечером мы запирали их, а утром они выходили сами, когда перекинутся назад.

Сейчас это была палка о двух концах — твари не могли добраться до нас, но и мы не могли выйти до самого утра. Надеюсь, что к утру они уберутся вон.

— Эли, вы в порядке? — спросил я.

— Да… — Он дернул за дверную ручку — безрезультатно. — Как открыть?

— Никак, автоматический замок. Здесь такая система — откроется только утром. Не волнуйтесь.

Эли прошелся по камере, будто прислушиваясь… и вдруг — замер. Три минуты, пять — мне внезапно показалась знакомой эта тишина, глубокая и темная, как бездна.

— Когда, вы говорите, откроют двери?

Он сказал это шепотом, я едва услышал.

— В семь. Но не беспокойтесь, мы…

— Доктор Мастертон, здесь окно.

— Что?

— *Здесь окно.* На полпотолка.

Я сразу даже не понял, а потом поднял голову, и на меня накатила волна такого жуткого и безысходного ужаса, что он просто не мог быть моим. В семь. Солнце встанет в пять. До семи от Эли ничего не останется.

В мгновение ока он очутился у двери. Тонкие пальцы забегали по ее поверхности, а потом он просто ее стукнул. Потом еще раз. И остановился, упершись руками, делая прерывистый глубокий вдох

— Не паникуйте, — начал я, — попробуйте еще раз.

Но еще до того, как он ударил третий раз, мы оба поняли, что ничего не выйдет. Она открывалась внутрь, ручки не было, замка тоже. Любая другая дверь вылетела бы и от одного такого удара, но здесь этого было недостаточно.

— Не получается, — прошептал он и сполз по стене, прижимая ладонь к лицу.

Я слышал, как он дышит — тяжело, почти со всхлипами. На окне был плексиглас и решетка, выдрать ее было еще меньше шансов — она росла прямо из стен, как продолжение арматуры. И даже если предположить, что Эли удалось бы разломать решетку в десяти футах над полом, оставался плексиглас. Пуленепробиваемый, но прекрасно пропускающий солнце.

— Эли! — я приблизился, опустился рядом на колени. — У нас еще есть время, попробуйте еще.

— Что пробовать?! — заорал он истерически и ударил кулаком о дверь. — Вам легко говорить, не вы сгорите здесь заживо!!

Этот всплеск будто отнял у него последние силы. Эли свернулся на полу, прижав голову к коленям, плечи его дрожали.

Я закрыл глаза и представил себе… но это было слишком. Неважно, как я отношусь к вампирам, но это было слишком.

Где-то через четверть часа истерика пошла на убыль. Эли затих, потом поднял голову, старательно приглаживая волосы. Глаза от слез стали странного, светло-пурпурного цвета

— Простите, — прошептал он. — Я просто… я не готов. Лассе говорит, что мы всегда должны быть готовы, даже если будем жить очень долго… Но я не думал, что так скоро…

У меня перехватило горло. Я понятия не имел, что говорить в таких случаях. И что делать, когда ничего нельзя сделать.

— Только не молчите, Перри… Говорите что-нибудь.

Говорите, что все будет в порядке.

Тут меня осенило.

— Эли, я позвоню Кире. Я уже звоню.

Я набрал Киру, и она сразу же откликнулась.

— Кира! Мы заперты…

— …вы живы?

Ее было очень плохо слышно. Не знаю, что тому виной — стены или незаряженные батарейки.

— Нам надо выбраться! — крикнул я, но Кира опять пропала. Я услышал только: …Джош… закрылись в бун…

Она имела в виду — закрылись в бункере. Они с Джошем были где-то здесь, в одной из камер. В том же положении, что и мы, исключая только, что здесь единственная камера, что выходила на поверхность — для клиентов, предпочитающих видеть луну. И она досталась Эли.

— Там, где Лассе… там нет?… — он словно прочел мои мысли.

— Нет, там нет окна… там безопасно.

— Хорошо… Хорошо…

Телефон заглох, и я в отчаянии отшвырнул его от себя. Даже не сподобился зарядить чертовы батарейки! Ведь можно было бы позвонить охране, да в службу спасения, в конце концов!

— Я теперь умру? — растерянно спросил Эли.

Я не желал отвечать на этот вопрос. Он вдруг протянул мне руки, и я не отказал — прижал его к себе, голова с растрепанными волосами легла мне на плечо. Эли тихонько повторял: *«Умру. Я умру. Меня не будет. Я умру»,* будто пробовал горькие слова на вкус. А я только и мог, что покачивать его в руках, и гладить вздрагивающее тело, и чувствовать себя беспомощным, абсолютно.

Одно я осознавал точно — случись что-то подобное с Кирой, я был бы рад знать, что кто-то вот так держал ее, утешал и говорил, что все будет в порядке.

— Только не думай, что я неблагодарный… — всхлипнул он мне в шею. — Я прожил дольше, чем многие люди… и жизнь была неплохая. Просто Лассе… он с ума сойдет… С ним точно все хорошо?

Горло снова перехватило так, что не вдохнуть. Я только кивнул, несколько раз.

— Не молчи, Перри… пожалуйста. Говори со мной.

Да, Эли. Любой ценой.

О чем мы говорили? Не помню. Помню, что это длилось бесконечно долго. Будто нить разговора была еще и нитью жизни, тонкой, как паутинка, и стоит прервать ее — и наступит конец света. Или конец мрака.

Я взглянул на часы. Потом в который раз осмотрел комнату. Но она по-прежнему была абсолютно пуста, будто всем своим видом говорила: не ищи помощи, Перри, тут ты ее не найдешь. Тебе придется быть здесь и взвалить этот груз на свои плечи. Посмотри на это глазами доктора. Эти глаза увидят еще не одного безнадежного пациента.

Но я не хотел. Не я должен быть с ним в последний момент. Не меня он хотел бы видеть перед смертью, обнимать, прощаться. И комок в горле, и слезы на глазах — не у меня. Я здесь случайно.

Но я здесь. Больше никого нет.

В кармане халата что-то загремело, я сунул туда руку и вытащил баночку. Радедорм, убойное снотворное. Я вынул его из шкафа и машинально положил в карман как раз перед приходом Зака и Беати. Руки у меня затряслись, я уронил баночку, половина таблеток рассыпалась по полу. В глотке подскочил комок, желудок сжался до боли, и я подумал, что сейчас меня стошнит. Но вместо рвоты неожиданно прорвались слезы. Протянув руку, я вслепую шарил, стараясь контролировать дыхание любой ценой. Последний раз я плакал еще в детстве. Это было слишком давно, чтобы помнить. Сейчас ощущения были более чем взрослые, меня переполняло непостижимое, но от этого не менее глубокое горе.

— Перри, ты плачешь?..

Я не ответил, и Эли прижался ко мне еще сильнее, почти забравшись на колени. Я знал его два часа, но дело было даже не в нем. Это мог быть кто угодно. *Просто у меня никто никогда не умирал*. Вот в чем все дело. Все мои больные выживали, пусть некоторые переставали быть людьми, но они выживали. Я не держал за руку людей, из которых уходила жизнь. То, что он здесь, совсем рядом — и обречен на медленную смерть, повергало меня в ужас, известный только докторам.

Но кое-что я все-таки могу.

— Эли, возьми это.

Он чуть отстранился, убирая с лица прилипшие белокурые

пряди. Взял банку, потряс.

— Что это?

— Выпей.

— Сколько?

— Все.

— Все?

Я изо всех сил старался «успокоить» свой голос, но выходило неважно

— Да, все.

К вопросу я готов не был, но Эли его не задал. Просто высыпал их в горсть и попытался проглотить.

— Не могу, — пожаловался он, — в горле пересохло.

— У тебя получится. Давай, Эли.

Он закашлялся, сухо, мучительно. Тогда я расстегнул манжет рубашки и протянул ему руку.

— Запей.

В глазах его снова закипели слезы, он отвернулся и пару секунд смотрел в сторону. Потом осторожно поднес мое запястье к губам.

— Перри?

— Я и так на коленях, Эли, не заставляй меня умолять.

Сквозь влажность мелькнула непроизвольная искорка, он склонился и укусил меня — резко и неглубоко. Я даже не вздрогнул и похвалил себя за это — ненамного больнее, чем укол в вену… Когда Эли проглотил все таблетки, он выглядел гораздо лучше — по крайней мере, ушла эта могильная бледность и ладони потеплели.

— Все, Перри. Что теперь делать?

— Просто расслабься.

Я привалился к стене, и Эли обвил руками мою шею. От крови его тело становилось горячим, будто в лихорадке. Несколько минут мы сидели молча, и я чувствовал, как напряжение постепенно спадает. Не знаю, как скоро подействует на него радедорм, и подействует ли вообще… я столько о них не знал. Просто молился, чтобы это произошло.

Будто снова прочитав мои мысли, Эли вдруг спросил:

— Ты знаешь какие-нибудь молитвы?

Я пожал плечами.

— Да нет. Я вообще-то…

А что я, собственно? Неверующий? Я, кажется, только сейчас понял, что это абсурд. Я доктор и на самом деле взываю к Богу куда чаще, чем замечаю. Как сейчас.

— Не веришь?

— Верю, наверное, — это был сюрприз для меня самого. — А ты?

— Я — другое дело. Я не человек.

— Ну и что. Это не значит, что у тебя нет души.

— А разве есть?

— Ну как… Ты ведь не живешь в постоянной одержимости убийством, тебе ведь что-то нравится. Что-то вызывает восхищение, удовольствие? Что-то, не связанное с кровью, со смертью?

Эли вздохнул, пристраивая голову на моей груди.

— Лассе тоже так говорит. Ему нравятся картины. Он говорит, что художник оставляет на них часть себя, вот эта часть ему и нравится. Эмоции. Он их будто бы читает, как книги. А мимо некоторых картин просто проходит, хотя люди их считают гениальными и платят сумасшедшие деньги.

— Не важно, что нарисовано?

— Не важно, пусть это и дилетантский набросок какой-нибудь. Для Лассе иногда он ценнее титанов Возрождения.

Я хотел, чтобы он говорил и говорил, отвечать ему, быть рядом. Большего я сделать не смог.

— А тебе? Что нравится тебе?

— Мне? Мне нравятся лица. У людей бывают такие лица… Мне нравятся красивые люди. Это как картина, только живая. Вот ваш Джош — он очень красивый. Экзотичный такой. И Зак красивый, хоть он и порядочная зараза. — Он коротко засмеялся, уткнувшись в мою грудь. — Такое лицо уникальное… дорогое. Как драгоценность на витрине, от которой не оторваться. Беати мне не нравится — вся какая-то неровная. А ваша Кира — она леди, будто королевских кровей. В лучшем смысле. И еще — кажется, вы в нее влюблены…

Эту тему я хотел бы обойти и потому спросил:

— А я?

— Ты викинг. Воплощение мужчины. Не совсем мой…

— Твой тип?

— Да, мне нравятся такие, как…

— Как Лассе.

— Как Лассе.

— Я не обиделся, знаю, что я медведь, — усмехнулся я. Эли выпрямился, и теперь я видел его лицо совсем близко, зрачок почти утонул в синеве глаз. Его пальцы гладили мне шею, от чего по телу прокатывались теплые волны.

— Никакой не медведь, — шепнул он. — Ты прекрасен. И у вас с Лассе больше общего, чем ты можешь себе представить… Он

ведь только с виду такой хрупкий.

Это я уже понял по схватке в коридоре.

— Вот видишь, если ты воспринимаешь красоту, значит, душа у тебя есть. И… сам ты красивый, даже очень … слишком для бездушного существа.

— Ага… Очень красивый. И скоро буду очень мертвый…

Я не целуюсь с парнями, и с вампирами не целуюсь. Но когда его губы коснулись моих… я понял, что принял бы это, даже если бы не хотел.

Мои глаза непроизвольно закрылись, когда мягкие волосы скользнули по лицу, по шее. Поцелуй оказался куда глубже, чем укус, и у Эли был привкус моря — а может, крови или слез. Он расстегнул мой халат, потом рубашку, аккуратно, а свою просто дернул так, что пуговицы со стуком раскатились по полу, как те самые таблетки. Он избавлялся от лишней одежды, а я просто принимал это, прекрасно зная, что сейчас не откажу ему ни в чем. Думаю, он знал это не хуже меня.

По причине, о которой подумаю попозже, тело было на все сто солидарно с моим намерениями. И с намерениями Эли в особенности. Он ласкал меня, будто это я нуждался в утешении, гладил, целуя грудь, живот и везде, где мог достать, и я уже потерял ощущение реальности, когда его губы снова вернулись к моим.

— Эли, — прошептал я, — Эли, что ты делаешь?

— Умираю, — ответил он едва слышно, одним дыханием. — Ты же знаешь.

— Я не о том, я…

Он чуть подался назад, и перед глазами все поплыло.

Эли целовал меня, плавно двигаясь, и из его глаз текли алые слезы, смешиваясь с моими. Он переплел наши пальцы, но я и без того ничего не смог бы делать — каждый его короткий стон бил меня наотмашь, одновременно больно и сладко. Меня лишь встряхнуло, когда движения стали резче, и где-то между этими судорогами Эли почти беззвучно выдохнул, дернулся и ткнулся мне в шею, засыпая лицо шелком спутанных волос. И лишь через несколько секунд я осознал, что обнимаю его так крепко, что человек бы давно задохнулся.

— Спасибо, — шепнул он мне на ухо, и по телу снова прокатилась волна дрожи. Я не ответил — не было ни сил, ни слов.

Эли долго молчал, лежа на мне, и я уже подумал, что он

заснул. Время поджимало — небо уже светлело.

Но внезапно он произнес:

— Как ты думаешь, будет очень больно?

— Думаю, что ты ничего не почувствуешь.

Мне хотелось в это верить.

— Я однажды обжегся, когда был ребенком, — сказал Эли тихо, выводя круги по моей груди. — Я проснулся днем и вышел из своей комнаты, а шторы были не закрыты. Меня просто ударило светом, как пощечина, и я шарахнулся назад, в темноту… Конечно, больше испугался, чем обжегся, но… Лассе чуть с ума не сошел. Он ударил меня тогда, по второй щеке, не обожженной, а потом схватил в охапку и чуть не задушил. И сказал: *«Эли, никогда меня так не пугай»*…

…Ребенком?… Это уже было похоже на бред. Таблетки действовали.

— Я обещал… никогда его так не пугать… и вот… Как он будет… без меня?… скажи ему, Перри… скажи, что я не мучился, ладно?..

— Не думай об этом, — я запустил пальцы ему в волосы, лаская, — спи, Эли. Спи.

Но тут он вздрогнул и тяжело поднял с меня голову.

— Тебе пора отойти — ты можешь пострадать… уходи…

— Эли, Эли, послушай, — кончиками пальцев я погладил его по лицу, по дорожкам слез. Он поцеловал мою руку в кровоточащее запястье. — Я вспомнил молитву. То есть это не совсем молитва, но в детстве я никогда не забывал повторять ее перед сном. Повторяй со мной, и с твоей душой будет все в порядке.

— Я не могу…

— Повторяй со мной, Эли. А теперь я ложусь и засыпаю…

— Не могу!..

— Эли, пожалуйста. А теперь я ложусь и засыпаю…

— А теперь… я ложусь и засыпаю…

— И прошу Господа хранить мою душу.

— И прошу Господа… Я не могу, Перри…

— …хранить мою душу.

— Хранить мою душу.

Голос постепенно угасал, как догорающая свечка. Я поцеловал его в дрожащие губы, коснулся влажных век и откатился на длину руки — а дальше не смог. Не смог себя заставить.

— А если мне не суждено проснуться…

— …проснуться…
— То пусть Господь ее себе оставит.
— …оставит…
— Спокойной ночи.
— Спокойной ночи…

Первым моим порывом было освободить руку — но я не стал, просто зажмурился и приготовился к худшему. Эли затрясся, уже в полусне, и еще сильнее сцепил наши пальцы. Поплыл дымок от испаряющейся плоти, и внезапно вырвалась эта боль, огромная и одуряющая, хотя при этом какая-то далекая. Как во сне. Не в руке — везде. И не вся — я понял, что делю ее пополам с Эли, иначе у меня просто перегорели бы мозги. Они у меня и так горели, его агония плавила их, как свинец. И перед тем, как отключиться, я подумал, что очнусь безумцем… Мне нужно было только расцепить наши руки, чтобы избежать этого. Но это означало бросить его.

Мой свободный выбор — выбор половины боли и половины смерти.

Однажды мне показалось, что я очнулся — надо мной смутно виднелось испуганное лицо.

— *Эли?..* — сказал я, или только подумал.

А потом очень четко увидел другое лицо — страшное, застывшее, почти мертвое, только в огромных полупустых глазницах плавали яркие ультрамариновые сгустки. Они сияли слишком холодно, чтобы их можно было принять за глаза.

И темнота.

Я пришел в себя не скоро, Кира и Джош сидели у моей постели. Голова была ясная, будто мозги ополоснули водой.

Позже я узнал, что охрана клиники не пострадала — они просто вырубились, как от действия снотворного или гипноза. Все следы ночных тварей исчезли, как и их трупы, включая тот, что был в морге. Кто-то об этом позаботился.

После операции доктор отдал мне кольцо, которое даже не сразу заметили — так оно вплавилось в плоть, прогоревшую чуть ли не до кости. Кольцо Эли. Я носил его в кармане целый год, хотя давно должен был вернуть Лассе. Но он так и не пришел за ним.

Его лицо стало мне сниться.

* * *

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВТОРОЕ. ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД.

Я
Искала тебя.
Zемфира

КИРА

Когда я выходила из дому, в голове моей крутилось одно: Боже, за какие грехи ты послал на наши головы стихийные бедствия вроде землетрясений, наводнений, торнадо и Фокси Лютор!

Она оставила на моем автоответчике дюжину посланий, пока я наконец не отчаялась и не сняла трубку.

— Где тебя, блин, носит? — накинулась на меня Фокси. — Бегом ко мне, я такое расскажу!!!

«Такое» могло быть чем угодно — от съезда поклонников «Подземелий и драконов» до новой спортивной машины. Иногда я не понимаю, почему дочь одного из богатейших людей страны, да еще и старше по возрасту, выбрала соплячку Киру Кастл из выпускного класса в наперсницы.

В любом случае, действия Фокси редко поддавались логическим объяснениям.

Я всегда считала, что Аттила Утор — имя, более подходящее для рестлера, чем для олигарха. Фрэнсис Эмили Утор тоже, видимо, так считала и потому в четырнадцать лет назвалась Фокси Лютор, выкрасилась в рыжий цвет и подалась в модели. Там ей жилось совсем неплохо, нахальная и пробивная девица с оранжевой копной на голове и тонкой гибкой фигурой пришлась многим по вкусу, но Фокси, как натура увлекающаяся, быстро заскучала и пустилась во все тяжкие. До сих пор у меня где-то валяется журнал, на обложке которого Фокси удерживает на животе запотевший бокал с соломинкой, став на мостик; и не на одной стенке в общаге ее лицо томно подмигивает с плаката. Черты у нее, пожалуй, мелковаты для идеала, но губы компенсировали бы и более серьезные недостатки — большие, мягкие и красиво прорисованные, с чуть приподнятыми вверх уголками, отчего лицо Фокси приобретало отнюдь не свойственную ей загадочность.

Я никогда не встречала человека более непостоянного и при этом везучего. Ей сулили немыслимые контракты и карьеру топ-модели, но она легко и просто на это положила. Просто надоело. Ну, когда в распоряжении такой папа, не обязательно считать деньги, и Фокси уступила место на подиуме другим амбициозным дистрофичкам, жаждущим славы с тысячью лиц, каждое из которых неуловимо напоминает экс-президента Франклина.

Мне не известна ни одна из областей общих знаний, куда не

ступал бы пятнадцатисантиметровый каблук Фокси Лютор. На жестком диске ее компьютера висело полтора десятка необработанных песен и около дюжины незаконченных романов. Гораздо большее количество романов тянулось за ней унылым и одновременно восторженным шлейфом. Она участвовала во всех немыслимых ролевых играх, начиная с толкиенистов и заканчивая поклонниками амберских хроник. Однажды ее даже занесло в какую-то индийскую секту, где практиковали человеческие жертвоприношения, но и оттуда ей посчастливилось унести ноги. Фокси знали во всех ночных клубах города, всегда впускали и наливали по фальшивому удостоверению, хотя все прекрасно знали, сколько ей лет. Фокси Лютор была достоянием паблисити и при этом принадлежала только себе.

Мы не виделись неделю, но я чуть не упала — Фокси опять сменила имидж. Теперь ее бледное лицо обрамляли локоны цвета нефти, губы были темно-красными, а платье — черным, полупрозрачным и до пола. Оно могло хоть в ногах путаться, и все рано ничего не скрывало.

— Что это за готика? Надеюсь, ты не влипла в вампиропоклонники? — спросила я осторожно.

Были у нас тут такие организации, не самая приятные, хоть и легальные. Я почему-то была уверена, что все их члены — и живые, и не очень — больные на голову, и вполне в духе Фокси вдруг захотеть потусоваться среди нежити.

— Да нет, вот еще не хватало, — фыркнула она к моему глубочайшему облегчению. — Все круче, гораздо круче!

«Куда уж круче», — подумала я, но она уже тащила меня к машине.

— Я договорилась с Рэйни! — попыталась я сопротивляться, но противиться Фокси — все равно что раскачивать руками мост «Голден Гейтс».

— Чушь! Подождет твой Рэйни. Тут дело на сто миллионов долларов.

Итак, грубо похищенная и запихнутая в машину, я могла думать только о том, что для дочери Аттилы Утора сумма в сто миллионов долларов мало что говорит об истинной ценности чего бы то ни было. Я не завидовала Фокси Лютор. Просто она не давала мне скучать, даже когда я этого хотела.

Дома Фокси разбудила комп и выискала из его глубин какое-то письмо. По тому, как возбужденно блестели ее глаза, я поняла, что оно имеет к делу прямое отношение.

— Что это? — спросила я.

— Это пришло вчера вечером, — пояснила Фокси, плюхаясь

на кресло рядом. — Ты что-нибудь слышала про Орден?

— Нет, — призналась я честно. — Просто Орден? Да мало ль орденов…

— Я вырыла вчера ночью кое-что в сети, до полуночи сидела. Орден — организация, которой, кажется, около трех тысяч лет.

— Ну?

— Баранки гну! Мало информации, черт, совсем мало, пришлось идти в библиотеку среди ночи.

— Куда-куда?

Фокси — в би-бли-о-те-ку?! Пешком?!! Ночью?!!!

— Куда слышала. Сторож обматерил меня на чем свет стоит, но я дала ему сотню, и он сразу превратился в добрую фею. Часа два по полкам рылся, намотал на себя километр паутины, но откопал мне книжку, древнюю, как Дебби Харри. — Она бухнула передо мной заплесневелый фолиант, сразу поднявший тучу пыли.

— Фокси, блин! Убери с меня эту рухлядь!! — возмутилась я.

Она фыркнула, но переложила книгу на стол, где мы принялись рассматривать ее так внимательно, будто это был новый выпуск «Вог».

— Тут же половины страниц нет.

— Чушь. Все главное я поняла, — Фокси мерила шагами комнату, не в силах сдержать жестикуляцию. Ее руки всегда будто жили отдельной жизнью. — Члены Ордена — вроде как усовершенствованные люди. У них открываются паранормальные способности — телепатия, телекинез, пирокинез, левитация и еще хрен знает что. В общем, все, что мы, люди, все умеем, но об это не знаем. И самое главное — они бессмертны. Как тебе это?!

— Сядь, Фокси, — сказала я наконец, — не мелькай. Просто напрягись на секунду и попытайся объяснить по-человечески, ради чего ты утащила меня со свидания с любимым.

Фокси сделала выражение лица, которое мы называли «брендан фрейзер», и означало оно многое, но в данном контексте: не будь же такой тупой!

— Мне прислали приглашение вступить в Орден, — провозгласила она голосом Линкольна, зачитывающего Геттисбергскую речь.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Организации, просуществовавшие тысячи лет, так просто не исчезают. Орден все еще существует, и сейчас у них проводится небольшой кастинг. И мы просто обязаны принять в нем участие.

«Опять» — подумала я обреченно, а вслух спросила:

— И кто эти загадочные мы?

— Ты, я и еще кто-нибудь с твоей стороны. В приглашении условие — я привожу кого-то, и этот кто-то тоже приводит кого-то. Трое. Уно, дос, трес.

— Он не согласится.

— Уговори его.

У Фокси Лютор все всегда проще, чем апельсин, — такова ее натура. Она провела свой личный кастинг и из миллиона своих приятелей выбрала меня. У Киры Кастл все было не так просто при наличии только одной кандидатуры. И я не была уверена, что мне удастся уговорить Рэйни.

«Боже, я уже думаю об этом как о факте. Я снова не сказала «нет». За один ничтожный год дружбы с ней я побывала на всех хоббитках, в клубе любителей поэзии Линтона Квеси, в секте поклонников дельфинам, предоставляла тело для боди-арта, а уши — для бесконечных поэм в стиле «схороните меня среди чащи с белоснежным цветком на груди». Ну когда же я научусь-то, а? Всего три буквы. Так просто. Н. Е. Т. Посмотреть Фокси в ясные очи и сказать то, чего ей наверняка еще никто не говорил… Ну, Кира, давай…»

— Я постараюсь.

Блин. Блин, блин, блин.

— Ура! — возликовала она. — Ты представляешь, какой это шанс! Какой вселенский кайф! Кто-то из нас станет чем-то большим, проживет несколько жизней — да об этом можно только мечтать. Ты только подумай — нас выбрали, это же о чем-то говорит!

— Тебя выбрали, — сказала я мрачно. — Это говорит о твоей уникальности, а не нашей.

— Чушь. Ты моя лучшая подруга, а Рэйни — твой лучший друг. Неужели это ничего не значит? У тебя самомнение ниже плинтуса, а это дурно отражается на цвете лица, и не только. Да вы будете мне благодарны по гроб жизни!

— И как ты себе это представляешь? Подпишешь контракт кровью и сразу начнешь бегать по стенкам и стрелять из глаз лазером?

— Да ладно, это все детали. Как-то это же решится, не мы первые, в конце концов. Вечно тебя интересуют мелочи, Кира, как так можно жить?

Ну ни фига себе мелочи… Я смотрела на нее и постепенно понимала, что она действительно верит во всю эту ерунду. В то, что по Интернету можно стать членом организации, обещающей открыть тебе третий глаз и сделать бессмертным, может поверить

только полный идиот, законченный романтик… или Фокси Лютор. Ну что ж, маленький облом на укатанной дорожке ей не помешает.

— А если у нас ничего не выйдет? Если нас не выберут? Там про это ничего не написано?

— Чушь. Встречаемся завтра ровно в полночь, — она нацарапала на клочке бумаги электронный адрес. — А теперь пошли треснем по пиву.

Клуб «Разоренная могила» открылся на прошлой неделе, и Фокси считала его самым продвинутым чуть ли не во всем городе. Я лично не видела в нем ничего особенного — тусняк как тусняк. Неплохие группы играют, а на открытии был сам Оззи Великий и Уз-засный. Ничего так, но сейчас я не была настроена на рок-бомбардировку моей головы.

— Я не могу. Рэйни ждет.

— А, ну да, — смилостивилась Фокси. — У меня все равно встреча кое с кем — завтра расскажу! Такой сюрприз! Так что беги, уламывай своего милого, и готовьтесь к великой ночи.

Великой ночи! Звучало это как в проспекте, рекламирующем вечеринку на Хэллоуин. Ну что ж, может, будет интересно. В конечном итоге вряд ли членом этого Ордена быть сложнее, чем быть членом фан-клуба Фокси Лютор.

А в глубине души я просто ожидала увидеть реакцию Фокси на облом — на то, что эта организация окажется очередной тусовкой поклонников фэнтези. И что удивительно — ни единого проблеска тревоги. Интуиция спала крепким сном и не подозревала, как отчаянно я в ней нуждаюсь. Да и я не подозревала тоже.

* * *

— Она спятила, — сказал Рэйни.

Мы сидели в моей комнате на моей кровати. Я втупила на него невинный взгляд «брендан фрейзер», который наверняка очень напомнил ему один из миллиона взглядов Фокси. Рэйни Хату никогда не нравилась Фокси, как, впрочем, и он ей не нравился. Но Рэйни — чуть ли не единственное, что я отстояла под ее натиском. Она хваталась за голову и вопила, что меня достойны двухметровые красавцы с фарфоровыми улыбками, мускулами бодибилдеров и красными «феррари». И видеть рядом со мной коротышку (шесть и три), который одевается как хиппи и ездит на раздолбанном папином понтиаке «гром», ей ПРОСТО

НЕВЫНОСИМО. Забудем даже, что я — Замок, а он — Хижина! Что касается внешности — да, не спорю, Рэйни — не Брэд Питт и даже не Джонни Депп, внешность у него… ну, странная. И одежда не от кутюр, и машина кашляет. Однако тут я вдруг приобрела алмазную твердость, и оказалось, что все вполне выносимо. Фокси есть Фокси, но это — мое, только мое и всегда будет моим. Я и сама, в сущности, не Моника Беллуччи, хотя Рэйни говорит, что глаза у нас похожи. А то, что я — Кастл. а он — Хат, меня и вовсе беспокоило слабо.

Теперь мне просто приходилось делиться на два или, что вероятнее, раздваиваться. Ни Фокси, ни Рэйни не были согласны на половину меня, и такое рьяное соперничество мне даже несколько льстило.

Что касается хиппи, то Рэйни действительно был «внуком цветов», о чем можно было догадаться по одному его имени. Когда мы впервые сблизились, он рассказал мне, что семейство Хат по причине игнорирования больниц и женских консультаций не имело представления, кого ждать. И миссис Саммер Хат (урожденная Сара) придумала сразу два бесполых имени — на случай солнечного и дождливого дня рождения своего очередного цветка. Рэйни Дэй и Санни Дэй. Погода стояла райская, солнце светило вовсю, но когда у нее начались схватки, зарядил такой ливень, что во всем доме дребезжали стекла и прогибалась крыша. Природа все решила сама.

Рэйни рассказал мне это под большим секретом, так как доселе никому не позволялось употреблять его полное имя. Я вошла в список избранных и гордилась этим неимоверно. «Rainy Day, never say good bye…» — шепнула я ему на ухо, когда мы засыпали, и он обнял меня крепче. Тогда я думала о том, что все-таки всегда больше любила дождь, чем солнце.

Сейчас он хмурился, как бывало всегда, когда Фокси втравливала меня в какую-нибудь авантюру.

— Кира, тебе что, мало было выбираться вплавь от чокнутых сектантов или два дня прятаться в вентиляции? Не надоели тебе эти игры?

«*Чушь*!» — чуть не сказала я и сама испугалась.

— Рэйни, перестань. Тебе восемнадцать лет, а ты ведешь себя как престарелый пенсионер. Ну что тебе стоит просто нажать пару клавиш, это же не сафари! Сделай мне одолжение раз в жизни.

— Который раз в жизни.

— Ну Рэйни… Рэйни Дэй…

— Я не понимаю, неужели тебе это так интересно? Только ради Фокси ты бы не стала так настаивать, я же тебя знаю.

Я сползла на пол и уткнулась подбородком его колени.

— Знаешь, как облупленную. Так и быть я расскажу тебе настоящую причину. Называй меня как угодно, но веришь ли — мне ЖУТКО хочется посмотреть, как Фокси Лютор станет сверхчеловеком.

Глаза у Рэйни были серые, как у меня, но гораздо светлее. В зависимости от погоды они могли быть то почти голубыми, то темными, как грозовая туча. Сейчас небо было слегка затянутым, но пока без угрозы ливня.

— То есть, как НЕ СТАНЕТ?

— Ну грешна, казни меня за это.

Внезапно он рассмеялся и затащил меня на кровать за руки.

— Плохо, конечно, злорадствовать. Это я сказал бы в любом случае, не касающемся миз Утор. Ладно, рассказывай про этот ее Орден.

Я удобно устроилась рядом и вдруг поняла, что говорить мне в сущности не о чем — рассказанное Фокси плюс пара строк из книжонки тысяча лохматого года до н. э. И чем больше я говорила, тем тупее мне казалась затея. Но Рэйни выслушал меня очень внимательно, а потом сказал:

— Что-то меня в этом настораживает, но не пойму, что.

— Да что тут может настораживать?

— Не знаю… На мой ящик каждый день приходят по десятку писем счастья, но это… Не знаю, Кира. Те, кто прислал эти приглашения, уверены, что все эти люди бросят все и поверят им с пол-оборота. И они правы — хотя бы в случае Фокси. Есть она — есть и другие. Второе: они ничего не требуют. Это само по себе интригует. Напоминает банальную вербовку, когда только обещают, но взамен пока ничего не просят. Обычно отдавать приходится все равно, но только что, когда и в каких размерах…

— Вербовку? — засмеялась я. — Вербовку куда? Слушай же, как я это вижу — руководство какого-то нового элитного клуба решило таким образом обыграть членство в нем. Это не вербовка, а тусовка, как миллион других.

— А смысл?

— А кто сказал, что есть смысл? Рэйни, люди от скуки с ума сходят. Почему бы не позабавиться таким образом?

Он пожал плечами, и было видно, что я его не убедила.

— К тому же, — продолжала я, — это, как его назвала Фокси, кастинг. Так что нас просто не выберут.

— В том, что выберут ее, миз Утор, конечно, не сомневается?

Я с трудом подавила улыбку. Ну не любит ее Рэйни, что поделаешь. И я бы ее не любила, если бы ее огромной любви не хватало на нас двоих с головою. Фокси хуже, чем жвачка в

волосах, никто не спорит, и когда-нибудь я пожертвую целый клок, чтобы избавиться от нее. Или, что вероятнее, она первой потеряет ко мне интерес и найдет новую жертву, чтобы задружить ее до смерти. Что ж, меня такой расклад устраивает. Оба.

— Конечно, нет. — Честно говоря, я понятия не имела, скольких должны выбрать, и сколько вообще принимают участие.

— Я за нее заранее рад. Может, она отвлечется и оставит нас в долгожданном покое.

Я повернула его лицо к себе. Он не улыбался, просто смотрел в упор из-под ресниц, и во взгляде была тревога. Небольшая, как перед операцией по удалению гланд, но была.

— Это значит «да»?

— Это значит, что я тебя люблю.

* * *

Адрес был странный: www.club.nn. Я не поняла, что значит nn, но адрес еще больше убедил меня в том, что это логотип какого-то клуба. Однако беспокойство Рэйни хоть и не передалось мне в полной мере, но порядком о себе напоминало. Я сидела в своей комнате, Рэйни — в общаге у приятеля, который уехал на выходные и оставил комп на его попечение, а Фокси — в квартире, купленную папой в честь поступления в колледж. Она позвонила мне, дала последние указания, пароль и кинула трубку, даже не пожелав удачи. Да и на кой икс она мне сдалась?

Полночь.

Я пришла на эту загадочную страничку и увидела что-то вроде карты. Нас было много, на самом деле много — все обозначались пульсирующими точками на ветвях дерева, напоминающего мифический кельтский Иггдрасиль. Точки располагались группками по три. Странности начали с самого начала. Я это просто почувствовала паучьим чутьем Спайдермэна — как электроток по коже, как удушье перед грозой. Потом я поняла, что знаю, кто из этих точек — я, кто — Рэйни, а кто — Фокси. А потом я поняла, что мне неоткуда это знать, и мне впервые стало страшно. Напряжение прямо в воздухе висело, и когда я схватила телефон в порыве позвонить Рэйни, он молчал. Только чуть слышное потрескивание и гул, как гудят высоковольтные провода.

Я узнала еще кое-кого из точек и после этого заставляла себя просто не смотреть туда, но не получалось. Глаза сами воткнулись в экран, в пульсирующие точки, в волнующиеся под

невидимым ветром ветви Иггдрасиля. Это была какая-то магия, но я не понимала, какая, да и сравнить было почти не с чем. Почти. Однажды я присутствовала на спиритическом сеансе, который внезапно оказался чем-то настоящим. Его проводила медиум, красивая черноволосая женщина по имени Чинция Мори. Дух отца клиентки, с которым она общалась, был, как мне потом долго и нудно объясняла Фокси, совсем другим существом — элементалом, не имеющим никакого отношения к личности умершего. Эти террористы просто ошиваются рядом с потенциальными «открывателями порталов», ожидая подходящего момента. По правде говоря, я всегда скептически относилась к таким мероприятиям. До этого момента.

И вот тогда я почувствовала нечто подобное — покалывание, недостаток воздуха и необъяснимый страх. А потом комнату будто захлестнуло ледяное цунами. Дух врезался в медиума как торпеда. Думаю, она умерла на месте, но после этого поднялась в воздух на пару футов и из ее глаз потекла кровь. Тело миссис Мори, что называется, изрыгало демонический хохот, разыгрывая сцену из «Экзорциста»; все орали и бегали; Фокси, как самая уравновешенная, набирала 911, а я сидела среди этого хаоса всеобщей истерии с неправдоподобно прямой спиной, вцепившись руками в стул, и ощущала, что мне бы сейчас не помешала кислородная маска. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не сын медиума Тимми — он просто повис у нее на ногах и громко, едва не срываясь на визг, начал читать нечто, показавшееся мне стихотворением, на непонятном языке. Миссис Мори все это время вопила дурным голосом, пытаясь его перекричать, а потом рухнула на пол и признаков жизни уже не подавала.

Все уже закончилось, но я все не могла заставить себя отцепиться от стула. Нет, я не внезапной смерти медиума испугалась. Я в тот момент пропустила через себя весь поток от вторжения элементала, его восторг и жажду, его реальность, и это чуть не убило меня. Очищенный абсолютный страх, он был настолько материален, что его можно было увидеть. Я уверена, что увидела бы, если бы не зажмурилась так, что глаза чуть не провалились внутрь черепа.

Это повторялось сейчас. У этого был другой вкус, запах, текстура, но это повторялось. Я сжала кулаки, пробивая ладони ногтями, но избавиться от страха не удавалось.

На экране ничего не происходило. Долго.

А потом точки вдруг начали гаснуть. Одна за другой.

Из глаз у меня закапали слезы, я заметила только светлые капли на клавиатуре. Одна влажно блестела на «Esc». Я бросила мышь и обхватила себя руками, но это не помогло. А точки все гасли и гасли, и меня передергивало всякий раз — всякий раз это мог быть один из нас. Я совсем забыла, что это ничего не значит, что это игра, и призрак тревоги Рэйни вырос в полный рост за моими плечами.

Вот нас шестеро… пятеро… четверо… трое. Наша веточка. Я, Рэйни и Фокси.

Слеза дрожала на «Esc», круглая и выпуклая, будто подсказывая выход.

Раз — и точка Фокси погасла. Я втянула воздух сквозь зубы и выдохнула его с рыданием, так, что заболело в груди.

Два…

Я выдернула шнур из розетки.

Я выдернула шнур из розетки.

Секунду черный экран смотрел на меня, потом я ткнулась лбом в клавиатуру, потом сбросила ее со столика. Она повисла, качаясь ровно, как метроном.

Не знаю, сколько я сидела, оглушенная страхом и своим поступком, пока внезапная мысль не ударила меня так больно, как плеть с железным наконечником.

Я его бросила.

Я оставила его там одного.

Мои руки тряслись, как у алкоголика со стажем, мне грозила гипервентиляция легких, но я все равно поднялась, собрав все свои последние силы. Мобильник заработал. Раз пять я промахивалась мимо кнопок, пока наконец не вызвала из памяти номер Рэйни. Оператор сообщил, что абонент временно недоступен. Телефон у Фокси никто не брал.

Встать на ноги.

Я встала.

Идти.

Я пошла. Как только я сделала несколько шагов, остальные получились по инерции. Я вылетела из дома как пуля.

Общежитие Рэйни находилось совсем недалеко, через парк. Парк промелькнул мимо меня как мираж. В вестибюле сидел вахтер и лениво листал какую-то газету.

— Пожалуйста, — прошептала я без голоса, — можно в пятьсот пять?

Он посмотрел на меня так, будто я попросила его покончить с

собой.

— Девушка, вы в своем уме? Час ночи, мужское общежитие, и документов, наверное, нет…

Да какие на фиг документы!

— Я вас умоляю, мне нужно просто войти, на одну секунду, — это были остатки голоса. Но мой вид его не вдохновил, и не мудрено — я была похожа на наркоманку в судорожных поисках дозы.

— Идите домой, мисс, и приходите утром. Не заставляйте меня вызывать полицию.

— Вы можете хотя бы подняться и позвать Рэйни Хата?

— Никого я не буду звать. Вы меня поняли?

Я вышла и медленно побрела по улице к дому Фокси, отчаянно матеря про себя вахтера. Однако он, на удивление, немного успокоил меня — если бы что-то произошло, кто-то бы услышал, наверное, тем более ночью… Да что могло произойти? Уже выйдя на нужную улицу, я худо-бедно убедила себя, что сама напустила на себя страх плюс Рэйни постарался, и он еще свое получит… хотя мне бы сейчас только увидеть его… просто увидеть…

Консьерж из подъезда, где Фокси купила богемную квартирку в пентхаузе, прекрасно меня знал и был запрограммирован впускать в любое время дня и ночи. Так что здесь проблем не было никаких.

— Фокси дома? — спросила я.

— Насколько я знаю, миз Лютор пришла около одиннадцати и с тех пор не выходила.

— Спасибо.

Лифт привез меня на самый верх. Я ринулась к двери, чтобы не позволить себе пускаться в размышления, и позвонила.

Тишина.

Я надавила на кнопку сильнее и держала, пока палец не заболел. Потом достала свой дубликат ключа и отперла замок. Мной будто кто-то руководил — и спасибо ему, потому что иначе я уже валялась бы в обмороке, и двери лифта стукались бы об мою голову.

— Фокси! — осторожно позвала я, хотя в глубине души давно понимала, что мне никто не ответит.

Я включила свет.

Как истинная киноманка, я миллион раз видела такие сцены в кино и морально была к ней готова. Может, поэтому я не потеряла сознание и не заорала, как любят делать главные

героини — блондинки с пышным бюстом. А может, потому, что я не совсем блондинка и бюст у меня средний.

Основное количество крови впитал светлый ковер, и на нем она смотрелась не особенно зловеще — просто широкие темные разводы, еще не просохшие. На стеклянном столике растеклась яркая глянцевая лужица, которая нашла дорогу вниз и падала медленными каплями в слипшийся ворс ковра. В комнате стоял тяжелый пряный запах, и повсюду валялись какие-то мокрые обрывки и огрызки — я даже думать не хотела, что это такое. Я вообще думать не хотела. И не хотела заглядывать в ванную, куда вел широкий кровавый след по паркету. Я видела перед собой только включенный комп Фокси с домашней страничкой-бланкой и клавиатурой, залапанной кровавыми отпечатками пальцев. Кровь на мышке уже запеклась, и она казалась вымазанной малиновым джемом.

Я повернулась и тихо вышла.

* * *

С того времени, как я поняла, что Рэйни исчез, из дома я выходила только раз — на похороны Фокси. А между тем происходили невиданные вещи. Меня не вызывали в полицию, хотя консьерж прекрасно меня знал и видел; на Рэйни, как исчезнувшего без вести и конфликтовавшего с Фокси, не вешали никаких собак. Да и вообще ни на кого. Расследование умерло, не родившись. А я-то была уверена, что Аттила Утор снимет с нас три шкуры независимо от степени нашей вины. Что ему будет все равно, кого обвинить в смерти дочери. Я не спала сутки и придумывала, как мы с Рэйни будем объясняться с полицией, но объясняться не пришлось.

И меня, честно говоря, больше тревожил Рэйни, чем Фокси, как бессердечно это ни звучало бы. Где она, я точно знала, а вот он… Его мобильник теперь был отключен, в общежитии его не видели. Вахтер все-таки впустил меня под присмотром, когда я устроила истерику, но выяснить ничего не удалось. Никакой крови и следов борьбы. Все вещи лежали на местах, будто Рэйни только вышел на секунду за сигаретами и сейчас вернется. Но он не вернулся. Ни сегодня, ни завтра, никогда.

Пойти на похороны Фокси, организованные с не меньшим размахом, чем могла быть ее свадьба, было затеей никудышной. И я поняла это, увидев закрытый гроб. Я, честно говоря, представляла, как Фокси лежит на атласной подушке в

подвенечном платье от Валентино выше колен, черные волосы тщательно уложены, маникюр идеальный, а туфли — из последней коллекции какой-нибудь акулы подиума. Вот-вот она откроет глаза и скажет: «Чушь!» или что-нибудь в этом роде — и я пойму, что все это розыгрыш.

Но гроб, похожий на шикарный трехкамерный холодильник, был закупорен, как консервная банка, и можно было только догадываться, что прячется внутри. Стоя рядом, прикасаясь рукой к его холодной поверхности, я выстроила в сознании новый образ: лицо и тело Фокси — мозаика, пазлы, собранные наспех и сшитые толстыми нитками. Многие перепутаны, а те, которых недостает, заменены вырезками из глянцевых журналов.

Я отшатнулась от гроба и убежала в последний ряд. До меня долетали отдельные фразы о том, какая это была замечательная девочка, и какая это жуткая потеря для семьи и общества. А я оглядывалась в поисках Рэйни, но видела только черную толпу под вуалями. Его здесь не было.

Среди потока слов я уловила что-то про ее замечательную улыбку и вдруг вспомнила, что первая фотография Фокси в журнале была стилизована под Мону Лизу. Это вызвало у меня приступ истерического смеха, который при всем желании невозможно было закамуфлировать под плач или кашель. Я икала от хохота, истекала слезами, испытывая терпение окружающих, пока не потеряла надежду успокоиться и не поползла к выходу, согнувшись пополам.

Уже выходя, я оглянулась. Аттила Утор стоял у гроба, но смотрел в мою сторону. Или в сторону двери — не знаю. Но я запомнила его лицо — тяжелый взгляд, мало подходящий убитому горем отцу.

На кладбище меня не было, и последний лимузин Фокси отправился в путешествие без напутствия лучшей подруги. Это было для меня слишком.

В отличие от вечно мятущейся Фокси, я прекрасно осознавала свое призвание с младых ногтей, и это немало мне помогло. Правда, я чуть не завалила последний год, увлекаясь водкой с тоником (побольше водки, поменьше тоника!) и горькими воспоминаниями, но вовремя взяла себя в руки и уговорила жить. Надо сказать, я как-то попроще стала, что ли — и вести себя, и смотреть на жизнь. Есть многое на свете, друг Горацио… но клянусь — с меня достаточно. Реабилитационный центр потенциальных алкоголиков уже ждал меня с распростертыми объятьями, а я взяла и предпочла ему медицинский университет.

И меня приняли. А потом я встретила Перри и Джоша — мою новую семью.

Жизнь налаживалась.

Когда Перри сказал мне, что клиника принадлежит Аттиле Утору, я восприняла это как некий знак. Вот именно — «некий». Если раньше я бежала бы дальше чем видела от такого знамения, то в тот момент поняла его вполне положительно. Мистер Утор не только утвердил мою кандидатуру, но и помог развязаться с проблемами моего исключения, а это значило, что он меня помнит. И это не дурные воспоминания.

С тех пор я ничего не слышала о Рэйни. Но через некоторое время мне попались два некролога в одной из газет, а потом сразу же — статья в другой: «Талантливая певица умирает в расцвете лет». В тот день я заперлась в ванной с бутылкой водки и не выходила до вечера. Я знала этих людей очень отдаленно. Но они были там. Несколько точек на ветвях Иггдрасиля.

Однако годы шли, и ничего больше не происходило. Если не считать видение, которое предзнаменовало мою встречу с Рэйни. И второе видение, возможно, означавшее то же самое.

* * *

КИРА: сейчас

И на забытой тобою фотке
минус 140 и вечное лето…

…Теперь я не знала, где искать его. Я объездила тот заброшенный район вдоль и поперек, но не нашла никого, кроме бездомного мальчишки, бросившего мне в стекло пустую бутылку. Я приехала домой с ветвистой трещиной на заднем стекле и зудящим, как назойливый комар, чувством тревоги.

— Не включай свет, — сказал Рэйни.

Я уронила связку ключей, и они грохнули об пол, как переполненная копилка с мелочью.

Он сидел на моей кровати, опираясь об нее руками, и смотрел на меня. В полумраке его лицо трудно было разглядеть, и я успела подумать о том, какие *еще* изменения произошли за минувший год. Больше я ни о чем не успела подумать.

Я не стала включать свет, и раздвигать шторы не стала. Я подходила все ближе, хотя он об этом не просил. Я подошла близко.

— Ты правда думала обо мне все это время? — спросил он тихо.

— А ты поверишь?

Он взял меня за руки и потянул на себя, так, как делал всегда. Всегда — когда это? Когда-то давно… так давно, будто вчера. Не знаю, как мозги, но тело этот жест помнило. И я упала на него.

Мы занимались любовью всего несколько раз до того, что произошло десять лет назад. У меня к тому времени уже был опыт на пятерку — и по количеству секунд, и по двадцатибалльной системе, так что фактически Рэйни был моим первым — первым, кто вытащил из меня какие-то новые проявления личности. С Рэйни все было долго, неожиданно долго. Это нельзя было вынести, и в конце концов я рыдала, не в силах вместить в себе все, что он отдавал мне. Однако он моих слез не испугался и не собирался прекращать. И вот когда мне стало ясно, что это никогда не закончится, наступил приход, который наконец заставил меня умолкнуть.

С тех пор я пугала излишней эмоциональностью своих

многочисленных кавалеров периода Великого Запоя — тех, кого не успевала или забывала предупредить. Но ни с кем не было, как с Рэйни, и только сейчас я поняла, что плакала от горя, на волне кайфа я страдала по Рэйни, по тому, чему уже не быть. А потом наступал оргазм, и я все забывала, помнила только вспышку и вкус слез. Но это был Рэйни. Всегда Рэйни. Я ложилась в постель с Томом-Диком-Гарри, но любовью занималась только с Рэйни. И всегда проливала слезы.

Я не заметила никаких изменений в его внешности, да и особо не присматривалась. Просто зарылась лицом в гриву его волос, пока он исследовал мою шею. Он куснул меня легонько, потом сильнее. Я ахнула, но он поймал мой язык и забрал к себе в рот — мне показалось, что его собственный язык в два раза длиннее, чем положено. Пару раз я натыкалась на его зубы, пока мой рот не наполнился кровью, но на тот момент уже было все равно…

— У тебя был кто-нибудь после меня? — спросил он, когда мое дыхание вернулось в норму.

— Нет, — ответила я честно. — Никого.

— Спи, Кира.

И я заснула. Трудно поверить, но я заснула, обнимая его, так, будто доверяла целиком и полностью. Он мог позволить себе уснуть рядом со мной… но это значило, что я для него не опасна. Он для меня — другое дело.

Утром мы проснулись одновременно. Он был все еще рядом и подтверждал, что это не очередное видение. Я смотрела на его лицо близко-близко и никак не могла понять, как он может выглядеть совсем по-другому и в то же время оставаться Рэйни. Наконец я рассмотрела и его глаза — наверное, в этом было все дело. Но они изменились мало, во всяком случае, утром разница почти не была заметна. Разве что бордовый ободок по контуру радужки и слегка вытянутый в длину зрачок. Все царапины от моих ногтей исчезли с ровной матовой кожи, на которой не было ни единой родинки, ни одного волоска. Мои, к сожалению, остались — кажется, я напоминала подушечку для булавок.

— Когда ты исчезла с монитора, меня как парализовало. Но ты не погасла, как остальные, а просто пропала. Я остался один и чувствовал это как никогда. Один в целом мире. Так тихо стало, будто меня вырезали из кинопленки и вклеили на чистый лист. Полная тишина.

Я вгляделась в его глаза и поняла, что не так: зрачки теперь были вытянуты в ширину, горизонтально. Они менялись в такт дыханию, и на это можно было смотреть вечно, как на текущую

воду.

— Я так испугалась…

— Я тоже. Потом погас монитор, а потом — свет. Бог знает, чего мне стоило не заорать тогда, а так хотелось, — Рэйни улыбнулся, не разжимая губ. На них все еще была моя кровь. — Я сидел на месте несколько секунд и слушал свое сердце. Когда я удостоверился, что сердечного приступа не будет, то медленно встал и пошел к двери. И только я взялся за ручку, как свет зажегся. А дверь открылась.

Его лицо было спокойным, будто он говорил о чем-то невероятно далеком — будто пересказывал фильм.

— Тогда я впервые увидел ее. Она пришла за мной.

Она?

— Кто?

— Non Nomen…

— Это имя?

— У нее нет имени. Это означает — нет имени. — Не успела я оглянуться, как он уже был одет и стоял рядом с кроватью. — Мне нужно идти.

— А мне нужно, чтобы ты остался

— Я не могу. Она наверняка уже меня ищет.

Я потянула его за рукав и заставила сесть рядом. Мне было дурно от одной мысли, что он снова уйдет и впереди у меня очередные годы неведенья. Но… блин. Я забыла про Перри, и про Джоша… и про Эву Уоррен. Последнее воспоминание ударило меня как щедрая пощечина.

— Только попробуй снова это сделать, — сказала я голосом, который по идее должен был прозвучать жестко. — Ты думал, что можешь прийти, трахнуть меня и исчезнуть, как чертов Зорро, будто ничего не произошло?

— Ничего такого я…

Я собрала в кулак обрывки воли — а после такой ночи ее осталось не так уж много.

— Слушай, сейчас у меня другие проблемы в голове, более важные, чем разборки десятилетней давности. Я не требую выдавать государственные тайны. Просто мне нужна твоя помощь и больше ничего.

Никогда я так с ним не разговаривала. Рэйни протянул ко мне руку, но я оттолкнула ее и почувствовала себя лучше.

— Ты перепугал меня до полусмерти в прошлом году. Теперь ты завалился ко мне в дом, в постель. Что происходит в твоей новой голове, Рэйни? Чего ты добиваешься? Я понимаю, что ты изменился, но и я изменилась тоже. Может, не так радикально, но

все-таки. И постараюсь понять, если ты постараешься объяснить.

Скоро поток слов иссяк, и я уставилась на него со всей возможной яростью. Некоторое время он изучал мое лицо, а потом заговорил:

— То, что ты меня бросила там… Когда Без Имени забрала меня и сказала, что отныне мне придется забыть про мою старую жизнь и сосредоточиться на новой, как ты думаешь, о чем я спросил? О том, в порядке ли ты. Пока меня держали в комнате, абсолютно белой, такой, что не видно было ни пола, ни потолка, и кололи какой-то гадостью, от которой меня выворачивало наизнанку, волосы лезли клочьями и ногти отваливались, я думал о том, где ты. Я был уверен, что ты умерла, и оттого хотел умереть сам. Но я не умер.

А потом, когда закончился курс, меня выпустили. Без Имени прекрасно знала, кто занимает все мои мысли. Она сообщила, как ты бросила меня, но я не поверил. Она была уверена, что я готов. Я готов не был, и поэтому первым делом помчался к тебе. Мне нужно было увидеть хоть что-то — тебя или твою могилу, неважно.

И знаешь, что я увидел? Ты жила в своей уютной квартире, звонила подружкам, ходила в мединститут, вполне довольная жизнью, и понятия не имела, через что мне приходится проходить. И ради чего?

— Но ты стал членом Ордена…

— Мы предпочитаем называть его Клубом. Это было первое, что я услышал от Без Имени: добро пожаловать в Клуб. Тогда я не считал это благом. Видишь ли, Клуб находится как бы вне привычной жизни — это похоже на другую реальность, но на самом деле реальность та же. Это жутко, Кира, потому что каждый день приходилось видеть ту, другую, твою жизнь, которая стала для меня недоступной. Тыкаться в стекло, как рыба в аквариуме…

Рэйни всегда умел говорить — в том смысле, что не так уж много людей это умеют. Складывать слова так, чтобы получались текучие фразы, которые при случае можно цитировать, и в них почти нет изъянов с литературной точки зрения. Но сейчас это получалось еще лучше — возможно, одно из усовершенствованных качеств.

— Я не поняла… мне показалось, что тебе неплохо в Ор… в Клубе?

— Ты с ума сошла, Кира, если тебе пришло такое в голову. Только не тогда. У меня была жизнь — учеба, родители… у меня

была ты. И тут — все, конец. Я понимаю — можно пожертвовать всем ради идеи, мечты какой-то… Но это не *моя* идея была, и не *моя* мечта. По какой-то тупой системе я занял место Фокси Лютор, которое мне и даром не нужно было.

— Фокси не знала о таких условиях…

— Твоя подруга много чего не знала, и мне от этого не легче. Но я не мог злиться на Фокси — она не имела значения, да и жизни на тот момент тоже не имела.

Я вздрогнула, вспомнив широкую кровавую полосу на паркете, ведущую в ванную.

— Потому я и злился на тебя. Помнишь, как мы встретились в прошлом году?

— Я нашла тебя.

— Перед этим я искал тебя и нашел — в кафешке. С этим твоим Перри.

— Он не…

— Ты ела пирожное с кремом, вы болтали и смеялись. Потом… ты вымазала нос в креме, Перри достал платок и стал вытирать крем, а ты так хохотала, что в результате умываться пришлось вам обоим.

— Я этого не помню…

— Конечно. Вы столько раз там сидели, что не сосчитать. Но неважно. Главное, ты выглядела такой счастливой без меня. Ты не страдала как я.

— Еще как страдала.

— Это не было заметно.

— Десять лет прошло, Рэйни, глупо ревновать. Тем более что мы с Перри не…

— Да знаю. Но ты бы видела, как вы смотрелись… И насчет ревности ты не права. Я не к Перри тебя ревновал, а к жизни. Это было как расцарапать старую рану. Тогда я просто вышел из себя — не только потому, что ты не пошла против Фокси, когда нужно было. Ты осталась в мире, за которым я так скучал, и об этом забыть было трудно. Как и о том, что тогда, давно, я слишком любил тебя, чтобы отказать, а ты… наверное, недостаточно любила меня, чтобы отказать Фокси.

— И ты… действительно ее убил?

Рэйни смотрел в стену над моей головой. Там висела картинка — его портрет, который я нарисовала карандашом на обороте коробки конфет. Круглая мордаха и короткие волосы, торчащие впереди чуть ли не вертикально. Рэйни до.

— Ее — нет.

— Что это значит? А кого — да?

Тут я сама все поняла.

— *Остальных? Ты убил остальных?*

— К сожалению, это было необходимо. — Никакого сожаления в его голосе я не услышала. — Это и есть отбор, одно из первых моих заданий. Но не Фокси… да и вообще что-то странное произошло, что-то против правил.

— В смысле?

— Все, кроме двоих, уже мертвы. Одна — это ты. А вот кто второй — неизвестно.

Я уставилась на него.

— Не поняла. Рэйни, ты же помнишь…

— Я-то помню, а Без Имени — знает точно. Получилось так, что Фокси — как бы лишняя. Всего вас… нас было двенадцать человек, а с ней получается — тринадцать.

— То есть — Фокси умерла, но ее убил кто-то другой? И занял ее место, тогда, в ту ночь?

— Примерно так. Мы за этим, собственно, и вернулись в город — не смогли найти последнего. В прошлом году что-то вроде показалось, но… у меня все-таки недостаточно опыта. Теперь ищет она сама.

Я поверить не могла. Фокси умерла и похоронена. Кому же удалось смыться?

— И как?

— Пока никак. Понимаешь, это уже дело принципа. Он отлично прячется, но Без Имени не успокоится, пока не найдет его. А она найдет — я не сомневаюсь.

— И пока она ищет, ты…

— Я просто хотел тебя увидеть.

Мне стало жутковато. Чем больше я смотрела на Рэйни при свете дня и слушала его ровный голос, тем лучше понимала — он другой. Рэйни, который и кошку не обидит, говорил об убийстве почти дюжины людей как о чем-то нормальном. И это пугало меня еще сильнее.

А кстати.

— Стоп. Увидеть? Не убить? Почему я еще жива, Рэйни? Я ведь тоже часть программы.

— Потому что я так хочу.

— И что — это так просто решается? Почему ты не захотел, чтобы все эти люди остались живы?

— Ты не понимаешь, Кира, это компенсация. В обмен на твою жизнь мне приходится кое-что делать… но оно же стоит того.

— Что?

— Неважно. Я хочу, чтобы ты жила. Теперь хочу. Потому и пришел к тебе — проверить. Я тебя не сильно напугал?

— Я знала, что ты здесь.

— Откуда ты могла знать?

— У меня были видения. И сейчас, и в прошлом году. Как, ты думаешь, я нашла тебя тогда?

«Как ты смеешь называть меня так?…»

— Значит, побочный эффект все-таки есть…

— От тебя?

— Да… от меня. И от Без Имени. Я точно не знаю, как это работает, но любой член Клуба влияет на заваливших отбор. Так их легче находить… и устранять. А бывает, они и сами умирают от одного нашего присутствия. Это зависит от того, как близко я нахожусь — если бы я фонил на тебя сейчас во всю мощь, ты бы, наверное, уже умерла. К счастью, мы это контролируем, и я тебя защищаю.

— Это типа радиации?

— Нет… но действие сходно.

— Ты еще много не знаешь про этот ваш Клуб, да?

— Очень много, но кое-что знаю. Фокси ошиблась еще в одном — мы не бессмертны. Члены Ордена живут сотни лет, но не бессмертны… Теперь расскажи мне, чем я могу тебе помочь?

— Мне нужен сфинкс, который напал на девочку. Ты можешь выследить его?

— Точно сфинкс?

Я хмыкнула. Кажется, он не до конца понимает, что мне уже не шестнадцать, и там, где я работаю, даже санитарка может отличить волка от сфинкса. Но, возможно, для него и время течет по-другому.

— Если бы так, то не было бы проблем. Даже с сетхами не столько проблем, как с чертовыми кошками. У них у всех мозги набекрень.

— Сфинкс… Подожди. Без Имени вчера вскользь сказала, что… сфинкс привел ее к огромной добыче. Они редки, и вряд ли в городе их наберется много. Возможно, это ваш…

— Выясни, Рэйни, я прошу тебя.

— Закрой глаза, Кира.

Я не могла поверить, что смогу, но закрыла. Черт, я все еще верила ему.

Наверное, излишне говорить, что он исчез.

* * *

ПЕРРИ

Встреча с Лассе вымотала меня больше, чем я мог представить. Он напоминал запакованный подарок — нейтральная упаковка с абстрактным рисунком, но что внутри, одному Богу известно. Может, бутылка виски, может, щенок кокер-спаниеля, а может, пластиковая взрывчатка. Я засунул руку в карман и дотронулся до кольца Эли — круглое и холодное, оно почти не нагревалось от тела даже в жару.

Оставалось дождаться Киру, хотя я не верил в ее удачу. Честно говоря, я надеялся, что она вообще не нашла Рэйни, и дело обошлось одними Фландерсами.

Но зря.

— Я не мог тебе дозвониться, — сказал я первое, что пришло в голову. Кира выглядела так, будто всю ночь курила опиум, но вряд ли нужно был говорить ей об этом.

— Джош?

— Нормально. То есть, не совсем. Он ничего не узнал.

— Как Лассе?

Я пожал плечами — а что тут скажешь?

Джош вынырнул из соседнего кабинета и тихо сел на диван рядом со мной. Вернувшись с рандеву с Заком и Беати, он вообще преимущественно молчал — хотя я и не видел тому причины.

— Тогда слушайте вы.

Кира осторожно рассказывала про свою встречу с Рэйни — подчеркиваю: *встречу*. Скорее всего, она подумала, что незачем рассказывать все. Только это «все» было так же очевидно, как написанное на лбу.

Только не на лбу было написано. Пока она рассказывала, я все смотрел на ее шею.

— Ки…

Она схватилась рукой и пробежала пальцами по укусу. Тут я заметил еще один такой же — на запястье.

— Перри, — начала она, но у меня и мыслях не было что-то говорить по этому поводу. Вернее, было, но не то.

— Тебе это ничего не напоминает?

Джош потряс ее сумку и достал зеркало. Он казался еще более придавленным, и только сейчас до меня дошло, что вся эта история, в общем-то, для него новость. Но пояснений он пока не требовал. Я решил, что расскажу ему все потом. Или Кира

расскажет сама.

Несколько секунд она вглядывалась в свое отражение.

— Что?

Кира догадалась, я видел это по ее лицу. Она спрятала зеркало, так неловко, что чуть не уронила на пол.

— Как у Эвы Уоррен… — сказала она тихо.

Это была правда. Укусы на шее Киры один в один напоминали те, что я нашел на Эве — не идентифицированные мной. Будто потыкали вилкой.

— Но это не Рэйни!

— Адам сказал, что видел женщину… то есть женскую особь, так что это вряд ли Рэйни, — напомнил Джош.

— Без Имени, — сказала Кира.

Мы с Джошем посмотрели на нее так, будто она свихнулась. Может, потому, что у нее был такой голос. Голос призрака, записанный на кассету.

— Кто без имени?

— Адам видел Без Имени. Сфинкс вывел ее на большую добычу…

Это точно прозвучало как бред. Я начинал переживать, хотя вряд ли что мог сделать. Ее встреча с Рэйни и без того не казалась мне идеалом безопасности, но запретить им видеться я не мог — мог только просить ее об этом.

— Кир, может, тебе выпить? — предложил Джош, уже почти нормальным своим голосом. Кира фыркнула — тоже почти нормально.

— Вы думаете, я свихнулась? Я в своем уме, просто ничего не понимаю. Ни-че-го. Чувствую, что в этом что-то есть, но не понимаю. Надеюсь, мы разберемся, пока не станет совсем поздно.

О чем она? Об Эве или о себе и Рэйни? И то и другое нас никак не успокаивало.

Джош легонько потрепал ее за руку.

— Мы разберемся, Кира, не сомневайся.

Ой, хоть бы устами младенца болтала истина…

Из всего сказанного я понял, что Адам скорее всего видел именно того сфинкса, о котором говорили Рэйни и эта Без Имени, кем бы она ни была. В таком случае Рэйни мог нам помочь… хотя я желал, чтобы он вообще никогда больше не появлялся в жизни Киры — в нашей жизни. Но сейчас главнее была Эва. Помочь ей — а потом разберемся.

— Я думаю, что сейчас кое-кому впору поспать, — сказал я со всей авторитетностью, приобретаемой только за шесть лет в мединституте + частная практика. Кира была убитая, чем бы они там ни занимались, и с этим нужно что-то делать.

— Я не устал! — возмутился Джош, но я сделал вид, что не слышу.

— Если кто-то, зевая, сломает себе челюсти, не хочу за это отвечать.

Кира улыбнулась, заливая бальзамом все мои раны.

— Я лягу в твоем кабинете, если не возражаешь. Домой я просто не доеду.

— Не поцарапай кожаный диван.

Этот диван был нашим талисманом, мы купили его еще на заре карьеры и страшно им гордились.

— Ничего, вычтешь из зарплаты.

Я укрыл Киру простыней и несколько секунд наблюдал, как она умащивается лицом к спинке, прижимаясь, словно хочет просочиться в этот изгиб. Пусть только она заснет быстро и не будет думать о том, чего не изменить.

Джош, получив от меня краткое содержание предыдущих серий, сказал «ни фига себе», растянулся на кушетке и вырубился раньше, чем я вышел. Если он и обиделся, что мы не рассказали ему раньше, то виду не подал. Если он и собирался это обмозговать, то не сейчас.

Организовав тихий час, я проведал Эву, потом закрылся в кабинете Киры и попытался углубиться в запущенные дела. С третьей попытки у меня получилось. Окружающих всегда удивляла моя способность спать по три часа и хорошо себя чувствовать, но я привык, вспоминая об этом качестве с благодарностью во время сессий и госэкзаменов.

Роясь в бумагах, я съел полхолодильника нашего НЗ, скурил десяток сигарет, потом передремал пару часов и не успел оглянуться, как наступил вечер. Он наступил телефонным звонком. Звук казался абсолютно инородным после целого дня тишины, будто я никогда ничего подобного не слышал.

— Перри.

— Да, Лассе?

Голос его был еще более нездешним, чем звонок. Как, впрочем, и всегда.

— Я кое-что вспомнил.

— О сфинксе?

— Нет, о прошлогодних тварях. Ты что-нибудь слышал про

Клуб?

Я поперхнулся кофе и пока минуты две откашливался, он терпеливо ждал.

— Ты имеешь в виду Орден? — спросил я наконец.

— Выходит, слышал. Так вот… те твари — члены Клуба. Не знаю, что за порода, я такого никогда не видел, но они — то же самое. Я это еще тогда почувствовал, просто не понял. Зная Орден, трудно поверить, что они могут так выглядеть. Они всегда были… очень хороши собой.

— А почему ты решил, что мне нужно это знать?

— Ты не понял?

— Нет пока.

Пауза.

— У тебя была такая реакция на Орден… я думал… Перри, ты что, знаешь Орден только понаслышке? Лично ты их не встречал?

— Нет, — ответил я и чуть не добавил: слава Богу.

— Тогда ясно. То, что ты рассказал про вторую — красные глаза и все прочее. Красным глаза светятся только у сетхов и у членов Ордена. Сетхов, думаю, ты не раз видел.

— Да, они не кусают жертв, у них и зубов-то нет.

— Следовательно…

— Ух ты, черт! Я понял, спасибо. Только вот…

— Что?

— Тебе я не говорил про вторую. Я сказал про сфинкса, но не про вторую.

— Откуда я узнал, имеет значение?

— Нет, но…

— *Нет, но.* Хорошо, Перри, ты не говорил, у тебя прекрасная память. Но Джош сказал Заку.

— А сказать Заку — все равно что заказать рекламный щит в центре города…

— Лучше не скажешь. Ты доволен?

— Извини.

— Не извиняйся. Тем более что у меня к тебе просьба.

Да все что угодно… По крайней мере — что в моих силах.

— Я слушаю.

— Если узнаешь что-то, позвони мне. Я хочу быть в курсе.

— Хорошо. Еще раз спа…

Он повесил трубку.

Я сел в кресло, пытаясь собрать информацию до кучи. Зачем

Лассе понадобилось быть в курсе наших дел, интересовало меня, конечно, но в последнюю очередь. Он подтвердил то, о чем мы уже догадались — существо, которое было со сфинксом и участвовало в нападении на Эву — член этого гребаного Клуба. Теперь мы это знаем. Подружка Рэйни это или нет — пока неизвестно, но уже близко. Я с опозданием пожалел, что не расспросил Лассе про Клуб подробнее, но решил сделать это чуть позже.

Как выяснилось, размышляя об этом, я уже спал.

* * *

КИРА

Зомби тоже могут играть в баскетбол.

Я подскочила, не сразу сообразив, в каком я мире. Потом в полумраке вырисовались контуры тела, сопящего на кушетке — и это сопение уже напоминало стон. Жалюзи были очень плотные, и трудно было сориентироваться во времени суток.

— Джош! — позвала я тихонько. — Джош, проснись!

Он поднял голову.

— А? Что?

— Тебе снился кошмар?

— Угу… — Он приподнялся, протирая глаза тыльной стороной ладони. — Кошмар. Снилось, что я реву, как девчонка… и все вроде правильно, но мне так плохо… Что-то случилось?

— До меня дошло! Перри когда-то проговорился, что дочка Утора страдает ликантропией. Дочь Утора — лунатик!

— Имоджен?

— Нет, другая. Фокси.

— Ну и что? Она же умерла.

— А если нет? Я ее тела не видела. Так что она запросто может быть тем сфинксом, которого мы ищем. Рэйни сказал, что остается еще один, кроме меня и Фокси. Может, не кроме Фокси? Может, это она и есть?

Он прямо подскочил на своей лежанке.

— Но подожди — ты была ее лучшей подругой и не знала, что она лунатик?

— Если сфинкс, то могла и не знать. Это же не волки, превращения можно кое-как контролировать. Видел, как перекидывалась Беати? По щелчку.

— Ну ни фига себе озарение… Это надо обмыть.

Он вытащил из холодильника две банки пива. Джош обожает пиво, как я — кофе, а Перри — сигареты. Поскольку наши увлечения тоже не пахнут невинностью, запрещать мы ему ничего не можем. Я постоянно намекаю, что к тридцати он заимеет брюшко, но его гибкое мускулистое тело просто без слов надо мной насмехается. Что ж, мои пирожные с кремом имеют гораздо больший шанс отложиться в кое-каких местах. И разве меня это когда останавливало?

— Так что будем делать?

— Я думаю, стоит повидаться с Аттилой Утором. Выяснить, каким именно лунатиком была Фокси.

— И что ты ему скажешь? Мистер Утор, ваша дочь жива? Нельзя идти к Аттиле без доказательств.

Иногда Джош бывает пугающе рассудителен.

— А откуда их взять? Это же только догадки.

Джош соскользнул на пол, ругаясь в поисках своей футболки. Придавленная тяжкими думами о возможном воскрешении Фокси я все-таки не отказала себе полюбоваться его голым торсом. Он явно унаследовал самое лучшее — от мамы отсутствие волос на теле и слегка раскосые кошачьи глазищи, от папаши — смуглый оттенок кожи и точеные черты лица. Вот же повезет какой-нибудь засранке…

— Знаешь, — сказал он, выплывая из полумрака прямо передо мной, — в детстве мама часто рассказывала мне сказки про своего деда из деревни. Он был колдун и лихо умел вычислять своих врагов. И не только своих. Большие бабки рубил, к нему даже из города вечно приезжали какие-то тузы.

— Вот бы нам так — раз, костерчик разжег, заклинание сказал — и готово.

— Да никаких заклинаний там не надо было.

Я села на диване.

— Можно подумать, ты помнишь.

— И помню. Что там помнить? Он вызывал даппи, и тот сам приводил его прямо к дому врага.

— Что за даппи?

— Типа зомби. Или дух. Находишь могилу с именем жертвы и так далее. Очень просто. — Вдруг он скатился с кушетки и подошел ко мне. — А давай попробуем, а? Кладбище недалеко.

— Ты совсем сбрендил, Джош.

— Почему это? — Его глаза поблескивали от переизбытка энергии после сладкого сна, хоть и закончившегося кошмаром. — Что мы теряем?

И действительно. Сейчас мне отчего-то не казалась абсурдной эта идея. Вечером, когда умирает день, все немного другое на вкус, цвет и запах, предметы и слова будто слегка деформируются, совсем чуть-чуть, но образуют лазейку в другую реальность. Реальность, которая умрет с первыми лучами солнца.

— Только Перри не скажем, а то он нас на смех поднимет.

Ничего говорить и не пришлось — Перри спал мертвым сном

прямо за столом. Нередко такое увидишь. Я убрала из его рук чашку кофе, поцеловала в висок и на цыпочках вернулась в кабинет.

— Что надо взять с собой?

— Бутылку рома и семена табака.

— Угу, ерунда… У меня в доме, знаешь ли, полным-полно рома и табака! Особенно в семенах.

— Ну ладно тебе. Думаю, коньяк подойдет. А семена… я знаю, где взять семена.

Джош задумчиво посмотрел на картину около двери. Крестьянские мотивы, не знаю, где Перри ее откопал, но она ему очень нравилась. Этакое миленькое мещанство в стиле кантри, выполненное из натуральных материалов.

— Не вздумай, он тебя убьет, — предупредила я.

— Да он не заметит. Не пугай, а то у меня рука дрожит.

Джош аккуратно поскреб загривок лошади ковбоя и высыпал семена в салфетку.

— Ты точно помнишь, что делать? Я слышала, с вуду шутки плохи.

— Это никакое не вуду.

— А что?

— А я знаю?

Отличный ответ для начинающих колдунов.

Кладбище располагалось недалеко от больницы, всего в нескольких кварталах. Было еще довольно светло.

— Какое имя нам искать?

— Наверное, Эва. Хотя это будет нелегко.

— Ничего подобного. — Джош указал на симпатичную плиту, утопающую в зеленой травке. — Ева подойдет? Вот Ева Хартман.

— Думаю, одна малина. Давай.

Джош достал из кармана салфетку с семенами и с загадочным видом высыпал их на могилу.

— Все.

— Все? А коньяк зачем?

— Ну надо же как-то загнать его назад, если мы никого не найдем. А то будет скитаться, народ пугать. Теперь садись и будем ждать.

Я уставилась на плиту.

— Подожди, Джош. Это что — сейчас отсюда вылезет труп?

— Не знаю.

— Я не хочу видеть оживший труп. Тут написано, что Ева Хартман умерла месяц назад. Представляешь, как она выглядит? И пахнет?

— Ну и что прикажешь делать?

— Да ладно… Он хоть мозги не ест? Не отвечай. Я слышать этого не хочу.

Мы еще несколько секунд усердно не спускали глаз с плиты.

— Джош!

— Ну.

— А зомби быстро бегают?

— Вряд ли. Они же все развалленные.

— Хорошо…

Я сидела и ругала себя на все лады. Кира Кастл, ты доктор с дипломом (ну почти), тебе двадцать восемь лет, что ты здесь делаешь? Перри умрет со смеху, если мы решимся ему рассказать. Нет, единственное, что он узнает — это мою догадку про Фокси. Магия для него настолько абстрактное понятие, что и говорить нечего. Удивительно, что он поверил мне насчет Клуба.

Наверное, просто были доказательства. А здесь их и близко нет.

Внезапно от поверхности газона отделилось голубоватое облачко. Оно зависло в воздухе и скаталось в матовый шарик.

Мы с Джошем вцепились друг в друга.

— Это твой даппи? — спросила я шепотом.

— Типа того…

— И что дальше?

— Понятия не имею.

Я чуть не взвыла и не дала ему по голове. Случай с Клубом должен был научить меня раз и навсегда не ввязываться в сомнительное колдовство. Но не научил.

Пока я об этом раздумывала, даппи принял форму вырезанной из зеркала человеческой фигурки размером с куклу Барби и неторопливо поплыл к выходу из кладбища.

Мы поплелись следом, едва успев вывести машину, чтобы не потерять его из виду.

— Послушай, Джош, — сказала я, когда мы проехали три квартала. — А если враг уехал в Мексику? Или Австралию? Он что, и туда поплывет?

— Мне было пять лет, Кира, я не спрашивал подробностей! — огрызнулся он. — Даппи исчезает с лучами солнца. Так что мы можем путешествовать только до рассвета.

Даппи вильнул в переулок. Оттуда открывался вид на улицу с несколькими домами-трейлерами. Чуть дальше вырисовались еще несколько других домов — полноценных и немаленьких. Типичных для пригорода.

Перед одним из них даппи остановился и вдруг рассыпался

— с тихим звоном брызнул зеркальными осколками и исчез.

Я забеспокоилась.

— Куда он подевался?

— Вернулся в могилу. Мы пришли.

В доме светилось одно окно на первом этаже. Он был окружен железной оградой-частоколом, достаточно высоким, чтобы не влезть запросто, и достаточно острым, чтобы там и остаться.

— Ну и? Будем звать хозяев?

— Странный домишко. Может, даппи нас неверно понял?

— Даппи все всегда понимает верно и никогда не ошибается. Если бы это не была наша семейная тайна, люди бы вовсю им пользовались.

— Тогда давай.

Я подошла к ограде и тут же почувствовала что-то подозрительное. Кажется, кроме каменной ограды здесь была еще одна — виртуальная, горячая и пугающая, как электроток. Но мы же не собираемся в конце концов на нее карабкаться. Войдем как цивилизованные люди.

Я вдохнула и храбро нажала на звонок.

Раз пять.

На шестой дверь открылась, и я увидела силуэт женщины на пороге. Ей было лет сорок пять, насколько можно было рассмотреть. А вот ружье в ее руках мы отлично рассмотрели.

— Что вам надо? — спросила она.

— Извините, мы не могли бы поговорить?

Она вышла под свет фонаря. Голова ее была повязана платком, черты слишком резкие, чтобы быть красивыми. Но когда-то, пока на лице не появились складки, будто сделанные острым ножом, она наверное была красивой. А сейчас она была похожа на ведьму.

— Проваливайте отсюда, иначе останетесь без головы.

Мы переглянулись и последовали совету. Уже садясь в машину, я вдруг увидела, как зажглось окошко на втором этаже, но к нему никто не подошел.

— Ну и чего мы добились? — подал голос Джош, выруливая из этих невозможных переулков.

— Еще неизвестно. Мы узнаем, кто она и какое имеет отношение к Эве. Иначе репутация даппи будет изрядно подпорчена.

— Только бы она не оказалась просто врачом-стоматологом, которая неудачно вырвала Эве молочный зубик.

— Заткнись и подай-ка коньяк.

* * *

…Я подскочила, не сразу сообразив, в каком я мире. Потом в полумраке вырисовались контуры тела, сопящего на кушетке — и это сопение уже напоминало стон. Жалюзи были очень плотные, и трудно было сориентироваться во времени суток.

— Джош! — позвала я тихонько. — Джош, проснись!

Он поднял голову.

— А? Что?

— Тебе снился кошмар?

— Угу… — Он приподнялся, протирая глаза тыльной стороной ладони. — Кошмар. Снилось, что я реву, как девчонка… и мне так плохо… Что-то случилось?

Дежа вю…

— Просыпайся, поедем посмотрим на дом при свете дня.

— *Какой еще день и какой еще дом?*

— Не прикидывайся, тот самый дом, ради которого мы ночью по кладбищу шастали.

Джош слез с кушетки и потянулся в позе золотого сечения да Винчи. Ох-х и повезет же какой-нибудь засранке… Впрочем, я, кажется, об этом уже думала.

— Кира, ты случаем не пила? Какой ночью, если только вечер.

— Блин…

То было видение, теперь я и сама почувствовала. Все выглядело не так, ощущение реальности нашего с Джошем кладбищенского сафари постепенно таяло и превращалось в сон.

Кроме того, что я отлично помнила дом.

— Одевай-ка свое чудное тело в футболку, которая, кстати, валяется под столом, и едем. Мои видения пока не врали мне, как и твой даппи.

— Перри берем?… стой, а откуда ты знаешь про даппи?!

— Оттуда же, откуда знаю, что Перри спит.

Про футболку он не спросил. Наверное, это мелочь по сравнению с семейной колдовской тайной.

По дороге я рассказала Джошу свою догадку о Фокси Лютор. То, как он реагировал, примерно вписывалось в мое видение. Хотя я неплохо знаю Джоша и безо всяких там видений.

Мы быстро нашли дорогу, но подъехать я не смогла. И не мудрено. Дом обмотали желтой лентой, у входа стояли две полицейские машины.

Через порог осторожно тянули каталку с трупом, упакованным в черный брезентовый мешок. Довольно бесформенный мешок. Даже издалека я видела, что руки

полицейских красные от крови.

Около дома собралась немаленькая толпа, в которую мы и затесались.

— Что случилось? — спросил Джош у какой-то припанкованной девчонки. Она покосилась на него и, видимо, оценив по высшему баллу, ответила:

— Странная была дама, живет здесь лет десять, а мы даже не знали, как ее зовут. Сказали, вроде, током стукнуло. Но я слышала, — она понизила голос, — ее растерзали и раскидали по всей гостиной. Полиция целый час собирала в мешок по углам. А почему вы спрашиваете? Вы ее знали?

— Да нет, просто ехали мимо…

Болтливые девчонки — Божий бич. Мы поспешили уехать, пока на нас не начали обращать внимание.

— Ну и облом, — сказал Джош. — Это могла быть Фокси?

— Не могла. Фокси сейчас было бы тридцать, а эта выглядела далеко за сорок. Я ее рассмотрела. Это не Фокси.

— Тогда не знаю. Тупик.

— А я знаю. Мы должны поговорить с Аттилой Утором. Ты, конечно, скажешь — у нас нет доказательств. Но мы не будем рассказывать про Фокси. Мы просто поспрашиваем о ней как о сфинксе.

— Какая ты умная, все ты знаешь, — нахмурился Джош, но я примирительно потрепала его за кончик косички. Они были так плотно приплетены к голове, что достать можно было только торчащий ананасный хвостик сзади.

— У меня было видение, забыл?

— Все равно уже ночь. Мы же не попремся к Аттиле ночью?

Иногда Джош бывает пугающе рассудителен. Впрочем, я, кажется, об этом уже думала.

Мы вошли в мой кабинет, но стол был пустым.

— Где доктор Мастертон? — спросила я у Мелиссы.

— Он уехал. Просил передать, что *нашел зацепку*.

— Надо же. Мы хотели сказать ему то же самое. Ладно, Джош, посидим здесь до утра, а там Перри вернется, и мы решим, что делать.

— А если не вернется?

— Тогда я поеду к Утору. Думаю, Перри хватит сообразительности позвонить, если задержится.

— У тебя же мобила сломалась.

— Вот зараза, точно… Стыдобище, нет времени заменить телефон! Ладно, поэксплуатируем твой пейджер.

— А я его потерял, — невозмутимо сообщил Джош, сделав лицо «брендан фрейзер» и попутно строя глазки Мелиссе. Но поскольку она была абсолютной лесбиянкой, имела жену-подружку и годовалую дочь Селесту, я за нее не особо переживала. А вот Джош заслуживал хорошего пинка.

* * *

ПЕРРИ

Лучше быть кем-то другим, чем вообще никем.

Том Рипли

Я и не заметил, как заснул. Когда проснулся, Кира и Джош исчезли в неизвестном направлении и даже ничего не сказали Мелиссе. Это могло значить одно — дело срочное. И не особо опасное, раз не растолкали меня.

Двух часов сна мне хватило с головой, и я собрался снова с головой уйти в дела. Кофе было достаточно, и я пошарил в ящике в поисках сигарет, но нашел только пустую пачку.

Но сигареты у меня есть всегда, это аксиома. Никто не делает столько запасов, только я и бурундуки. Сигареты натыканы везде — за картинами, между книгами, по карманам, откуда их потом с проклятиями извлекают в химчистке. Периодически уборщицы тайком опустошают мои заначки, но их от этого не убывает. Напоминает рог изобилия и съедает приличные деньги, как любая дурная привычка.

Я критически осмотрел вешалку, раздумывая, в каком кармане вернее всего найти пачку, потом сунул руку наобум. И тут я увидел нечто.

Нечто было курточкой Эвы, которую Лиз, видимо, забыла в моем кабинете. Случайно я зацепил ее, и на пол упала скомканная записка. Первым порывом было положить ее назад в карман, но сейчас были не те обстоятельства, чтобы культивировать этику.

Я развернул помятый клочок.

«Увидемся в магиле после девити».

Судя по орфографии и почерку писавший эту записку явно страдал дислексией. Буквы похожи на печатные — большие и неуклюжие. По первому впечатлению это напоминало угрозу типа «увидимся в аду», если бы не указание времени. Глупо как-то назначать время собственной смерти.

Я положил записку перед собой. Что значит — в могиле? На кладбище? Эве девять лет, и сомнительно, что она встречается с кем-то на кладбище, тем более ночью. Это могло значит одно — записку писали не ей.

А кому?

Черт, какой я идиот в самом деле. Адаму. Конечно, эта записка была для Адама, а Эва стащила ее и следила за братом до самого места встречи-нападения! Но при чем тут могила?

А почему бы не спросить? Не уверен, что Лиз будет в восторге, но иного выхода не вижу.

Я схватил куртку и быстрым шагом направился к выходу.

— Мелисса, я отлучусь.

— Что-нибудь передать доктору Кастл?

— Когда они вернутся, передайте, что я нашел зацепку.

Я никогда не бывал дома у Лиз Уоррен и еле-еле нашел — может быть, потому, что квартира была в одном из десятка абсолютно одинаковых домов на улице. Поднимаясь на лифте, я все думал, что сказать, ведь они наверняка давно уже спят. Сначала с трудом спровадил Лиз домой, уверив, что Эва в порядке и можно позволить себе поспать, а сам припираюсь среди ночи и бужу.

Но они не спали. Во всяком случае, Лиз. Она открыла мне, даже не спросив, кто это.

— Добрый вечер, миз Уоррен.

— Что-то с Эвой? — спросила она быстро.

— Нет, все в порядке. Просто у меня неотложное дело. Я понимаю, что Адам спит, но… Мне очень срочно нужно поговорить с ним.

Не накрашенной Лиз Уоррен выглядела старше. Учительская складка на лбу без очков была отчетливо видна и резка, под глазами — голубоватые тени. Но распущенные волосы уравновешивали картину, убирая несколько лет в противовес добавленным. Я никогда не видел Лиз с распущенными волосами раньше и чуть не сделал комплимент, вовремя спохватившись, насколько это неуместно сейчас.

— Это связано с Эвой? — только спросила она.

— Напрямую.

Она предложила мне сесть и отправилась в глубины квартиры за сыном. Не было ее довольно долго, видимо, Адам не очень хотел меня видеть. Нельзя сказать, что я его не понимаю.

Наконец он вышел, демонстративно заспанный, с расчесанными рукой волосами и моргающими глазами.

— Добрый вечер, доктор Мастертон…

— Здравствуй, Адам. Извини, что поднял, но у меня к тебе есть вопрос. Один-единственный.

Я достал из кармана записку. Весь ее текст мигом отразился у Адама на лице до последней корявой буквы — не нужен и детектор лжи. Я так и знал. Маленький негодяй лгал нам все это время.

— Скажи мне, Адам, кто написал эту записку?

Он не поднимал глаз, нервно сминая пальцами край футболки.

— Адам, если мы не узнаем, то никогда не поможем твоей сестре.

И тут Лиз сделала невероятную вещь. Я был на 99 и 9 уверен, что она начнет защищать сына или по крайней мере спросит, где доказательства, что записка принадлежит Адаму. Доказательств у меня как раз и не было, Эва могла подобрать записку где угодно. Но Лиз вдруг подскочила к Адаму и тряхнула его за плечи так сильно, что у него челюсти клацнули.

— Говори сейчас же, — приказала она тихим чеканным голосом, тем самым, который похуже, чем крик.

Адам сполз в кресло, словно из него вынули скелет, и съежился там.

— Откуда я знал, что Эва увяжется за мной?! Кто ее звал?! Она вечно сует свой нос не в свое дело!

— Не смей так говорить о сестре.

Твердым шагом Лиз сходила на кухню и принесла ему воды. Он глотнул ее с видимым трудом.

— Что значит «в могиле»? — спросил я.

— В «Разоренной могиле». Это клуб на…

— Я знаю, где этот клуб.

— Мы с ней там виделись, с той девчонкой. Она такая крутая… и такая сильная, что может монету пополам согнуть. Лунатик. Я слышал, что она лунатик. Я попросил ее сделать меня таким же. Меня достало, что все об меня ноги вытирают! — Его голос стал срываться. — А так я любому смогу шею свернуть. Ко мне никто не подойдет.

Лиз взирала на него с тихим ужасом в глазах.

— И что дальше?

— Она не хотела. Я ее не сильно заводил… Но я не отставал, и она назначила время… Она сказала — достаточно укусить… или поцарапать.

Адам всхлипнул и ушел лицом в ладони. Мы с Лиз переглянулись над его головой. Лиз была бледной, как свежая побелка.

— Кто она? — спросил я.

Он назвал имя.

Я оставил их наедине разбираться и спешно смылся. Адаму я не завидовал. Не то что не завидовал — мне немного было его жаль. Лиз — женщина малокомпромиссная, иногда чересчур, но сейчас — в самый раз.

А может, мне его не понять. Ростом и плечами Бог меня не обидел и даже чуть-чуть перегнул палку, так что в школе у меня не было проблем.

Поскольку Кира так и не удосужилась купить новый телефон, я возвращался в больницу на всех парах со своим открытием. Только упрощалось все или усложнялось, я еще не понял.

Лассе взял трубку только с третьего звонка.

— Перри?

С такой интуицией определитель номера просто ненужное барахло.

— Да. Тут у нас небольшие прояснения.

Он выслушал меня и сказал:

— Ничего себе небольшие прояснения. Теперь ваша девочка практически спасена. Но… это ведь только половина дела, не так ли? Извини, но мне почему-то кажется, что вы в этой истории завязаны глубже, чем говорите.

— Правильно кажется, — сказал я устало. Это, конечно, не моя тайна, но неспроста ведь Лассе этим так интересуется. В нашей войне лучше иметь его на своей стороне. — Давай увидимся.

— Я буду ждать тебя в клинике.

Когда я приехал, он уже был там. Я увидел на парковке его машину — серебристый кадиллак старой модели. Машины Киры не было.

Джош неприкаянно бродил по холлу и чувствовал себя не в своей тарелке. Хотя Лассе смирно сидел под кабинетом и почти не подавал признаков жизни.

— Перри! — завопил Джош благим матом, как только я появился. — У нас офигенная версия!

— У вас офигенная версия? А у меня офигенная новость. Где Кира?

— Поехала к Аттиле Утору.

— Какого черта?!

— Проверить версию. А что?

— Что же это за версия, интересно, ради которой Кира спозаранку помчалась к Утору?

Джош рассказал, в самых ярких красках, включая видение

Киры и охоту с зомби, или как его там.

— Идея ничего, не спорю, но моя новость лучше. Я знаю, кто напал на Эву.

Он уставился на меня круглыми глазами. Лассе подошел поближе.

— Как ты узнал?

Я сказал, как я узнал.

— Перри, блин, твоя фамилия случайно не Мейсон?! Я поверить не могу, что ответ был у нас под самым носом! Теперь мы сможем заявить в поли… черт, забыл. Но как теперь действовать?

— Вполне определенно. Мы поедем и навестим кое-кого.

Это было безрассудно и по-хорошему нужно было все обдумать, дождаться Киру. Но вместо этого мы оставили Мелиссе наши координаты и ушли. Иногда безрассудство приносит лавровые венки… а иногда и погребальные. Как получится.

Когда мы вышли из клиники, было еще темно, но до рассвета не больше получаса. Поскольку Лассе, похоже, не видел причин для беспокойства, потому и я сильно не переживал. Ему виднее.

Имоджен Утор висела, зацепившись ногами за низкую ветку дерева, и болтала руками в воздухе. Увидев нас, она ловко перевернулась и зашагала навстречу.

— Привет, малышка! — сказал я.

Она с серьезным видом поводила передо мной ладонью как аппаратом для поиска металлических предметов.

— Ангелы поют!

— Отличная новость.

Имоджен переместилась к Джошу, оповестив и его об ангельских песнях. Но когда дошла до Лассе, вдруг отдернула руку и посмотрела на меня так, будто вместо конфеты в ее руку положили раздавленного жука. Потом, не попрощавшись и даже не взяв мой доллар, отбежала подальше и стала сосредоточенно рассматривать ночную стоянку.

— О чем она говорила? — спросил Лассе.

Я нехотя пояснил:

— Имоджен считает, что ангелы поют, когда душе человека ничего не угрожает. Если угроза есть, то они замолкают, молчат. А если ей уже ничем не помочь…то ангелы плачут. Это значит, что душа погибла.

— Наверняка, бедняжка напоролась на истерику, — еле слышно пробормотал Джош.

Лассе задумчиво посмотрел вслед Имоджен. И хотя он ничего не сказал, она вдруг оглянулась с обескураженным выражением лица и перебежала через улицу.

— Нет, — ответил он неожиданно. — Просто некому там плакать…

Мы не сговариваясь направились к машине Лассе.

— Ты знаешь, куда ехать?

— Знаю. Мне кажется, Перри, ты обещал что-то мне рассказать, — напомнил Лассе, выезжая на дорогу.

Джош бросил на меня настороженный взгляд в отражении зеркала. Ему не особо нравилось, что Лассе здесь, с нами, и я плохо понимал, почему. Можно понять, за что он не переваривает Зака, но Лассе?..

— Слушаю тебя.

Я вздохнул и, сам себе не веря, выложил ему всю историю взаимоотношений Киры и Клуба. Ну, или почти всю — минус некоторые интимные подробности.

— Многое, конечно, прояснилось, — сказал он, когда я закончил, — но две половины истории никак не сходятся.

— А может, они и не связаны. Что такого в том, что сфинкс напал на девочку? Все знают, что эти твари без башни.

— Ну да, не связаны. А что там делала Без Имени? — Лассе посмотрел на меня, будто разъяснял простейшее квадратное уравнение. — Она — общее между этими двумя половинками, и пока мы не узнаем, что их объединяет, мы не поставим точку в этой истории.

— И зачем это нам? — подал голос Джош с заднего сиденья. — Какое нам дело до этой… безымянной? Самое главное мы ведь узнали.

— Ваш сфинкс как-то связан с Без Имени, ребенок, — сказал Лассе, почти не глядя на дорогу. — А Без Имени — очень неприятные существа, очень опасные и сложные. Если они возьмут кого-то под защиту, то можете в них не сомневаться. Вам никогда не достать крови этого сфинкса.

— Она что, сильнее тебя? — Джош заметно присмирел и тихонько поглядывал на Лассе с заднего сиденья.

— Без Имени ОЧЕНЬ сильны. Я не смогу сказать, пока ее не увижу, но может быть.

— Ты нам поможешь? — спросил я неуверенно.

— У меня к Без Имени есть несколько вопросов. Возможно, у меня хватит духу задать их. И возможно, пока я буду их решать, вы сможете решить свои. Хотя не уверен, что у нас будет шанс.

Это называется успокоил.

* * *

КИРА

Мне всегда нравился особняк Аттилы Утора, и в первую очередь тем, что он был ни капли не вульгарен при всех своих масштабах. Я была здесь всего несколько раз — Фокси не жаловала семейную жизнь и предпочитала жить в квартире. Трава на газоне была ровной, будто по ней прошлись бритвой, на ней выстрижены затейливые узоры, которые лучше смотрелись с высоты — с крыши. Когда-то мы сидели там, с двухлетней Имоджен в коляске, пили белое вино и любовались видом. За десять лет здесь появилась пристройка сбоку, но больше не изменилось ничего — ни одного нового деревца или клумбы. Ощущение жизни пропало безвозвратно, и от этого становилось грустно.

На въезде я заметила знакомую широкую спину в черном пиджаке. Пит Мартелл был телохранителем Фокси. Любимым ее занятием были побеги по злачным местам из-под опеки Мартелла, которого мы втихомолку называли Глыба. А поскольку из пословицы «сила — ума могила» он был абсолютным исключением, то сбегать бывало довольно сложно, почти невозможно. Ну почти.

— Мистер Мартелл! — окликнула я его. Он повернулся с неожиданной грацией, которая всегда меня привлекала: глыба глыбой, а двигается как фигурист. Глаза скрывали темные полицейские очки. — Я Кира Кастл, вы меня помните?

— Вы подруга миз Фрэнсис, — произнес он наконец после секундного разглядывания моей персоны. Словно в его голове прошел поиск по каталогу, и я была идентифицирована.

— Да, теперь я работаю в клинике мистера Утора. Мне очень нужно его увидеть. Он дома?

— Вам назначено?

Хороший вопрос, учитывая, что еще такая темень.

— Я не смогла ему дозвониться. У меня нет его домашнего номера. Пожалуйста, мистер Мартелл, это вопрос жизни и смерти.

Еще несколько секунд он меня оглядывал.

— Возможно, мистер Утор спит.

Он так это сказал, что сразу стало ясно — он вряд ли спит.

— Это действительно очень важно.

— Что сказать?

Я собралась с духом.

— Скажите, что это по поводу его дочери.

Утор принял меня, и я поняла, почему, как только его увидела. Не знаю, проснулся ли он или вообще не ложился, но бокал в его руке был наполовину пуст. И мне кажется, что это не первая такая ночь. Выглядел он откровенно паршиво — морщин стало больше, массивный подбородок слегка обвис, волосы сильно поседели. В последний раз я видела его на похоронах Фокси, и с тех пор, кажется, прошло не десять, а двадцать лет.

— О чем вы хотели поговорить, доктор Кастл? — спросил он хриплым голосом, предложив мне выпить. Я отказалась — не хватало нам еще напиться и, обнимаясь, вспоминать прошлое. — Что-то с Имоджен? Или в клинике?

— Нет, не с ней. Пожалуйста, расскажите, как вышло, что ваша дочь стала сфинксом?

— Это важно?

— Поверьте, да.

Он не отрицал. Значит, именно сфинкс, а не какой-то другой лунатик. Пока что я была права.

— Я не знаю. Когда ей было семь лет, она пришла домой с царапиной на руке. Сказала матери, что ее оцарапала кошка. Она позвонила мне, мы продезинфицировали рану и забыли… до первого превращения. Но дочка так ничего и не вспомнила. В ее памяти это существо осталось просто кошкой.

Он долил прямо из бутылки, забыв про лед.

— Тогда эта область не была изучена, и мы даже с моими деньгами не могли ей помочь. Ее мать… она занималась колдовством, испробовала на ней все, что могла, но…

Какой-то бред. Не могу представить себе Анн-Мари, занимающуюся колдовством.

Я осторожно присела в кресло. На столике стояли фотографии. Аттила, Анн-Мари, девятнадцатилетняя Фокси, малышка Имоджен; Аттила, молодая женщина в какой-то разноцветной одежде, похожей на африканскую, и черноволосая мрачноватая девочка лет семи. Фокси? Ужас до чего меняет время. В сравнении с соседним фото разные люди. Но это что! Внимательно приглядевшись, я поняла, почему лицо женщины кажется мне знакомым. И чуть не заорала. Это была дама из моего видения, чей труп выносили из дома в брезентовом мешке!!!

— Ваша… подруга? — спросила я, с трудом сохраняя спокойствие.

— Да. Амайя. Что-то не так?

Он посмотрел на меня с вызовом. Но я и не думала его

осуждать, только не сейчас.

— Нет, просто… Не понимаю, как я могла не знать, что ваша дочь — лунатик? — почти прошептала я.

— А почему вы должны были знать?

— Ну… мы же были подругами.

Тут Аттила впервые проявил сносные признаки жизни.

— Вы? С ней? Каким образом?

То ли я совсем запуталась, то ли у него неладно с памятью.

— Когда я училась в хай-скул, мы с Фок… с Фрэнси были близкими подругами. Вы не помните?

— Фрэнси? А при чем тут она? — Он взял в руки фото. — Вы подумали, что это Фрэнси? Нет… Она в детстве была светленькая… как Имоджен.

— А кто? — Я окончательно растерялась.

— Это другая моя дочь. Беати.

Кто?…

— Беати Форджа?.. — прохрипела я и схватилась за его стакан. — Ваша дочь?.. Извините, мне нужно выпить.

— Вы знаете Беати?

— Немного… — Голос не сильно спешил ко мне возвращаться. — Она заходила в нашу клинику.

— Амайя записала ее на свою фамилию… она сказала, что ей ничего от меня не нужно, даже это. Я не видел дочь много лет, Амайя и близко к ней не подпускает. Все пробует свои колдовские штучки. Кажется, она винит меня, что я ничего не смог сделать, чтобы найти ту тварь. А что толку… ведь все равно было поздно… и лекарства не существовало. Как она? Как Беати?

— В порядке. Извините, мистер Утор, мне нужно идти. Спасибо, что согласились принять меня.

— Не за что, Кира. И… если встретите Беати, скажите… нет, ничего не говорите.

Он даже не спросил, зачем, собственно, я приходила. И правильно — ответов у меня все равно не было.

Я вылетела из особняка как пуля и остановилась на пороге, чтобы отдышаться.

Беати — дочь Утора! Не знаю, что это значит, но это не может быть просто совпадением. При первой и дальнейших коротких встречах она показалась мне заурядной клубной тусовщицей с пэтэушными мозгами — слегка наркоманкой, слегка шлюхой, тем более с ее-то безалаберными связями. Но это все меняло. Или она не так проста, как кажется, или попала в беду, недаром у нее были недомо…

Недомогания.

И тут я прозрела. Именно так это и называется. Непередаваемое ощущение, когда в полной темноте вдруг загорается далекий огонек, он приближается все быстрее и наконец взрывается ослепительным всеохватывающим рассветом. И ты впервые по-настоящему видишь и понимаешь — то, что раньше принималось за зрение, было просто жалкой попыткой двигаться на ощупь.

Глыба проводил меня до выезда. Уже собираясь закрыть окно, я вдруг спросила:

— Вы ведь знали, что произошло с миз Фрэнсис? Поэтому не было никакого расследования?

Он покачал головой. Это могло значить что угодно, но я поняла жест.

Попытки дозвониться из машины ничего не дали. Я развернулась и поехала в клинику.

* * *

ДЖОШ

Я знаю, кем я была сегодня утром,
но с тех пор я уже несколько раз менялась.
А про вчера рассказывать не буду.
Вчера я была совсем другая!

Л. Кэрролл

Мы вошли в дом очень просто — дверь была не заперта. Комнаты, видимо, было несколько, но обследовать их было незачем. И вообще создавалось впечатление, что сюда хозяева ходят только ночевать — или дневать, если угодно. Зал — если так назвать это помещение — начинался чуть ли не с порога. Обстановочка чумовая — кое-где обои ободраны, кажется, когтями; на стене пара старых потрепанных плакатов «Queen», «Kiss» и Оззи с автографами, кукла в розовом кружевном платьице держалась забитым в лоб гвоздем, глаза у нее кто-то в припадке злости повыковыривал. Зато диван лучше нашего, из такой мягкой зеленой кожи, что руки тянутся потрогать, и плазма космических размеров. Не знаю, какая диагональ — нереальная. Прямо на обоях черным маркером написано: *«Пусть мое сердце вдребезги и грим, наверное, смазался, но улыбка все еще держится».* Цитата из Фредди. Окно в форме арки с симпатичной минимальной рамой, только кое-где перечеркивающей давно не мытое стекло, занимало полстены.

Все бы ничего, если бы не одна любопытная деталь. Вернее, две. Одна — сорванные жалюзи, валяющиеся у нас под ногами. И вторая. Около подоконника стоял Зак и как-то неестественно опирался, будто держался за него. Если бы не это, можно было бы подумать, что он просто любуется видом.

И если бы не то, что практически светало.

Он едва оглянулся на нас, так упираясь в подоконник, что на нем могли остаться вмятины.

— Почему ты нам не сказал, что это Беати? Ты ведь не мог не знать, — произнес Перри таким голосом, будто Зак действительно был обязан ему отчитаться. — Я понимаю, что мы

для тебя — ничто, или еще хуже — бесплатная кухня; что жизнь этой девочки ничего не стоит… но можно было бы просто сказать, когда тебя спросили… Почему?

— Ты уже и так перечислил все причины, — вначале Зак говорил тихо и будто через силу, но потом голос у него прорезался. — Может, я и не сказал бы. Но тебе, чертов умник, и в голову не приходит, что в этот раз я ПРОСТО НИ ХРЕНА НЕ ЗНАЛ!

Он свирепо обернулся к нам. Первое что я увидел и услышал — наручники. Зак был прикован ими к отопительной системе, и они противно звякнули, когда он обернулся. Второе было алой царапиной, пересекающей левую половину его лица от виска до подбородка. Она уже почти зажила, но когда-то — с полчаса назад — была глубокой и серьезной. Ее края постепенно стягивались, заполняя тканью уродливый канал с рваными краями.

— Вы поссорились? — спросил Лассе.

— Не твое собачье дело.

Перри отступил в замешательстве.

— Я чего-то не понимаю, — сказал он растерянно. — Почему он не освободится, он же может. И Беати — как она могла это сделать? Он же… втрое сильнее.

— Не сейчас. — Лассе подошел к Заку и приподнял его подбородок, заглядывая в глаза. Но на удивление Зак почти не сопротивлялся. Не потому, что не хотел, а потому, что… кажется, не мог. У меня создалось впечатление, что ему отчего-то становится все хуже и хуже. — А… Понятно. Все понятно. Джош, пойди-ка посмотри, открыта ли дверь в подвал. Здесь становится слишком жарко.

Только сейчас я заметил эту дверь, скрытую занавеской, такую же древнюю, как занавеска. Ей сам Бог велел вести в подвал.

Лассе разорвал цепь наручников, затем в ладонях легко разломал кольцо. Зак оперся о подоконник, чтобы выпрямиться, отталкивая его руки, и вдруг…

— Твоюмать! — выдохнув это одним словом, он шарахнулся об пол и скорчился в судороге, обхватив себя руками.

Я открыл дверь. Вниз уходила темная и крутая лестница, обещающая перелом позвоночника и одежку из гипса на долгие годы. Понятно, что им с Беати свет не нужен, да и гостей они туда водят нечасто. А выпускают — еще реже. Правда, при ближайшем рассмотрении лестница эта оказалась вдвое короче, чем

нафантазировалось, и снизу выглядела совсем не так зловеще.

Подвал представлял собой две комнаты, одна огромная, как спортзал, и захламленная, как старая библиотека. Вторая — чуть дальше, красивая, небольшая и холодная. Лассе вздохнул, потом без видимых усилий поднял Зака за талию, отнес в маленькую комнату и швырнул там, небрежно, как сломанную куклу. Зак неуклюже попытался подняться, опираясь на руки, но новый приступ выжал из его легких вопль-выдох, похожий на слегка озвученное голосом шипение. Он яростно укусил себя за руку, чтобы прочно забить тканью все последующие звуки.

Пользуясь случаем, я осмотрелся. Если мебель и была, то где-то пряталась и появлялась, когда нужно. Черный мраморный пол со странными змеистыми вкраплениями красного и белого мерцал красиво и впечатляюще, будто переливался, натекал сам на себя этими узорами. Одна стенка — сплошь черные зеркала, вернее, мозаика из них. На потолке — точечный свет, создающий такой эффект, будто твое лицо разбивается на острые осколки разной величины и формы и разлетается в разных направлениях — жутковато. Но я бы сказал, что это комната Зака, даже если бы не знал.

Лассе вышел, и я за ним.

— Что происходит? — наконец решился я спросить. — Ему как-то совсем плохо…

— Смерть легкой не бывает, — ответил Лассе, рассматривая огромную пирамиду старых книг. Заинтересовавшись, он ловко выдернул одну из середины, не потревожив сооружение.

— Смерть? — Слово больно царапнуло меня где-то в районе солнечного сплетения и растеклось, как горячий яд, как страх. — Совсем смерть? Как это?

— Если бы Зак был все еще человеком, он бы сейчас умирал естественной смертью, — равнодушно пояснил Лассе, листая пыльную книгу. — Просто пришло его время. Все через это проходят — такая себе физиологическая особенность. Вроде совершеннолетия.

— То есть… и вы?

Он не ответил.

Я хотел спросить, не дать ли Заку чего-нибудь, обезболивающего, например, но передумал. Во-первых, достаточно вопросов. Во-вторых, я знал, что он ответит. Вместо этого я покосился на дверь и после секундного колебания вернулся.

Зак валялся у стены, закатив глаза и тонко всхлипывая. Кажется, он меня даже не заметил, или же ему было не до меня — второе вернее. Потом его тряхнуло, да так, что когда он перевернулся на бок и уткнулся лицом в пол, волосы на затылке слиплись от крови. Не знаю, но это как-то подействовало на меня, — терпко ныло в районе солнечного сплетения, как после слова «смерть», и еще по-другому, пока не понятно.

Я стянул с себя пайту, сложил его и осторожно положил Заку под голову. Прикосновение заставило его открыть один глаз — зеленый, помутневший от мучительной боли; половина лица была завешена волосами. Царапина уже превратилась в бледную, едва видимую полоску.

— Чего… приперся?… — Слова вырывались как пар, такие же жаркие и с таким же злобным напряжением. — Уебывай… отсюда на…

Куда, он не успел сказать — новый приступ судорог встряхнул все его тело и заставил его закусить губы до крови. А я не мог отвести от него глаз и пытался понять, какого хрена сижу здесь и не «уебываю на…».

Наконец немного попустило, и Зак приподнялся, оперся спиной о стену. Под глазами стало черно, будто тушь потекла, а на фоне белой до синевы кожи это смотрелось просто страшно. Он выглядел как труп. Волосы все еще висели на лице, будто у него не было сил их убрать.

— Подойди, — проговорил Зак тихим полусорванным голосом. — Не бойся.

Я подполз поближе, еще ближе… Чем я думал? Когда я наклонился достаточно близко, он вдруг дернул меня за веревочку, на которой висел анк. Она не порвалась, а я от неожиданности повалился прямо на него, уткнувшись лицом в его грудь. Железная собачка от расстегнутого замка-молнии его куртки вжалась мне в губы — у нее был холодный металлический привкус.

Я даже испугаться не успел. Поднял голову и встретился с его разноцветными глазами совсем близко.

— Сигарета есть? — спросил Зак хрипло.

Тогда я очнулся и быстро отполз назад — впрочем, недалеко. Чуть прикрыв глаза, Зак мрачно улыбался своей непрекращающейся внутренней казни.

— Ну прости, ладно? Я нечаянно. Не хотел тебя испугать.

— Я не испугался, — пробормотал я еле слышно. Черта с два нечаянно.

В кармане у меня завалялась пачка с последними двумя сигаретами. Я достал ее и еле-еле выудил зажигалку. Руки были как деревянные.

Зак показал мне жестом, мол, раскури. Я раскурил сигарету и протянул ему. Его пальцы дрожали так сильно, что пришлось сунуть сигарету прямо в рот, на всякий случай держа ее подальше от края. Даже в таком положении у него, оказывается, хватало сил прикалываться.

Волосы все еще завешивали его лицо, и я без просьбы аккуратно их убрал, чувствуя пальцами липкий холодный пот на лбу.

Зак затянулся, закрыв глаза, и выпустил через нос тонкую дрожащую струйку дыма. Ему было все еще больно, неизвестно откуда, но я это знал. Но хотя бы сейчас он уже мог себя контролировать.

— Ерунда, — прошептал он. — Мне и больше доставалось, не сравнить. Когда-то меня прокляли — вот это было действительно хреново.

Мы сидели рядом и курили минут пять, медленно. Потом Зак вдавил в пол окурок и сказал:

— Ты хороший человек, Джош. Ты это знаешь?

Я ничего не ответил. В сравнении с кем? Я совершал дурные поступки, и немало, но уж конечно в сравнении с Заком мог казаться святым.

Но я поверил ему. Он, похоже, и вправду так думал. Умирая, не лгут.

— Хороших людей много, — ответил я наконец. — Большинство людей — хорошие.

Закова ухмылка была ядовитой и грустной одновременно.

— Люди до хренища странные, — сказал он, и его голос уже возвращался в норму. — По ним никогда ничего не определишь. — Зак повернулся ко мне, все еще упираясь головой в холодную стену. — Я был знаком с одной девчонкой-школьницей. Блондинкой. Она считала, что любовник-вампир — это нереально круто, а мне нравилось обхаживать ее и делать для нее всякие глупости. Не знаю, от чего она получала большее удовольствие — от секса или от этих глупостей. Так вот, в числе

их было ее пожелание убить всех блондинок в старших классах. Она хотела быть *единственной*. Представь — она попросила меня убить их всех! Ну всех не пришлось — остатки просто с перепугу перекрасили волосы, а она высоко задирала нос, мол, ничего я не боюсь, и вовсю сияла своими локонами.

От этой истории у меня под кожей мурашки забегали.

— И что?

— Да ничего. В конце концов, ее тоже убили, но не я, а подражатель. Забавно, правда? Бог не фраер… Ей было всего пятнадцать лет, и я даже любил ее немножко сначала, но потом перестал. Скорее всего, я сам убил бы ее…

Мораль истории была мне понятна — своей бессмысленной жестокостью эта девочка-блондинка вызвала отвращение даже у Зака, и все потому, что она была обычным человеком. Люди не должны так вести себя, так поступать со своими. Я был согласен. Но втихомолку подумал еще и о том, что подобное тянется к подобному, и не мудрено, что Зак встречал так мало хороших людей.

Он оттянул пальцем край джинсов, показывая тату полностью. Фигурка кошки была точеная и очень красивая, она казалась вызывающе черной на мраморной коже.

— Думаешь, это в честь того, что я люблю кошек?

Я вздрогнул и отвел взгляд — наконец.

— Думаю… вряд ли в честь Беати.

— Это на память об одном человеке по имени Кэт… Хорошем человеке. Как ты. Видишь, иногда я умею быть благодарным… — Зак прикоснулся к ссадине на затылке и поморщился. — Черт… Помоги мне встать.

Я протянул руку, и он поднялся, но так легко, будто слевитировал. Он был в порядке, и моя помощь не была ему нужна. Но я не успел додумать эту мысль, потому что Зак опять дернул меня к себе. Я просто поверить не мог, что купился второй раз. Почувствовал только, как налетаю на него, и шорох ткани спортивной куртки по моей голой коже. Рефлексы работали, я мог отстраниться в любой момент, но эта мысль как-то умерла на обратном пути от мозга. И совсем не так мучительно, как умирал Зак.

Он обнял меня обеими руками и положил подбородок на мое плечо.

— Я умею быть благодарным, Джошуа, — сказал он мне

прямо в ухо. — *Вот увидишь.*

Губы его соскользнули, прижались к шее чуть ниже — и мое сердце вдруг остановилось. И дыхание. Не было ни страха смерти, ни боли, ни даже желания вдохнуть. Было странное оцепенение, будто одновременно я стал легким и очень тяжелым — мог воспарить, но не мог пошевелиться.

Но это был лишь поцелуй, не больше — хоть и не меньше… Потом Зак резко отбросил меня, вышел из комнаты — и сердце пошло.

Вот тут пришла и боль в легких, и страх, и невозможность надышаться. Отголосок недавнего сна, пропитанного какой-то непонятной мне безысходностью, вдруг надавил всей силой, едва не выплеснув слезы на глаза. Я наклонился за своей пайтой, и у меня закружилась голова, так резко, что пришлось опереться рукой о стену.

— Джош? — услышал я голос Перри будто издалека.

— Я в норме!

Я в норме?..

* * *

КИРА

This game has No Name

От Мелиссы я узнала, что мальчики поехали к Беати, и это повергло меня в транс. Они точно не могли знать то, до чего я сама додумалась час назад. Вывод один — то ли у них самостоятельная версия, то ли… они узнали все из другого источника. Я не так уж испугалась — не маленькие, да и Лассе с ними… хотя насчет последнего плюса у меня были большущие сомнения.

Думая об этом, я обнаружила, что уже мчусь по указанному адресу.

Я, кажется, даже не постучалась. Просто влетела в дом и остановилась в пустой комнате, соображая, что делать дальше.

— Ну наконец-то, — раздался голос за моей спиной. — Завидная пунктуальность.

Я медленно обернулась. Позади стояла Беати, помахивая сломанными наручниками. Не накрашенная она была страшнее атомной войны.

— Хоть какие-то позитивные эмоции, — почти зевнула она, — а то сплошные разочарования. Давай-ка топай к своим друзьям. Там как раз все в сборе.

Она неспешно двинулась на меня. Убегать было некуда, да я и не собиралась. Взрослый сфинкс завяжет на узел даже Майка Тайсона. Мне важно было знать, в порядке ли все, а это можно было выяснить только одним способом.

— Спокойно, Беати, — сказала я почти дружелюбно, — скажи куда идти, и я пойду.

— Вот и умница. — Кажется, она была разочарована моей сговорчивостью. Неужели ей так хотелось оторвать мне руку? — В подвал.

Я пошла по ступенькам, не оглядываясь, и не оглянулась, даже когда она демонстративно громко хлопнула дверью за моей спиной.

Все действительно были в сборе. Перри прохаживался по большой комнате, забитой всяким хламом и освещаемой двумя довольно мощными лампочками на голых проводках. Лассе, как всегда в безупречном светло-сером костюме, листал какую-то книжку, он кивнул мне. У стены стояла длинная скамейка,

похожая на стадионную. Джош и Зак сидели на ней почти рядом, они подняли руку в знак приветствия, синхронно, как близнецы.

— Кира, ты не представляешь, — Перри шагнул ко мне безо всяких приветов, и я обняла его — так приятно было их всех видеть сейчас. Ну может, не всех — через один. — Оказывается, это была Беати.

— Я знаю.

— Знаешь? Что Беати напала на Эву?

— Это правда? — Вот и сложились два последних кусочка. Я села в какое-то старое раздолбанное кресло и вытянула ноги — у меня от напряжения подрагивали колени. — Что произошло?

Он вкратце рассказал мне ситуацию с Адамом.

— Тогда все сходится.

— Что именно?

— Беати плохо себя чувствовала в прошлом году, помните? Сфинксы не болеют. Как раз в это время я встретила Рэйни, за полчаса до того, как те уродцы напали на нашу клинику. А он говорит, что влияет на участников отбора. Это раз.

Лассе отвлекся наконец от своей книги.

— Так вот, значит, на кого они охотились…

— А что они?

— Они — тоже Орден, если ты не знала. Если Беати ощущала на себе влияние Ордена, если они охотились за ней, значит, она принимала участие в отборе, — сказал он. — Это реально?

— Реальнее, чем я могла себе представить вчера. Беати — дочь Утора. Это два.

— Вот и ее связь с Фокси… Она что, убила Фокси в ту ночь и заняла ее место?

— Не вижу препятствий. К тому же Рэйни сказал, что последнего участника отбора что-то или кто-то защищает, скрывает от них. Мать Беати занималась каким-то колдовством. Не знаю, насколько удачно, но до прошлого года Ордену не удавалось подобраться к ней.

Я знала, что Перри скептически относится ко всяким проявлениям магии, но сейчас он ничем этого не выдал. Перри привык верить глазам, а они уже достаточно навидались за последние несколько дней.

— Пока не прибыла сама Non Nomen, — сказал Лассе. — И не разозлилась.

— Ты что-то про них знаешь? — спросила я.

— Кое-что. Как я уже говорил, Без Имени — существа неприятные и небезопасные. Если вам когда-нибудь приходилось

слышать про тварей похуже вампиров и лунатиков, то среди них Ордену — почетное место. Я бы не рискнул заводиться с кем-то из них.

— Тогда что ты тут делаешь?

— Во-первых, уже рассвело. А во-вторых — хочу на нее взглянуть. Я уже давно не встречал Без Имени, но то, что я слышал об этой, довольно интересно.

— Интересно?

— Я бы сказал, немного странно.

— А знаете, что действительно странно? Эта мерзавка Беати ведет себя совсем не как загнанная добыча, — подал голос Зак. Он опирался спиной о стену, закинув ноги на скамейку, почти доставая до Джоша. На его черной футболке небрежными белыми мазками была изображена бутылка с черепом и надпись «Drink me». — И не скажешь, что ей угрожает смерть. Наоборот. Такое впечатление, что ее избрали президентом мира.

— И заперла она нас с какой-то целью, — добавил Перри.

— Думаю, мы скоро об этом узнаем. — Я обвела взглядом наше пристанище. — Кажется, наши собрания в этом составе взаперти становятся традицией.

Зак откинулся назад и сделал вид, что засыпает.

— Традиция не фонтан… Надеюсь, мы переживем это с меньшими потерями, чем в прошлом году.

Я едва подавила порыв посмотреть на Лассе. Мы все упорно делали вид, что ничего не было, но и он поддерживал нашу игру. Пока.

Перри присел на край моего кресла, и на время мы замолчали. Я знала, что нам нужно от Беати, знала, что Без Имени нужно от Беати, но не представляла, чего Беати надо от нас. Единственный, кто мог бы все прояснить, это Рэйни. А его не было.

Лассе подошел к нам. Он выглядел спокойным, хотя это могло ничего не значить. Тут же я поняла, что еще неизвестно — какое ему до этого всего дело.

— Я бы на вашем месте позвал вашего мальчика сюда, — сказал он вполголоса.

Сразу я даже не поняла, о чем он.

— То есть?

— Ну… например, если бы мой друг торчал вот уже час рядом с Заком, как приклеенный, я бы, знаешь ли, начинал переживать. Зак — это совсем не то общество, которое я желал бы

для своего друга.

Мы с Перри посмотрели на Джоша, и только сейчас до меня дошло, что он не подходит и не подает голос с тех пор, как я пришла. Он сидел на скамейке вроде бы далеко от Зака, и в то же время очень уж рядом с ним.

— Джош! — позвала я.

— Что?

— Иди сюда.

Нехотя он поднялся и подошел.

— Это что у тебя на пайте, кровь?

— Она не моя, она… Ну что ты хотела?

— Что значит, что я хотела? Будь тут, с нами.

Но Джош отступил на шаг, и в его глазах мелькнуло что-то странное, незнакомое.

— А в чем дело?

— Ни в чем. Просто будь тут.

Мне не показалось, что это прозвучало слишком резко, но, кажется, так оно и было. Джош отступил еще на шаг.

— И с какой такой стати ты указываешь мне, что делать? — произнес он с неожиданной злостью.

Ничего себе. Такой тон я слышала от него только однажды — когда я пришла будить его после вечеринки и спросила, что за крокодилица в ванной обнимается с унитазом. Он посмотрел на меня так, будто я вылила помои на свадебное платье, и сказал: «Не говори так. Я, может быть, ее люблю». К счастью, фея, отблевавшись, исчезла в небытие, а Джош, проспавшись, о любви больше не заикался.

— Джош, ты что? — спросил Перри, но он словно не слышал. Его просто прорвало, как старую канализацию. Очень удачное сравнение.

— Знаешь, Кира, у меня иногда такое чувство, что моя мама продала меня тебе в рабство. Мне двадцать три года, я работал наравне с вами и видел столько же крови и монстров, а теперь оказывается, что я даже не могу сам выбрать место, где сидеть! Я что, по-вашему, умственно отсталый?

Я не могла произнести ни слова, а Джош выплескивал их из себя, как кипяток.

Зак сидел с закрытыми глазами, будто ему это было совсем не интересно.

— Послушай, я не хотела…

— Конечно, не хотела! Это же просто невинная привычка. Автоматизм. Малыш ничего не смыслит в жизни. Малыш слишком ТУПОЙ, чтобы принимать простейшие решения! Без няньки он даже подтереться не в состоянии! Так вот запомни — ты мне не мать и не сестра, а сейчас даже не босс.

— Джош, при чем тут это? Мы семья.

— Да? Семья? Что же это за семья! Вы ничего мне не рассказываете! У тебя, Кира, проблемы, у него, — он ткнул пальцем в Перри, — проблемы, но от кого я об это узнаю? От него!!

Он указал на Зака, все еще само воплощение равнодушия, но уже открывшего навстречу происходящему один глаз.

— Так что позволь сообщить тебе, Кира, — у тебя никуда не годное представление о семье!

— Думаю, ты не должен так с ней говорить, — начал Перри, но Джош посмотрел ему прямо в глаза и отчеканил:

— *А кого колышет, что ты думаешь?*

Сначала мне показалось, что Перри его стукнет. Но он не мог, просто потому, что был потрясен.

Теперь Зак наблюдал за нами с веселым интересом, прижимая пальцы к губам.

— Джош, вернись! — сказала я, изначально зная, что зря. Он ушел назад на скамейку, в его глазах плескалась горькая обида. Зак демонстративно подвинулся, давая ему место рядом. Потом потянулся к нему, положил руку на плечо и что-то сказал еле слышно на ухо. Губы Джоша вдруг разъехались в улыбке, и они разом посмотрели на меня так одинаково, что мне стало нехорошо. Такое давящее чувство чуть выше желудка, от которого тяжело дышать. Ненавижу.

Джош прислонился головой к плечу Зака, и тот сказал ему еще что-то. Он ответил, и так они изредка переговаривались, бросая на меня взгляды; но я не услышала ни слова, как ни старалась. Я даже представить не могла, о чем они могли говорить.

— И чего мы добились? — сказал Перри. Он обнял меня за талию. — У него затянулся переходный возраст, он еще не вырос из периода, когда болезненно реагируют на любые запреты, а особенно касательно друзей.

— Зак ему не друзья! — почти взвизгнула я. — Зак никому не друзья! И Джош, черт возьми, действительно еще мал, если не понимает этого!

У меня слезы выступили от такой вопиющей несправедливости. Его мать эмигрировала из Камбоджи в четырнадцать лет и вскоре стала примой большого гонконгского стриптиз-клуба. Ванилла Вегас — кто не знал этого имени? Не видел Ваниллу — не видел Гонконга! Во время одной дипломатической поездки мой отец встрял в очень некрасивую историю, которая могла стоить ему работы, и Ванилла ему очень помогла. Излишне говорить, что это могло стоить ей жизни, и после этого она не могла оставаться в стране. Тогда мои родители разбились в лепешку, но перевезли ее в Штаты. Моя мама Мелани — южанка из Саванны, сама утонченность и хорошее воспитание, будто сошедшая со страниц «Унесенных ветром» — почему-то искренне обожала Вилли и всячески ей помогала, приводя общество в тихий ужас. А Вилли обожала меня. Потом неведомо откуда появился Джош, Ванилла милостиво оставила ему свою родную фамилию Лот, открыла собственное дело, может, не особо респектабельное, но по-другому она не умела.

Когда она приезжала к нам в гости, для нас обоих это всегда был праздник — у нее-то сын, с которым сильно не развернуться. Вилли привозила баул косметики, всяких блестящих одежек, макияжила по-взрослому, стригла меня так же дико и виртуозно, как Эдвард Руки-ножницы; в доме еще долго после этого пахло лаком для волос и сладкими Виллиными духами. Джош жутко ревновал меня к ней и даже исподтишка больно щипался, но я никогда не жаловалась. У него уже тогда был характер. И конечно, когда Вилли позвонила и попросила взять Джоша на работу, у меня и в мыслях не было отказать ей. Но она попросила не только об этом. «Присматривай за ним, Кьяра, золотко, — сказала Вилли. — Он весь в меня, но иногда совсем, совсем другой. А я так плохо знала его отца…». И я не просто присматривала. Я любила его, забывая, что между нами всего-то пять лет разницы. Я была ответственна за него, как за своего ребенка.

И теперь Джош сидит чуть ли не в обнимку с ублюдком, который его прожует и выплюнет на раз, а я, выходит, — плохая!

Я сбросила руку Перри и сделала несколько шагов в скамейке.

— Послушай, — сказала я примирительно, но дрожь в голосе скрыть было тяжело. — Мы все на нервах. Прости, если я чем-то тебя обидела. Просто я не хочу, чтобы ты сделал глупость,

пытаясь что-то нам доказать.

Он едва повернулся ко мне, не поднимая головы.

— С чего ты взяла? Я не собираюсь ничего вам доказывать. Просто я хочу свое право самому выбирать, где быть и с кем. А оно у меня есть, что бы вы по этому поводу ни думали.

Зак лениво улыбался мне, перебирая в пальцах выбившуюся из хитросплетения Джошеву косичку. Банальная фраза, но все равно скажу — если бы взгляд убивал, от Зака не осталось бы даже оплавившейся пряжки от ремня.

Я вернулась к Перри, он уступил мне кресло.

— Он злится, — сказал Лассе, — оставьте его пока. Просто это действительно может плохо кончиться.

Будто бы это не очевидно. Если бы только над нами не висела проблема куда серьезнее затянувшегося переходного возраста!

Проблема вошла через дверь триадой. Впереди — Беати, чуть позади — Рэйни. Он выплыл из темноты чуть позднее своих горящих глаз. На свету, однако, они потеряли свой огонь — я этот фокус уже видела.

Взгляд Рэйни был наградой для меня. Еще чуть-чуть — и я поверю, что он не ожидал меня здесь увидеть. А может, и нас всех. Если заманить нас сюда входило в план, то почему, скажите на милость, у него такое лицо?

Возможно, это был не его план.

Даже скорее всего.

Рэйни оглянулся, словно искал ответов за спиной. Два сигаретных огонька парили над ступеньками позади него, пока наконец не вышли на свет во плоти. И в какой плоти! Если бы здесь был Адам Уоррен, он узнал бы ее.

Мы все смотрели на Без Имени, а она смотрела на нас.

Честно говоря, я не знаю, чего ожидала увидеть, но никак не заурядную модель. Ну не совсем заурядную. Она была красивая. По-настоящему красивая, что среди людей случается крайне редко, а может, и никогда. Почему? Потому что в ее красоте было нечто… ну, синтетическое. Ее долго делали в три-д, потратив время на многочисленные математические расчеты совершенства, вычислив длину ног, величину и форму носа, глаз, губ, вообще симметрию лица, линию плеч и шеи. Ее волосы, черные до синевы, блестели, как в рекламе краски, и струились, как в рекламе шампуня. Ее глаза, когда перестали быть красными, стали бирюзовыми, как в рекламе контактных линз. Роскошные

ресницы казались приклеенными, хотя наверняка были настоящими. Косметика — была, но она смело могла бы без нее обойтись. Бьюсь об заклад, что под вишневой помадой губы достаточно яркие сами по себе. То есть идеальные. Как и разлет бровей, и матовая кожа… не могу удержаться — как в рекламе пудры…

Тут она улыбнулась, и модельный блеск несколько померк — ожидаешь увидеть полный рот голливудского фарфора, а видишь очаровательный капкан. Рэйни его шестеренки как-то странно шли, а вот ее — портили. Над этим явно нужно было еще поработать.

Non Nomen остановилась на предпоследней ступеньке, сбросив темно-синий блестящий плащ на Рэйни и грациозно опираясь на его плечо. А я рассматривала ее, будто листала тупой глянцевый журнал. Платье в тон помаде (или наоборот) сидело на ней как шкура на змее и так же обтягивало. Такой груди не нужен бюстгальтер, бедрам — антицеллюлитный гель, а коже — крем с коллагеном. Я уверена, что и волосы на ногах у нее не растут.

— Ну-и-лажа! — сказал вдруг Джош.

Без Имени медленно обратила на него внимание.

— Что?

— Перевожу — он разочарован, — сказал Зак.

— Пришли на Мэрилина Мэнсона, а попали на «Фабрику красоты».

Зак засмеялся, даже Перри хмыкнул у меня за спиной. Что мы только себе думаем?

— Тебе смешно, Кира? — спросила вдруг Без Имени, и я поняла, что тоже улыбаюсь. Голос у нее был подстать фигуре. Если бы я подбирала ей голос, то выбрала именно такой — как у ночного ди-джея на радио.

— Нет. Я восхищена.

Мне почему-то показалось, что с ходу мы не попали в списки ее любимцев.

Беати стояла рядом с ней и в точности копировала ее выражение лица. При весьма скромной красоте это выглядело забавно — если бы только мне не хотелось вбить ей в глотку все зубы.

— Что ты сделала с Фокси? — спросила я.

Беати зевнула во всю пасть, не потрудившись прикрыть рот.

— Я ее съела. Было очень вкусно.

— И чем она тебе не угодила?

Она взглянула на меня как на полную идиотку, и я все поняла. Ну надо же, как все банально! Ванилла в свое время пристрастила мою мать к дамским детективам, которые в период полового созревания я тайком почитывала сама. И что меня поражало раз за разом, это неизменная деталь, упорно кочующая из сюжета в сюжет.

— Можешь не отвечать. Джош, знаешь, почему твоя мама в конце концов разочаровалась в женской беллетристике? — Я обращалась к нему, но смотрела на Беати. — Она однообразна. Часто в центре заварушки оказывается какая-нибудь обиженная судьбой девочка с кучей комплексов, которую никто не зовет на свидания из-за прыщей или мерзкого характера, или того и другого. Потом девочка вырастает, а психопатия остается. Она таскается по клубам, жрет кислоту, трахается с вампирами и понять не может, почему ее жизнь такое говно.

— Заткнись, — бросила Беати. Теперь она не казалась рядом с Без Имени и Рэйни — они как бы отодвинулись от нее и смотрели со стороны, как и мы. Мне ее даже стало немного жаль.

Нет, вру. Ни хрена не стало.

— Ты думала, что хоть что-то заберешь у Фокси? Ты совсем не знала Фокси, дурочка. Да она отдала бы тебе все! Все свои наряды, всех своих парней, все свои деньги! Она поделилась с тобой своей тайной, а ты… убила ее.

— Но она не предложила мне, — прошипела Беати. — Она взяла тебя на отбор в Клуб, тебя и твоего приятеля, а мне даже *не предложила*!

Я вздохнула.

— Ты и правда набитая дура, Беати. Если бы ты подала такую идею, она даже не задумалась бы. Даже обрадовалась бы, хоть и знала тебя два дня! Мне оно нужно было как собаке пятая нога, да и Рэйни тоже. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты во всем ищешь злой умысел. А нужно-то было — всего лишь предложить первой…

Кажется, я окончательно выбила ее из равновесия — ситуация уже не доставляла ей удовольствия. Вот и чудно. Не станет в следующий раз нападать на детей.

— Что ты понимаешь?! Все всегда доставалось этой стерве, им обеим, и только потому, что они — нормальные! А меня отец знать не хотел! Кому нужна дочь-лунатик?!

Нормальные? Похоже, она про Имоджен была не в курсе. Но сейчас не время это обсуждать.

— Это неправда. Я говорила с твоим отцом. Он любит тебя и не расстается с твоей фотографией. А за все можешь сказать спасибо своей полоумной мамаше. — Это было жестоко, но я не могла остановиться. Джош и Зак меня достаточно завели. — За то, что прятала тебя и забрала у тебя все, включая фамилию. За то, что отняла вас с отцом друг у друга. Кстати, ее ты тоже съела? — кровищи было выше плинтусов.

Беати разом позеленела. Non Nomen наблюдала за ней с усмешкой. Рэйни смотрел на меня без эмоций, это, кажется, давалось ему все труднее.

— *Что?..*

— Ты ее не… ты не знала?

Черт. Она не знала, что ее мать мертва. На минуту я почувствовала себя сволочью.

Беати беспомощно оглянулась на Без Имени. Та только повела плечами.

— Она мне мешала своими… сияниями. Это ее магия… нужно было тебе предупредить ее, чтобы прекратила. Я-то тебя все равно нашла, но от всего этого вуду у меня кожа шелушилась. Знаешь, как раздражает?

Беати как-то сразу стала меньше ростом. Она смотрела на Без Имени со смесью страха и ярости, где страха было побольше.

Я все еще разглядывала эту мисс Солнечная Система и Прилегающие Галактики. И никак не могла понять ее. Она принесла с собой некую тревогу на ментальном уровне, но ничего более. Она меня не пугала, хотя должна была; она мне не нравилась (хотя и не должна была) — я просто ничего не чувствовала относительно нее. Просто оживший разворот «Плейбоя», девушка ноября. У таких девушек мозги обратно пропорциональны объему груди, а в ее случае — так их должно совсем не быть.

Краем глаза я наблюдала за другими — за Джошем, Заком, Перри, и замечала — они вдруг притихли и стараются не отсвечивать. Они все нервничают, причем серьезно. Только я и Лассе остались за пределами ее влияния (если уже признать, что оно есть). Но почему я? Если Non Nomen настолько жуткие твари, как сказал Лассе, то мое спокойствие по меньшей мере странно. Она ведь пришла не просто так, и Беати не просто так устроила ей аудиторию именно в таком составе. Уверена, если бы я не поехала к Аттиле Утору, а Перри не нашел бы записку, мы все равно собрались бы здесь. Рано или поздно.

— Ты ей сохранила жизнь, зачем? — спросила я у Без Имени, заранее зная, что ответ мне не понравится. Чтоб ее, мою интуицию…

Она томно приподняла бровки. Черт, ну как ее воспринимать серьезно?

— Даже никаких догадок? Ну же, Кира. Ты же умница. Нет? Ладно, не буду изощряться. Она привела меня к вам.

— Это я знаю. — Мой голос звучал почти снисходительно. — Но зачем?

— Я пришла уничтожить вас всех.

Я непонимающе уставилась на Рэйни. А он — на нее.

— Не поняла.

Впервые я услышала размеренный голос Лассе из глубины комнаты.

— Кира, милая, что тебе не понятно? Эта леди, — он произнес «леди» как «сука», — пришла убить всех нас.

И тут мне почему-то стало по-настоящему смешно.

— Всего-то? *Убить*? Боже, а я думала, что-то серьезное.

— Кира, — сказал Рэйни предостерегающе, — не надо.

Знаю, что не надо, а остановиться не могу.

— И за что же, интересно? Настроение плохое? Ноготь сломала?

Без Имени взирала на меня с безмятежным спокойствием абсолютно безмозглого существа. Но я подозревала, что это впечатление обманчиво.

— Ты даже не помнишь, что вы сделали?

— Представь, нет. И что же мы сделали *прошлым летом*?

Джош нервно хихикнул и тут же замолчал. Кажется, только они с Заком меня поняли. И еще Рэйни. Мне показалось, что он улыбнулся.

Без Имени спустилась на шаг со ступенек.

— Вы совершили убийство.

— Да? Кого же мы убили? Твоего дантиста? Надо сказать, есть за что.

— Вы убили троих членов моего Клуба. Думаете, это сойдет вам с рук?

Кажется, я начинала понимать. Это просто месть, месть за вонючих гаденышей, которые в прошлом году чуть не размазали нас по коридору!

— Но они же сами на нас напали. Никто их не трогал. Он

прыгнул на мою машину! Тебе известно, что такое самозащита?

— Все справедливо. Можете считать это смертной казнью.

Ее голос звучал томно и размеренно. «Д-ра-агой, мне нра-авицца во-он то к-лечко…» Я поняла, что она меня не слушает. Это было похуже банальной психопатии. То ли она действительно так далека от простых смертных, то ли искусно играла и ловила кайф от своего спектакля.

— И что ты с нами сделаешь? Затрахаешь до смерти? — спросил Зак.

Она даже не повернулась к нему. Но что-то начало происходить. Перри держал руки на моих плечах и вдруг вздрогнул и убрал их. Я оглянулась. Он смотрел на свою обожженную ладонь и моргал так медленно, будто начал слепнуть.

— Перри?..

Он меня не услышал. Я посмотрела на Джоша — он откинулся назад, побледневший, губы дрожали. Зак напряженно во что-то вслушивался, потом просто закрыл уши ладонями и уткнулся лбом в колени. Лассе я не видела.

— Что происходит? — спросила я.

Без Имени нахмурилась — что-то, видимо, шло не так. Потом резко повернулась к Рэйни.

— Перестань *это делать*!

— Нам нужно поговорить, — сказал он. — Ты не имеешь права.

Она капризно скривила губы.

— Не смей говорить мне о моих правах!

— Ты обещала.

— Ладно, но сейчас перестань *это делать*. Не надо ссориться со мной, Рэйни. Я пока что прошу. Перестань. На пять минут.

Внезапно до меня дошло — он защищал меня от нее! Как защищал все эти десять лет. Не только на Беати они тогда в клинике охотились, еще и на меня! Его так расстроила тогда наша встреча, что он ослабил защиту — намеренно или нет, неизвестно.

И в этот момент я очнулась.

* * *

Я, кажется, даже не постучалась. Просто влетела в дом и остановилась в пустой комнате, соображая, что делать дальше.

— Ну наконец-то, — раздался голос за моей спиной. — Завидная пунктуальность.

Обернувшись, я увидела Без Имени. Она ухмылялась мне своей драконьей челюстью. Ее руки были в крови по самые плечи.

— Посмотри, что ты натворила, — сказала она голосом Лиз.

У ее ног лежала Эва, растерзанная на части, с наполовину оторванной головой. Кровью был забрызган даже потолок.

Я почувствовала, что отъезжаю, и… очнулась.

* * *

Я, кажется, даже не постучалась. Просто влетела в дом и остановилась в пустой комнате, соображая, что делать дальше.

— Ну наконец-то, — раздался голос за моей спиной. — Завидная пунктуальность.

Передо мной лежал разложившийся труп. В глазницах плавали гнилые сгустки, руки были скрючены и впились в землю почерневшими ногтями. Кожа полопалась, освобождая грязно-розовые участки.

Я сделала шаг ослабевшими ногами, потом еще шаг.

Это был Джош.

Я прижала ладонь ко рту, подавляя рвоту, и тут кто-то сильно толкнул меня. Я погрузилась руками прямо в мягкую склизкую жижу.

— Посмотри, что ты натворила, — сказал Перри.

Я подавилась собственным криком и очнулась.

* * *

Я, кажется, даже не постучалась. Просто влетела в дом и остановилась в пустой комнате, соображая, что делать дальше.

— Ну наконец-то, — раздался голос за моей спиной. — Завидная пунктуальность.

Фокси выглядела великолепно, если бы не грубые нитки, сшивавшие все ее тело, как у невесты Франкенштейна. Ее губы были густо накрашены кровавой помадой и немного размазаны. Один глаз подрагивал в глазнице как студень. Шикарное свадебное платье было заляпано пятнами засохшей крови.

— Посмотри, что ты натворила, — сказала она шепотом и поползла ко мне по полу, оставляя за собой широкую багровую полосу. Язык выскользнул из ее рта как зеленая змея. Глаз выпал из глазницы и повис, подрагивая, на тонкой жилке.

Вот тут я заорала.

* * *

ТЕХПОМОЩЬ!!!
Д. Эймс

И очнулась.

— Впечатляет? — раздался издалека голос Без Имени.

Я вцепилась в чьи-то руки и только через несколько секунд поняла, что Перри удерживает меня чуть ли не на весу. Медленно я нащупала ногами пол и выпрямилась.

Рэйни смотрел на меня так, будто был прикован титановой цепью, и только она не позволяет ему броситься ко мне, держать меня, как держит Перри.

Титановая цепь взяла его под руку и манерно сказала:

— Это только начало. Согласна, страх — не новый метод, но он работает. Безупречно. Вся фишка в том, что он сам находит ваши слабые места, мне даже не нужно их знать. Я, конечно, могла бы просто поотрывать вам головы, но это не так интересно. И не эстетично — вы все такие симпатичные, один другого лучше. А красота — моя слабость, правда, Рэйни?

— Можно переговорить? — повторил он.

Она взглянула на него, махнув ресницами, как веерами.

— Хорошо, поговорим. Оставим вас на время. В этом доме есть бар?

— Наверху, золотая моя, — сказал Зак.

— Вот и чудно, я как раз хотела выпить. А вы отдохните перед долгой дорогой.

Без Имени повернулась спиной, и я увидела гигантский вырез до середины задницы. Ну, честно говоря, я была бы в диком изумлении, не будь его там.

— Если кто тронется с места, — предупредила она нежным голосом, — у него что-нибудь отвалится. Не искушайте меня. А ты… ты останься.

Беати замерла, не веря ушам.

— Как?..

— Так. Я обещала не убивать тебя, но не обещала защищать, правда ведь?

И она хлопнула дверью перед самым ее носом.

Еще некоторое время Беати стояла спиной к нам, будто не решалась обернуться. Ее было едва видно. Потом она сделала нерешительный поворот и уперлась спиной о дверь в темноте.

— Ки, что с тобой? — спросил Перри. Он сильно побледнел, как и я, наверное.

— Хреново дело, — только и смогла я сказать и ткнулась в его грудь, так и не сообразив, орала я наяву или в видении. Судя по лицу Перри, все-таки наяву. Без Имени продемонстрировала мне часть своих возможностей, как до этого всем. Да, зря мы про «Фабрику красоты» — чувствую, теперь нам придется туго. Не стоило ее дразнить.

— *Все… послушные… девочки… попадают… в рай…*

Голос Зака напоминал голос Без Имени — такой же томный и довольный.

Он поднялся с места и медленно побрел в направлении Беати. Она спрыгнула со ступенек, но Зак был проворнее, он отрезал ей путь вглубь комнаты и заставил выскочить на середину.

Мы отошли к стене, чтобы случайно не попасть под раздачу.

— Что ж ты не смеешься, — сказал он тихо, — что не веселишься? Ты ж так, твою мать, веселилась. Может, поиграем с наручниками? Сейчас, когда я снова в форме.

— Недолго, — бросила Беати и увернулась, упав на четвереньки. — Тебе не выйти отсюда живым.

— Возможно, детка, но я проживу дольше тебя.

Он махнул рукой, и на щеке Беати раскрылся второй рот, а на лбу — третий глаз. Она зажала рану рукой, но через секунду такая же появилась на плече. Кровь потекла по руке неслабым ручейком, она ее заливала до самых кончиков пальцев.

Беати пригнулась и зарычала. Я видела, как она дрожит, внутри, будто вздрагивают ее кости, шевелится кожа, стягиваясь и растягиваясь на костях. Она хотела превратиться, так у нее появился бы шанс. Но она не могла.

Все еще улыбаясь, Зак вцепился ей в плечо пальцами, запустив их в рану, и совсем не изящно приложил об стену. Беати взвизгнула и попыталась его ударить, в какой-то мере ей это удалось. Но он пригнулся, смягчив удар, и в свою очередь треснул ее головой об пол. Противно хрустнула черепная коробка. Лицо Беати залило кровью, оно стало похожим на маску палача со стекающими с нее густыми каплями и белыми безумными глазами.

— Зак… — выдохнула она со стоном. — Не надо.

— Может, споешь мне напоследок?

Он наступил ей на шею. Раздался хрип, Беати дернулась всем телом, схватилась руками за его ногу, но тут же отпустила. Ее глаза выкатывались из орбит, и я отвернулась.

Джош смотрел на это с ужасом. Я бы не назвала его очень уж впечатлительным, но у него было личное отношение к убийствам, он даже фильмы такие не смотрел. Только это и могло заставить его сейчас приблизиться к Заку.

Он осторожно дотронулся до его плеча:

— Прошу тебя, не…

Я даже не поняла, что сделал Зак, так это было быстро. Увидела только, как Джош отлетел к стене и грохнулся об нее. Он сполз вниз и остался там, морщась и трогая разбитую губу, из носа потекла кровавая дорожка. Машинально я сделал шаг к нему, но он так посмотрел, что у любого бы ноги отнялись.

— Не прикасайся ко мне первым. Ни-ког-да, — сказал Зак напряженно, не сводя глаз с Беати, которая билась под ним в конвульсиях.

Перри обнимал меня сзади, и я чувствовала, как дрожат его руки и дыхание. Машинально я гладила его по руке, успокаивая, и так успокаивалась сама. Я была почти благодарна Заку — теперь-то Джош к нему и близко не подойдет.

Зак придавил Беати коленом, потом освободил ее руку. На запястье рана плакала кровью.

— Эй, Лассе, — сказал он низким, задыхающимся голосом. — Угощайся, для одного это много.

Я обернулась, чтобы посмотреть на Лассе, и оно того стоило.

— Не захлебнись, грязнокровка, — произнес он негромко, — а еще звук — и я уложу тебя рядом с твоей… подругой.

Таким я его никогда не видела и не слышала, чтобы он так говорил. Он всегда был сдержанным, иногда неестественно. Зак дернулся, как от удара, издал негромкий вибрирующий звук, вроде рычания, и на мгновение мне показалось, что они с Лассе сейчас подерутся. Но Лассе не собирался тратить силы, а Зак — время.

Кровь Беати мгновенно сворачивалась, внешние раны закрывались. Она едва дышала раздавленным горлом. Зак сошел с нее, приподнял на руках, как носят героинь на обложках

дамских романов, и вдруг переломил об колено. Согнул под острым углом. Мне ни за что не описать этот звук и никогда его не забыть. Кровь хлынула изо рта Беати, густая и почти черная, — не думала, что ее может быть так много.

Зак бросил тело на пол, как мешок с мусором, поднял глаза и встретился со мной глазами. Мой взгляд был полон отвращения, мол, к чему это показательное выступление? Мало нам сейчас демонстраций жестокости? Мало крови на сегодня?

Это было зря. Он опустился на скамейку, вытирая руки о футболку, и одарил меня улыбкой победителя. Только я не сразу поняла, что она значит.

— Эй, Джошуа, — позвал он тихо. — Больно?..

Джош отрицательно покачал головой, вытирая кровь с подбородка. Он все еще сидел там, у стены, прижавшись к ней.

— Дай я посмотрю.

И как только я подумала что-то вроде «забудь об этом», Джош вдруг встал, неловко держась за стену, и подошел к нему. Встретил его руки. Почти упал на них. Может, и была заминка перед тем, как соприкоснулись их пальцы, — но она длилась секунду.

Я ахнула, оступилась, наткнулась на Перри, и он удержал меня в который раз. У меня слезы навернулись на глаза, второй раз за день, и оба раза — из-за Джоша. Как несправедливо.

Зак обнял его, уложил, чтобы кровь перестала течь, и по губам я читала, как он повторяет: все хорошо… все хорошо… Я видела, как Джош вцепился в его футболку обеими руками, будто тонул. Потом он немножко расслабился и просто держался. Зак наклонился, проводя пальцем по линии волос, еще сильнее пачкая лицо кровью. На секунду я подумала, что он хочет его укусить, и снова почти обрадовалась — это давало право вмешаться. Очень мне хотелось вмешаться.

Но планы у Зака были другие, чем бы это ни закончилось. Он лизнул его разбитую губу, нежно и бережно. Слизал кровь с кожи. Потом коснулся губами скулы, виска, лба — очень ласково, без агрессии и какого бы то ни было давления. Джош от этого чуть вздрагивал, но не отстранялся, а потом даже запрокинул голову навстречу.

Я не могла смотреть и не могла отвернуться. Они злили меня оба и в равной степени. Умом я понимала, что этот спектакль специально для меня, но какая-то часть внутри меня сильно боялась ошибиться.

Зрелище было еще то. Теперь, когда вся кровь была тщательно слизана, Джош просто полулежал на руках у Зака, спрятав лицо на его груди, а Зак прикрыл глаза и уткнулся в Джошев затылок, будто задремав или задумавшись. Так трогательно. Если бы я не имела о Заке представления, то почти поверила бы в его искренность.

— *Что ты творишь?* — спросила я. Это был вопрос к обоим — кто ответит. Они меня проигнорировали. Оба.

Я повернулась к Перри.

— Не обращай внимания, — сказал он. — Ты же понимаешь все не хуже меня.

Я-то понимала. Но насчет Джоша сильно сомневалась.

Ясно было также одно — они умудрились забыть и заставить забыть меня, что мы, собственно, приговорены к смерти.

* * *

ПЕРРИ

A bon chat bon rat

— Не обращай внимания, — сказал я. — Ты же понимаешь все не хуже меня.

Джош просто злился на нас с Кирой, а Заку такие игры по душе. Это факт, даже не факт — аксиома.

— Что нам делать? — спросил я у Лассе. Он слегка пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю.

— Нас много. Порвем ее на фашистский крест, — сказал Зак.

Лассе едва взглянул на него.

— Не выйдет. Если это Без Имени, то она сварит вкрутую мозги прямо у тебя в голове. Тем более что их двое.

— Рэйни не станет… — начала Кира и замолчала. Потому что, скорее всего, не была уверена.

— Нет? Ты их не знаешь. Она — его босс. Его наставник. Это важно. Он сделает все, что скажет Без Имени.

Джош шумно вздохнул, почти мяукнул, и потянулся в объятиях Зака. Тот собственническим движением закинул руку ему за шею.

— Так что, мы попали?..

— Не бойся, — сказал Зак, — увидим еще.

Чего я не понимал, так это спокойствия Лассе. Неужели он будет так же спокоен, когда Без Имени начнет его убивать?

— Что она за мерзость такая? — спросил я.

Он подошел к нам ближе.

— Честно говоря, я не знаю, когда был создан Орден. Они известны по этим названием чуть меньше трех тысяч лет, и скорее всего, раньше назывались по-другому. Но в чем я уверен, так это в том, что раньше у Ордена была другая функция, может, более благородная, может, более важная… Возможно, они охраняли храмы древних богов от вторжений… или что-то вроде этого. Защитники. Это звучит получше, чем наемники.

— Наемники?

— В средние века Орден уже вовсю сражался на стороне тех, кто больше заплатит. У них много полезных качеств. Послы, дипломаты, шпионы, телохранители, убийцы. Трое Non Nomen,

собравшись вместе, вполне способны устроить небольшой геноцид. Но Без Имени — это верхушка. Элита. Они дорого стоят, их услуги немногие могут себе позволить. Ну представьте сами. Шпионы, которые умеют читать мысли и становиться невидимыми, идеальны. Киллер, который видит на расстоянии нескольких миль, неуловим. Рядовые же члены Клуба мелькали во всех известных войнах и вообще проявлениях человеческой активности. Например, нацистская Германия, я их там видел немало. Им здорово шла черная форма… Вспомните все нераскрытые убийства и сомнительные самоубийства, террористические акты и странные эпидемии. Везде чувствуется присутствие Ордена. Я знаю по крайней мере одного президента одной великой державы, которого убили члены Клуба. Но когда-то давно у них был какой-никакой кодекс, а сейчас… навряд ли. Деньги. Скорее всего, они просто исчерпали свое наследие.

Кира покачала головой, будто разочарованно.

— Значит, просто наемники? А что такое «Без Имени»?

— Это и есть подтверждение того, как сильно все изменилось.

— *Что-то изменилось без нас?*

Мы даже не заметили, как вернулась наша леди Атомный Грибок.

Я просто бесился от собственной несостоятельности. Что это за мир, где мускулы — ненужный груз, а все решает сила, которой я даже названия не знаю! Правда, в свои за тридцать лет и при интеллигентной профессии я не пользовался ими с колледжа, если не считать некоторых инцидентов в клинике, но… Будь мы в привычной мне реальности, Без Имени оказалась бы просто смазливой девчонкой, которая не умеет запекать мозги в черепе, и все смотрелось бы проще. Не знаю, смог бы я поднять на нее руку или нет, но в нынешнем положении у меня даже не было шансов проверить.

Без Имени обвела взглядом поле боя. Она была довольная, будто птичку съела. Ну помаду свою она съела точно…

Рэйни таким довольным не выглядел. Он смотрел на Киру, так устало, глазами хакера, трое суток гулявшего по сети. Кира показывала нам старые фотографии, где они с Рэйни обнимались на фоне парковых фонтанов с чупа-чупсами во рту, и она была права. Даже при такой разительной внешней перемене он пока все еще был собой. Может, не в полной мере, но был. Наверное, десяти лет мало, чтобы стать такой дрянью, как его наставница.

— Да… вы времени зря не теряли. Мы с Рэйни тут обсудили

несколько вопросов, и я думаю, целесообразно внести изменения в мой план.

Целесообразно. У меня язык чесался сказать, как ей не идут сложные слова.

— Поэтому я сделаю с ходу несколько помилований. Ты, — она улыбнулась Лассе. — И ты.

Кира даже сразу не поняла, что Без Имени имеет в виду ее.

— Я?

— Ну, твой сентиментальный бойфренд… то есть сентиментальный экс-бойфренд все еще платит за тебя. Кстати, ты знаешь, что ему приходится делать?

— Не надо, — сказал Рэйни. Она подарила ему очаровательную улыбку газонокосилки.

— Ладно-ладно, молчу. Правда, Кира, в том, что ему придется делать *это* до самой твоей смерти. Однако не исключаю, что скоро ему это даже начнет нравиться. Если не нравится уже…

— А почему я? — спросил Лассе.

— Но ты же потерял своего… как его там?… короче, неважно. Тогда, в клинике. По мне, туда отродью и дорога, как и всем вам… но я хочу быть честной.

Меня передернуло, но выражение лица Лассе нисколько не изменилось. Он кивнул ей, будто поклонился.

— Ну вот, отлично. Остается трое. Ровно столько, сколько вы убили. Остальные могут быть свободны.

— Я никуда не пойду, — сказала Кира.

Рэйни протянул ей руку, но она не взяла ее.

— Кира, пожалуйста, — сказал он.

— Ты с ума сошел, если подумал, что я просто так возьму и уйду. Брошу всех. Брошу тебя. Снова.

— Но мне ничего не угрожает.

— Ты уверен?

Она протянула к нему руки.

— Рэйни Дэй…

И вместо того чтобы провести Киру вверх, Рэйни вдруг сошел к ней. К нам. Она держала его за руки и смотрела в его глаза, не отрываясь, будто играла в гляделки.

— Рэйни Дэй, — прошептала Кира. Они опустились на колени в кровь.

— Рэйни! — напряженно позвала Без Имени.

Он дернулся на зов, но не оглянулся.

— Как мило, — произнесла Без Имени, но ясно было, что милым ей это совсем не кажется. — Я тоже хочу поиграть. Ты, — она кивнула Джошу, — сюда, быстро.

— Пошла ты, — ответил Джош. Она вздрогнула, будто он пролил ей пиво на платье.

— Ты, ничтожество…

— Только тронь его, — сказал Зак мрачно.

— И что ты сделаешь? Затрахаешь меня до смерти?

— Можешь не сомневаться, сука дешевая.

Я чувствовал, что воздух тяжелеет. Без Имени сделал еще шаг вниз по ступенькам, будто в нерешительности, с кого начать. Ее красивое личико скривилось, зрачки бешено сокращались, это было видно даже на расстоянии.

Кира и Рэйни все еще стояли, сплетясь руками и глазами, и я надеялся, что из этого что-нибудь выйдет. Я не верил, что удастся так легко обратить его против Без Имени, но он хотя бы не будет ей помогать.

А чем это поможет нам? Она справится и так. Я до сих пор не мог избавиться от ощущения раскаленного угля в руке. Она вернула мне это ощущение с десятикратным страхом, и я вряд ли переживу это еще раз.

— *Я потрясен,* — сказал вдруг Лассе.

Он неспешно пошел к выходу и остановился рядом с Без Имени. Улыбался ей своей светлой ангельской улыбкой, как будто все мы находились на вечеринке, попивая коктейли и кушая оливки. А что — ее платье для этого вполне подходило.

— Ты меня помиловала. Я в шоке, дорогая, от твоей нечеловеческой благосклонности. И не только от нее. Можно мы немного поговорим — ты успеешь стереть их всех с лица земли. Я еще не видел таких, как ты.

Без Имени окинула его долгим взглядом, потом улыбнулась в ответ. Не знаю, что он задумал, но он хотя бы на время ее отвлек.

— Я знал нескольких Без Имени, — продолжал он, беря ее за руку. — Но никто из них не был похож на тебя.

— Спасибо, — родила она наконец.

— Думаешь, это комплимент?

— Что?

Она как-то неуклюже попыталась повернуться к нему,

посмотреть в его глаза, но не смогла. Лассе стоял рядом и гладил ладонью ее голую спину, плавно и размеренно. Это было похоже на какой-то гипноз.

— Знаешь, когда я все про тебя понял? Когда Перри рассказал мне про твои оригинальные методы подбора кадров. Ты забросила схему ритуала в Интернет. Сначала я подумал, что он шутит. Ты ведь не шутил, Перри?

— Нет, — сказал я.

— Через Интернет! Бред. До чего вы докатились…

Так получилось, что Без Имени смотрела на меня, а на самом деле — сквозь меня. Ее ресницы дрожали. Я не мог понять, что происходит. Она будто забыла про нас и только слушала прикосновения Лассе к ее спине. Медленно. Плавно. Он гладил ее как кошку.

Медленно. Плавно.

Я даже не заметил, как Лассе спустился к нам, вниз. Но фактически его движение будто не трогалось с места. Сверху — вниз. Снизу — вверх. Медленно. Плавно… Я не понимал, что происходит с Без Имени — это напоминало транс. Когда переворачиваешь курицу и фокусируешь ее взгляд на чем-то, а она лежит не шелохнется, как мертвая. Только глаза выдают жизнь.

Лассе подошел к Рэйни. Легонько дотронулся до его волос. Потом распустил их, расправил по плечам, с известной долей удовольствия погружая в них пальцы. Волосы у него и вправду были красивые — такой же текстуры, как у Без Имени, только густого цвета темной карамели с оттенком розового дерева. Их не портили даже серебристые прожилки. Любая девушка от зависти бы наголо побрилась.

Рэйни эти прикосновения, кажется, слегка нервировали, но он не дергался. Лассе еще погладил его по волосам, потом по плечам. Сжал плечи руками, провел ладонями по шее, залезая за высокий воротник. Рэйни весь напрягся, но терпел. И только когда рука Лассе скользнула по щеке к подбородку, чтобы повернуть лицо к себе, он вежливо, но твердо отстранил его.

Кира следила за ними перепуганными глазами.

— Отличная работа, — сказал Лассе. — Просто сказка. Поэтому, когда до меня дошло, что уроды из клиники, которые охотились на нас, — тоже твои *детишки,* я был слегка шокирован. Такого я еще не видел. А ты в курсе, Рэйни, что у тебя были все

шансы стать такой вот милой зверюшкой, с шестью лапками, от которой несет как от городской свалки? Это просто удача, что у нее все получилось — с десятого раза. Ты просто действительно *подходишь*, но в этом совсем не ее заслуга, а твоя. Ты, Рэйни, ее единственный шанс доказать свою состоятельность как Без Имени, и она должна сдувать с тебя пылинки, а не вытирать ноги.

Он легко поцеловал Рэйни в макушку и вернулся назад, к своему оставленному движению, будто и не убирал ладони с голой спины Без Имени.

— Рэй-ни… — прошептала она.

— Прости, дорогая моя, но не тянешь ты на Non Nomen, — продолжал Лассе, все еще гладя ее. Медленно. Плавно.

И внезапно он сделал короткое движение, будто ударил ее кулаком в спину. Она взвизгнула, негромко и жалобно, ногти впились в ладони.

— Ш-ш-ш, тихо… Признайся, что ты пользуешь его силу вовсю, потому что твоя никуда не годится…

Кира касалась лица Рэйни, не размыкая контакт. Он все слышал и, думаю, мог освободиться. А может, нет. А может, не хотел.

По ногам Без Имени вдруг потекла кровь, тонкими, будто нарисованными ручейками, потом они стали гуще, полились со ступенек потоком. Она тряслась, волосы как-то безжизненно повисли, глаза вздрагивали, уже не держа фокус. Будто марионетка чревовещателя. Медленно я переместился вправо, но никак не мог разглядеть, что Лассе с ней такое делает.

— Это же все случайность, дорогая. Твои поганые уроды по чистому стечению обстоятельств оказались тогда у клиники, и один попал под машину Киры. Ведь тебя не было в городе, и они расслабились без контроля. Ты же не выпускаешь их так — вдруг кто увидит. И ты бы в жизни не нашла Беати, если бы не наткнулась на нее тогда на пляже. Эта дурочка так испугалась, что выложила тебе все. А то ты и по сей день бы ее искала… Тебе везло, как в свое время повезло с Рэйни. Только идиот может искать потенциальных членов такой организации по Интернету… Сколько монстров ты наплодила, пока у тебя не получилось? Да имя им легион. Ты можешь парить мозги своему мальчику сколько угодно, строить из себя божество, но я-то тебя насквозь вижу. В самом прямом смысле.

Рэйни посмотрел на Без Имени, словно обрабатывая

сказанное.

— Ты ведь не из праведного гнева решила поубивать нас, — продолжал Лассе, и его рука за ее спиной дернулась. Без Имени взвизгнула, но ей было слишком больно, чтобы подавать голос. — Ты просто испугалась, когда узнала, что трупы твоих выродков могут обнаружить и идентифицировать. Ведь твое высшее начальство только того и ждет, да? Тогда все поймут, чего ты стоишь. Тебе бы следовало прикончить их самой и сразу, но у тебя, вижу, к ним болезненная привязанность. Забавно для ценительницы красоты. Так что мы присутствуем на заурядном уничтожении свидетелей. Ты думала, это игра, дорогая? Это не игра.

Наконец я разглядел, и меня пробрало дрожью. В ее спине была мокрая и глубокая дыра, а рука Лассе — внутри ее. Он все еще делал такие движения, будто гладил что-то пальцами. Вся спина и платье Без Имени были пропитаны кровью, она чудом держалась на ногах. Возможно, только Лассе не позволял ей упасть.

— И вот теперь я в шоке оттого, что ты меня милуешь. Ты. Меня. Ты посмела мне угрожать. Подобная самоуверенность просто сводит меня с ума. И разбивает… сердце.

Внезапно я понял, что он сжимает в руке.

— Когда ты *помиловала* меня, я уже подумал, что не настолько ты безнадежна. Но когда сказала *почему* …

Она не могла ответить и только дышала через раз.

— Посмотри на себя. Такая красавица — и сплошное разочарование. Это, кстати, была причина? Это твоя ничтожная цель? Да, вы стали выродками давным-давно, когда впервые продались католикам и отправились в крестовые походы. Инквизиция тоже вас обожала, за всеядность и беспринципность. И завоеватели. Я не говорю, что это плохо, деньги — они всем нужны. Но к чему эти детские игры, во времена-то пластической хирургии? Разве они приличествуют Non Nomen? Кстати, Кира, ты спрашивала, что значит «Без Имени»?

— Угу, — сказала Кира позади меня. Я обернулся. Рэйни слушал Лассе с мучительным выражением на лице. Какая-то его часть хотела быть рядом с Без Имени, пока она истекала кровью, но он не мог сдвинуться с места. Кира держала его своими слабыми ручками, и этого оказалось достаточно.

— Non Nomen — нет имени. Вы доктора, знаете латынь. То есть утверждается, будто им уже не нужно имя, они как бы существуют вне названного, выше этого. Все, что имеет имя,

можно уничтожить. Их — нельзя. Но это все ерунда. На самом деле изначально, на другом, древнем языке это означало совсем другое, — Лассе пошевелил рукой внутри Без Имени, заставив ее жалобно застонать. — «Имя неизвестно». Разницу видите? Древние относились к имени особо, они имели их несколько. Одно на каждый день, для общего употребления, и обязательно — другое, тайное имя, которое есть ключ к их сущности. Без него они не могли попасть в загробный мир. Хотя нам это не важно. Имя — сила. Если враг узнает тайное имя, он может уничтожить тебя. Но имя же означает, что ты есть. Нет имени — нет тебя. У элиты Ордена, прости, Клуба ВСЕГДА было имя. А это просто неудачный перевод… Как только имени «не стало», все и пошло под откос… но это мое личное мнение. Жаль, когда такая организация гниет заживо. Впрочем, у всего есть логический конец, правда?… м-м… прошу прощения, не расслышал, как тебя зовут?

Без Имени сделала судорожное глотательное движение, и из ее рта потекла кровь.

— Твое имя?

— У меня… Нет Имени…

— Это мы уже обсуждали. Твое тайное имя меня не интересует, я справляюсь и без этого. Я просто хочу знать, как тебя зовут, девочка.

— У меня нет…

— Сейчас не время, дорогая. Не нервируй меня. Твое имя.

— Ребекка Джонс…

— Как?

— РЕБЕККА ДЖОНС! — вскрикнула она из последних сил.

Улыбка Лассе постепенно, как садится солнце, перестала быть светлой. Потом перестала быть ангельской. И наконец вообще перестала *быть*.

— Красивое имя.

Он стиснул кулак внутри ее. Я понял это по выражению лица Без Имени — ее зрачки порвали глаза — и почти услышал звук. Будто запускаешь пальцы в гнилой помидор, а потом освобождаешь их с влажным чавкающим звуком. И в нем остаются дыры от твоих пальцев.

— *Это тебе за «отродье», падаль,* — произнес он ровно.

Без Имени (Ребекка Джонс?) неграциозно рухнула на пол, как подрубленная, и замерла. Нет, не замерла. Мы с ужасом смотрели на нее — она менялась, будто стала меньше ростом и как-то шире, черты лица поплыли, волосы приобрели рыжеватый

оттенок. Будто тело в смерти стремительно теряло свою нынешнюю форму, но не сохранило в памяти прежнюю, и теперь просто произвольно оплывало, как сгоревшая свеча. Лассе бросил на нее плащ, и он еще некоторое время мерзко шевелился и подрагивал, словно процесс все еще продолжался.

— Кира, ты была права. По концовке это действительно оказалось историей озлобленной закомплексованной сучки, которой спать не давали лавры королевы красоты. Только звали ее… как?

— Ребекка Джонс, — сказала Кира шепотом.

Мы молчали в трансе, вырастив тишину еще более плотную, чем сила бывшей Без Имени.

— Чтоб я сдох, — проговорил медленно Зак в этой тишине. Он подошел к Лассе и смотрел на него с нескрываемым восторгом. — *Чтоб — я — сдох!!*

Лассе брезгливо держал на весу на свою окровавленную руку, словно не зная, куда ее деть. Рукав его светлого костюма стал бордовым до самого локтя.

— Ты ведь *аристократ*, да? — Зак приблизился. Лассе бросил на него быстрый взгляд, и он упал на низкий старт, прогнув спину и восхищенно глядя снизу вверх. — Настоящий*аристократ*! Вау… охренеть просто…

— Что это означает? — спросил я.

— Это значит, что я не умирал. Я — не нежить, — сказал Лассе рассеянно, глядя поверх наших голов. — Я принадлежу к другому виду, не такому, как вы привыкли… и, в отличие от Зака, никогда не был человеком.

«Грязная кровь» — вспомнилось мне. Так это было не простое оскорбление, а вполне законное.

Зак подобрался ближе.

— Можно, Лассе? Пожалуйста. Лассе. Как там? Bitte?

Лассе протянул ему руку после долгого колебания, и Зак осторожно слизал с нее кровь. Почти благоговейно. Он смотрел как фанат, забравшийся тайком за кулисы и лоб в лоб столкнувшийся с супер-пупер-рок-звездой.

— Ты меня прощаешь? — спросил он. — За хамство?

— А тебе это надо?

— Если бы ты не шифровался… я бы…

— Ты бы лучше себя вел.

— Без вопросов.

— Я от тебя этого не жду.

Зак усмехнулся.

— Ну так… прошлого один хрен не вернешь. Слу-ушай, никогда не думал, что увижу когда-нибудь *аристократа*. Да никто мне, наверное, не поверит…

— Подозреваю, я должен быть польщен.

Выход был свободен — или не совсем. Оставался Рэйни. Они с Кирой все еще держались за руки, будто не могли отпустить.

— Убирайтесь отсюда, — сказал Рэйни тихо. — Вы все. Быстро.

— Идите, — сказала Кира.

— А ты?

— Я сейчас.

Мы медленно вышли наверх. Темнело быстро. Я места себе не находил, но Кира вернулась довольно скоро. Ее юбка внизу, у колен, была пропитана кровью — Беати и Без Имени. Вернулась и молча села рядом со мной на диван. Я не знаю, чего мы ждали — в отличие от некоторых, мы вполне могли уходить, не дожидаясь темноты.

— Ты в порядке? — спросила она шепотом. Я кивнул.

— Джош, ты как?

— Нормалёк, — откликнулся Джош, но это он так считал.

Я смотрел на Киру, ее матовая кожа стала совсем прозрачной, а глаза — припыленными. Я хотел обнять ее, но не мог решиться, — что-то мешало мне. Она сидела будто в невидимом ореоле, прочном, как защитное поле. Будто голограмма. Так близко, совсем рядом — а на самом деле только иллюзия.

Солнце спряталось, протянув к нам длинные теневые пальцы. Зак потянулся и встал.

— Наконец-то.

Он двинулся к двери, Джош — за ним, дотронулся до его плеча… и в этот момент я уже знал, что произойдет.

Зак развернулся, как пружина, и дал ему пощечину, резко, хлестко. И наверное, больно, хотя не так, как мог бы. Просто у нее было несколько иное предназначение, чем выбить ему челюсть.

Кира вздрогнула от этого звука. Джош покачнулся, едва удержался на ногах, но устоял. У меня мелькнула мысль, что подсознательно он ожидал чего-то такого. Но о-очень глубоко подсознательно.

— Это для особо одаренных, — произнес Зак абсолютно

нейтральным голосом. Потом добавил: — Клево потусовались. Надо нам почаще собираться.

И вышел, не оглядываясь.

Кира выдернула у меня руку, намереваясь все-таки подойти к Джошу, но я не дал ей. Я был уверен — дотронься она сейчас до Джоша — и он не задумываясь врежет ей от души. Не со зла, а просто машинально.

Джош стоял как в трансе и тупо смотрел на дверь. Потом медленно поднес к щеке руку, дотронулся. Увидел на пальцах кровь с ладони Зака. Слизнул ее все в том же космическом ступоре. И вышел следом.

— Джош, милый… — позвала его Кира почти без голоса.

— Пусть, — сказал я. — Ему нужно подумать. Он благоразумный, ты же знаешь. Это только игра.

— Это Джош благоразумный? Ты сам-то веришь в то, что говоришь? — Ее голос был усталым, потерянным. — Сегодня он без устали демонстрировал нам свое благоразумие. Я не против игр, но Заковы игрушки как-то часто ломаются.

— Просто у него такая манера флиртовать. То любит, то не любит, то бьет, то целует… — Я вдруг поймал себя на том, что зачем-то оправдываю Зака. Если хорошо подумать, причина этому была — он в отличие от нас действительно был готов вцепиться в глотку Без Имени, без оглядки и без надежды на победу. — Джош никуда не денется, Ки, рукоприкладство — не лучший способ укреплять отношения. Может, теперь он оценит все объективно, и все будет хорошо.

Я надеялся на это… но это ничего не значило. А если будет совсем не то «хорошо», которое нужно? Я не хотел сейчас думать о таком, после того, как все так удачно разрешилось, это было нечестно. Мы должны были радоваться жизни… только вот никто из нас пока не радовался.

— Перри, мне нужно кое-что тебе сказать, — произнес вдруг Лассе.

На мгновение я даже испугался. Это после всего-то!

* * *

ДЖОШ

А ты меня никогда не забудешь,
И даже если кого-то полюбишь,
Искать глазами глаза мои будешь -
Любовь — яд.

Зак отмечал свою *смерть*. Что отмечал я? Не знаю… еще не знаю.

У меня было такое состояние, что когда в баре я заполз в сортир, в зеркале нас было десяток. Здесь же часом раньше Зак вымыл голову прямо под краном, а окровавленную футболку просто выкинул. Он высушил голову под сушкой для рук — но его волосы все равно почему-то оставались прямыми и гладкими.

Машина двигалась не приятнее, чем аппарат для пытки будущих космонавтов. Однако сейчас, когда я переступил порог этого дома во второй раз, все как-то изменилось — я не протрезвел, но голова стала удивительно ясной. Ясной и пустой, как каждая из миллиона выпитых сегодня бутылок пива.

Зак громко захлопнул дверь и закрыл еще на несколько замков. Как в крепости. За окном светлело небо, будто по нему разливали молоко, — жалюзи никто и не подумал повесить.

— Объясни, почему ты пошел за мной? Тебя что, вообще невозможно обидеть? — спросил он.

— Ты не хотел меня обидеть.

— Откуда тебе знать?

У меня периодически возникала настоятельная потребность за что-нибудь схватиться, чтобы устоять вертикально. И при этом я еще пытался сносно излагать мысли. Просто не парень, блин, а мечта.

— У тебя есть правила, как и у многих из нас. И ты злишься, когда их нарушают.

— Злюсь? Да я просто зверею. Но это не тот ответ — я спросил, почему ты здесь.

— А ты всегда можешь объяснить свои поступки?

— Поймал, — засмеялся он, — ты меня поймал. Ладно, идем, если не хочешь спать на диване.

Я не хотел. Хотя диван бесспорно клевый.

Лестница испугала меня, показавшись впятеро круче, чем есть на деле, и я собрал последние силы, чтобы не кувыркнуться. В большой комнате было чисто — ну, относительно чисто, никаких следов крови, никто и подумать не мог бы, что здесь произошло совсем недавно. Недавно… Я подумал о Кире и Перри, но почему-то никак не мог вспомнить их лиц. Даже лицо Вилли было скрыто будто за многими слоями грязного стекла.

Странное ощущение — будто падаешь с моста, но не знаешь, пристегнут ты или нет. Знание придет вместе с ударом о землю… но пока это просто кайф.

Зак отодвинул дверь в маленькую комнату.

— Ты спишь там? — спросил я.

— Я сплю там. Но места хватит для целой группы поддержки.

— Ты спал с группой поддержки?!

— О нет, — ответил он весело, — но планирую.

Маленькая комната была все такой же холодной, какой я ее помнил, с одним отличием. В ней не было даже кровати, а теперь она вся была кроватью. Откуда бы она ни появилась.

Я заполз куда-то в середину, привыкая к светлячковому освещению, играющему на битых зеркалах стен. Когда Зак закрыл дверь, стало похоже на изнанку музыкальной шкатулки. Он растянулся неподалеку — здесь и вправду можно было спать вчетвером неделю на новом месте и ни разу не встретиться.

— Пива хочешь?

— Не… но буду.

— Понято…

Я не смотрел, а слышал только звуки. Что-то открылось, закрылось, в мою ладонь ткнулась холодная банка. Зак зацепил мою руку своей — она была не теплее этой жести. Пиво его веселило, но не грело.

Пить мне расхотелось. Я чувствовал, что если лягу, то уже не встану, и потому последними силами удерживал хрупкое равновесие, пока это не стало невозможно. Тогда я откинулся назад и впервые увидел потолок. И уже не смог отвести глаз. Он был сделан в той же манере, что и стены, только я не мог понять — осколки двигаются сами по себе или это обман зрения, или алкогольные глюки. То извилистые, то острые, зеркальные части мозаики постоянно меняли свое местоположение, соединялись в разных комбинациях и отражали нас в собственной жутковатой

манере. Если на это смотреть долго, запросто можно сойти с ума.

Звук сминаемой банки вывел меня из транса. За ним последовал мягкий стук.

— И все-таки, — раздался негромкий голос Зака справа от меня. — Ты так и не ответил.

— Почему я здесь? Или почему такие, как я, вообще оказываются… здесь?

— Ух, какие сложности, — протянул он, — а я думал, ты слишком пьян, чтобы философствовать.

Голос стал ближе.

— Ты трезвее, вот ты и придумай достойный ответ.

— Только трезвее?

Ближе.

— Еще старше и умнее.

— О`кей, уболтал. — Я слышал его прямо рядом со своей головой, но не видел. — На самом деле все проще некуда. Мы ведь такие все из себя клевые, раскованные…

— Сексапильные.

— Сексапильные. Да еще и кажемся в десять раз таинственнее, чем есть на деле. Как нас не замечать? Как нам отказать? Да что я тебе рассказываю, ты и так видишь товар… так сказать, лицом. И телом.

Я улыбнулся, и потолок тут же хищно растащил мою улыбку по углам и там припрятал.

— Все так?

— Все так, — согласился я. — Только это общий ответ.

— Что до конкретного, он у меня есть, но с моей точки зрения, не с твоей.

— Сойдет любой.

Наконец Зак нашелся, попал в поле зрения и осязания — а может, я сам неосознанно двигался навстречу. Он подкатился вплотную, на мою руку, на плечо. Я сделал попытку отстраниться — малоубедительную. Но чтобы пресечь трепыхания раз и навсегда, он прижал меня ладонью, пока укладывался рядом. Это было справедливо. Слегка поздновато строить из себя целку-фанатичку.

— Ты мне нравишься, — сказал он безо всяких оттенков в голосе. — Этого достаточно. И ответ, и причина, и повод…

— И цель.

— И цель. Хотя кто сейчас загадывает на будущее? Еще день назад ты мог подумать, где окажешься?

Подумать? Я сильно сомневался, что еще способен думать. И к лучшему — всем известно, как мастерски соображалка умеет ломать кайф.

Даже через ткань его ладонь была прохладной, а на голой коже вообще как металл. Но металл согревался. Зак слегка пошевелился, устраиваясь удобнее, его рука теперь медленно блуждала под моей пайтой, будто не могла найти выход, хотя на самом деле и не искала, — ей просто нравилось так бесцельно бродить, собирая тепло.

Я смотрел на него сверху вниз и до боли в кончиках пальцев хотел потрогать его волосы. Но прошлый опыт слегка отпугивал. Пока это было просто мирное лежание, — пока мирное, пока безопасное.

— Зак, — сказал я наконец, — как звали блондинку?

— Какую блондинку?

— Ту самую блондинку. Школьницу. Твою девочку. Как ее звали?

Он нервно шевельнулся, черные блестящие волосы рассыпались по плечу.

— Я не помню.

— Не помнишь? Ты же говорил, что любил ее.

— Я сказал «немножко».

— Так немножко, что не помнишь имени?

— Вы все последнее время поехали на именах. Я не компьютер, не могу же я всех помнить. — В его голосе засквозило легкое раздражение. — Что тебе до нее?

— До нее ничего. Просто интересно, когда ты забудешь мое имя.

— Ты же не мой любовник.

— Да. — Мои мысли плавно скользили по его волосам на моем плече. — Я не твой любовник.

Он замолчал, надолго. Я снова взглянул на потолок, и тот живо откликнулся на мой взгляд россыпью сверкающих осколков. Потрясающе…

— *Эмбер,* — произнес Зак внезапно.

— Что?

— Ее звали Эмбер Шарп. Доволен?

Пальцы начало сводить судорогой. Я послал все к черту и осторожно, будто к оголенным проводам, прикоснулся к его волосам, погладил.

— Да не бойся, — сказал он мне в плечо, — все в порядке. Я

же первый к тебе полез.

Я приблизился, зарылся в них лицом и почувствовал, что сейчас отъеду.

Через некоторое время Зак немного передвинулся выше, уткнулся мне в шею, и я повернул голову, чтобы дать ему место. По коже поползло прохладное дыхание. Потом неожиданно он прошелся языком — от плеча до самого уха.

От неожиданности я ойкнул. Даже язык у него был холодный, только не от холода у меня зубы стучали.

— Прости, не удержался. Рефлекс. Такая кожа на вид, шелковая… интересно, как на вкус.

— Ну так… пробуй, какая проблема?

— Не сегодня, — засмеялся он, — может, потом.

— Почему? Ты ж меня поил весь вечер…

Его смех оборвался. Он поднял на меня глаза, заставил повернуться и посмотреть в них. Сверкающие отражением дрожащего света, один теплый, другой нет, и оба одинаково серьезные.

— Ты *хочешь?*

— Ага. Хочу. — Слова падали, как монеты в море, и ни одно было не вернуть. — Я хочу.

— Уверен?

— Если со мной ничего не случится, то уверен, — ответил я и про себя добавил: иначе был бы далеко отсюда.

— Ну смотри. Боли не боишься?

— Боюсь, — сказал я честно, — но ты позаботься об этом, ладно?

Зак все еще смотрел на меня. Я отвел волосы с его холодного лица. Медленно он приподнялся надо мной, глаза у него стали твердые, как стеклянные.

— Не стоило бы полагаться на меня так слепо…

— Я попробую.

Я стащил с себя пайту — даже не из практических соображений, а просто стало не холодно. Ледяная банка закатилась под бок и почти оставила ожог на коже. Зак тронул пальцем мою шею, где дрожала артерия, наклонился туда, потом погладил по плечам и вернулся к шее. Он исследовал ее — дыханием, языком, губами, как в пустыне ищут воду. Я не вынимал рук из его волос, только закрыл глаза и отдался ощущению. Шевелиться совсем не хотелось, все это было так

призрачно и пугливо.

Его зубы сжали кожу, не до крови, но я вздрогнул.

— И вправду боишься, — сказал он. — Не передумал?

— Можно подумать, ты бы позволил.

— С этой точки — есть шанс… но чем дальше, тем, как ты понимаешь, меньше шанс. Я быстро завожусь.

Это ясно. Просто для Зака неожиданно терпимо. Нереально терпимо. Интересно, если бы я сам не навязался, мы вот так и лежали бы в обнимку до вечера?

Дааа, а у жирафов есть крылья…

— Я не передумал, но за шанс спасибо. Только…

— Только *что?* — Слова тиснением мягко отпечатывались на коже.

— Только не предупреждай, — попросил я.

— О чем?

— Ну знаешь, как говорят: сейчас будет немножко больно. Я это с детства ненавижу, сразу напрягаюсь.

— Мне нравится, как ты говоришь «ненавижу», так искренне. Еще что-то?

— Пустяк. Не убей меня ненароком — *ни в каком смысле*.

— Ха, как вовремя. Не беспокойся, не убью, мне не нужны проблемы… *ни в каком смысле*… — Он вдруг переместился к губам, и я почувствовал легкое дыхание. — Без поцелуев, да?.. мы же не собираемся…

— Нет, мы не собираемся… я же не твой…

— Нет, ты не мой. Смотри вверх, Джошуа, и наслаждайся полетом.

Я послушно уставился в потолок, которому только того и надо было. Он сразу подхватил меня в свои волны, уютные, затягивающие и коварные, как тайные омуты. Руки Зака неспешно гуляли по мне — по ребрам, по бедрам, а каждое прикосновение рта к шее отдавалось во всем теле ударами подводного колокола. Это была игра, которую он знал в совершенстве. Наконец он нашел, что искал, и впился в это место. Если бы его зубы не были острыми как скальпель, наверное, было бы втрое больнее. Только боль была совсем другая, не похожа ни на что, в том числе и на саму боль не похожа…

Одна рука его была у меня под затылком, но вторая вдруг заскользила по мне, так что и ту псевдоболь я не прочувствовал. Только биение сердца где-то высоко в горле, будто он достал до

сердца; только собственное прерывистое дыхание с оттенком стона; только легкий морской запах крови и ее движение. Только движение крови. Вверх, вверх, все время вверх…

Невозможно… Я почти выгибался — слишком хорошо, чтобы быть безопасным, и слишком опасно, чтобы длиться долго. И не успел я вдохнуть эту скользкую мысль, как меня рвануло на куски — они отразились в битом стекле потолка, такие свободные, грозясь никогда не воссоединиться. И на секунду я не устоял перед соблазном и «ушел» — туда, в темные беспредельности, в изысканную пустоту, куда пускают только избранных, но не выпускают никого.

Когда я вернулся, Зак осторожно, едва касаясь кончиком языка, вылизывал рану на шее. Заметив это, он выпрямился — глаза сверкали сыто и довольно.

— Съешь лимон, детка.

— *За-чем?* — Голос обнаружился не сразу.

— Ты весь сияешь, — сказал он с ноткой сарказма, все еще сидя на мне верхом. — Полагаю, больно не было?

Я не ответил и потянул его назад занемевшими, чужими руками — за ворот футболки, за прядь волос. Зак удивленно хмыкнул, и поцелуй был скорее агрессивный, но это ничего… В последнее время мне приходилось как никогда часто пробовать свою кровь — правда, на его губах это был совсем другой вкус.

Есть ли что-то там, за этими зеркальными стенами? Я вдруг снова подумал о самых близких людях, но сейчас почему-то даже не мог вспомнить их имен. Да и зачем? Разве это когда-нибудь мне пригодится?

Плечо отдавало легкими вспышками боли, и Зак послушно прилег на другое, распластавшись на мне. Я прижал его к себе, чувствуя, как по его телу растекается тепло, отданное мной добровольно. Мое тепло. И как его еще много.

— Зак.

— М-м?

— По-моему, я… тебя люблю.

Все вокруг плыло, качалось, то ли от потери крови, то ли еще от чего. Пауза была мне так приятна, она укутывала плотно и мягко и ничего не отрицала.

Однако через пару секунд он вдруг поднял голову.

— Чего-чего?.. Ты меня что?..

— Ты слышал.

Зак резко приподнялся, что-то во мне высматривая так же резко и остро, но я не мог удержать взгляд, ведь голова кружилась так сильно. Хотелось одного — просто закрыть глаза и наслаждаться этим общим теплом так долго, насколько его хватит.

Потом он дотронулся ладонью до моего лица, как-то… странно. Иначе. И поэтому мне стало неспокойно.

— Приехали, Джошуа Лот… И что нам с этим делать?..

* * *

ПЕРРИ

Не отпускай меня, вдруг кто увидит

— Перри, мне нужно кое-что тебе сказать, — произнес вдруг Лассе.

На мгновение я даже испугался. Это после всего-то!

— Иди в машину, — сказал я Кире. Она посмотрела на меня… на Лассе… будто решала, можно ли меня оставлять. Потом все-таки решила, что можно.

— Я тебя… вас подожду.

Когда она вышла, Лассе сел на диван рядом со мной.

— Я думал, вы — миф, — сказал я.

— Мы и есть миф. Вернее, если так пойдет, скоро будем…

— Вы… вроде что-то другое, да? Другие вампиры, элита? Поэтому Зак так пресмыкался?

— Он не пресмыкался, ты не понимаешь. Просто он такой. Уважает силу. Задирается со всеми, и со мной в том числе… но он же не знал, что я аристократ. И только сейчас понял, что в любой момент мог погибнуть. Вроде как играешь со змеей, а потом оказывается, что она ядовитая.

— Надо думать, теперь он прикусит язык?

— Ой, не уверен… Некоторых и могиле не исправить.

Лассе смотрел на меня, не отводя глаз, и я понимал — не для того, чтобы просто болтать, мы здесь сидим.

— Я не знаю… как благодарить тебя.

— Вот это лишнее. Это было мое личное дело. То, что нас вместе затянуло под колеса, чистая случайность, как и то, что я по пути решил и вашу проблему. Ведь прежде всего я решал свою, и оптом дороже не вышло.

— Хочешь сказать, ты бы нам не помог?

Его глаза стали слегка круглыми.

— Бог с тобой, Перри. Притом, что мне никогда с тобой не расплатиться?

— Со мной? За что?

Я сразу даже не понял. Лассе осторожно взял мою изуродованную руку, раскрыл ладонь, медленно провел по ней пальцами. Его рука была вдвое тоньше моей, но не короче за счет

пальцев. Удивительно, как этими руками можно ломать наручники на кусочки, будто игрушечные.

— Ты был с ним, — сказал он шепотом. — До конца. Держал его. Я бы многое отдал, чтобы там быть.

Я подумал, что он бы попросту сгорел за компанию, но вслух не сказал. Он ответил бы, что это малая цена.

Он гладил пальцами шрамы, рубцы, стягивающие кожу, выступившие жилки. Потом прикоснулся губами к ладони. Мне вдруг стало больно, очень глубоко внутри, но не так, как от вмешательства Без Имени. Это была боль, которую я запомнил не телом, а сознанием, пораженным тогда. Боль Эли. Плоть восстановилась, но раны на тонкой материи заживают куда медленнее… А в сознании часто остаются навсегда.

Наконец я собрался с духом, чтобы сказать то, что давно надо было… но это оказалось гораздо сложнее воплотить, чем даже к этому подготовиться.

— Лассе… я хотел, чтобы ты знал… что мы с ним…

Его рука приостановилась, слегка сжала ладонь.

— Уймись, ради всех святых. Я знаю моего Эли… и знаю, как он привык снимать стресс. Потому и благодарю тебя… Немногие способны на такое, Перри. Он был тебе никто, даже не человек.

— У нас, докторов, оригинальный способ мышления. Не стоит меня за это канонизировать.

— Мысль неплохая, но для этого мне пришлось бы тебя убить.

Я улыбнулся — как-то напряженно, наверное, потому что вызвал у Лассе смешок.

— А как у вас, докторов, с чувством юмора?

— Да в последнее время небольшие системные сбои.

Он все не выпускал мою руку. Боль ушла и, надеюсь, уже не вернется. Тогда я достал из кармана кольцо — наконец-то.

Некоторое время Лассе смотрел на него, как на призрак. Или на призрак призрака. Его пальцы были такими же тонкими, как у Эли, и он надел кольцо сверху своего.

— Я нашел его, когда уже готов был поверить, что нас не осталось… Тебе ведь известно, как размножаются аристократы?

Я покачал головой.

— До сегодняшнего дня я в вас и не верил.

— Никак. Мы бесплодны. Но иногда, очень редко, а сейчас все реже, наши дети рождаются у людей. Тебе, наверное, было бы интересно проследить за таким феноменом — у обычных смертных рождается необыкновенно красивый ребенок с набором генов, полностью отличающимся от родительских. Абсолютно. И

его сущность не проснется, пока он не попробует крови — может много лет пройти, вплоть до самой старости… Но если это все же происходит, буквально за считанные часы бывший человеческий детеныш становится полноценным аристократом…

— То есть — вам важно их вовремя находить?

Лассе кивнул, не поднимая головы.

— С Эли было иначе — его сущность уже проснулась, когда я его нашел. Ему было лет шесть, его родители состояли в какой-то христианской секте и держали Эли в темном подвале, среди сырости и крыс. Кажется, они считали его чем-то вроде Антихриста, только декоративный вариант. Для них это было чертовски соблазнительно — иметь у себя личное домашнее порождение сатаны и периодически по большим праздникам устраивать ему мини-пытки. Когда я обнаружил Эли, он был сам похож на крысу — злобный и бросающийся на все, что шевелилось. Невозможно было даже различить цвет волос. У меня чуть разрыв сердца не случился, когда я его увидел.

На мою ладонь вдруг упало что-то холодное. Слезинка была выпуклой и лишь слегка розоватой — он явно был голоден. Потом еще одна, и я едва сглотнул ком в горле.

— И… ты его забрал? Как в «Отверженных».

— Да, забрал, в ту же ночь. Но перед этим я перебил этих тварей и впервые по-настоящему накормил Эли… Перри, меня учили быть снисходительным к людям, но я буквально растерзал их в клочья. Вразрез с романом. В «Отверженных» Вальжан, перед тем как унести Козетту, не выпускает кишки семейству Тенардье… хотя и следовало бы. Интересно, что ты вспомнил «Отверженных» — столько общего.

— А кукла была?

— Я как раз об этом, — Лассе поднял на меня чуть покрасневшие глаза. — Была. Эли потерял ее, когда ему исполнилось четырнадцать. Тогда началась первая мировая, всеобщая паника, и нам пришлось уехать из Вены в Рим, потом в Атланту… Он еще долго о ней вспоминал.

Наконец он отпустил меня и поднялся на ноги. В своем дорогом костюме, даже вымазанном кровью, он был похож на мираж, что-то эфемерное, в любой момент способное растаять, как туман. На самом деле я знал, что туман рассеется и откроет каменную стену. А может, бетонную. Или стальную. Не знаю, из чего должна быть сделана стена, чтобы выдержать такой удар. Случись что с Кирой — моя стена прорвалась бы, как папиросная бумага…

— Ты будешь искать? — спросил я.

— Да, но…

Никто не заменит Эли. Я понимал.

— У меня есть связи со всеми клиниками страны. Если появится кто-то… такой как вы, ты узнаешь об этом.

— Это возможно?

— Вполне. И еще… тебе о чем-нибудь говорит имя Маркус Прашенски?

Он посмотрел на меня с плохо скрываемым удивлением.

— Праченски. А что?

— Мне в наследство досталась картина. Но эти Праченски-Кондински не в моем вкусе.

— Любишь, чтобы картины были похожи на то, что на них нарисовано?

— Да вообще-то. А тебе, думаю, понравится.

— И с чего ты взял?

— Ну она… похожа на то, что ты купил тогда в галерее. Все красное.

— А. Это здорово. Я ее куплю.

— Я ее лучше выброшу.

— Перри, черт возьми, я говорю, что должен тебе по гроб жизни, а ты заваливаешь меня подарками.

Я смотрел на него, с трудом веря, что он не понимает.

— Должен? Если бы я был один против Без Имени, если бы она угрожала только мне и рядом не было Киры и Джоша, возможно, все смотрелось бы иначе. Но я не мог защитить ее… никого из них. Самое большее, что я мог — умереть вместе с ними. Поэтому по гроб жизни тебе обязан я.

— Тогда будем считать, что мы квиты. Хотя знаешь что? Я блефовал. Если бы они с Рэйни оба на меня навалились, еще не факт, что все бы обошлось.

— Может, это просто удача.

— Твоя Ки — удача. Ее и благодари.

Мы вышли на улицу. Темноту резала на дрожащие ломти пара зажженных фар — машина Киры. Лассе, кажется, спокойно обходился и без них.

— Откуда ты столько знаешь про Без Имени? — спросил я напоследок. Он пожал плечами — в последнее время я привык к этому жесту, будто к своему.

— Не они одни в свое время работали на правительство. Так что мой праведный гнев насчет продажности Ордена можешь

считать лицемерием чистой воды.

* * *

Я открыл дверцу машины и увидел, что Кира спит. Просто сел рядом, стараясь не шуметь, и смотрел, как уезжает Лассе. Страх мой истаял, камень свалился, боль ушла и освободила место. Много места.

— Моя удача, — произнес я тихо и осторожно погладил Киру по растрепанным волосам.

Она пошевелилась во сне, и ее голова соскользнула на мое плечо. Я поцеловал ее в волосы, умирая от их нежного ощущения на губах. Что-то произошло там, в подвале, что-то, что стерло краску с ее губ и выпило жизнь из глаз. Но это ведь не навсегда, я знал это, как знал, что этот момент мне запомнится. Ясно, что будут другие моменты, может быть, лучше, ярче, насыщеннее, но им никогда не сравниться с ощущением полной уединенности от внешнего мира, когда война закончилась, а смерть так далека, что похожа просто на старую злую сказку.

* * *

КИРА

Колеса любви едут прямо по нам

НАУ

Пусть это будет видением. Пусть я проснусь.

К черту карьеру, работу, к черту все.

Пусть мне снова будет восемнадцать. И Рэйни будет спать справа от меня и опаздывать на лекции. И я не стану его будить, потому что у меня никогда не хватало на это духу. И пусть он сердится на меня, собираясь со скоростью звука и поливая майонезом пирожок с джемом.

Что толку умолять?

Я ненавижу видения. Они дают надежду все переиграть.

Хорошо, что больше их у меня не будет.

Перри ни о чем так и не спросил меня. Будто я не оставалась с Рэйни в комнате по колено в крови, не цеплялась за него, не рыдала, не пила его слезы, и он не сказал мне всего, что сказал. Будто все это было видением, дурным сном, о котором даже рассказывать страшно. Я бы на его месте вела себя так же.

Даже если ты лунатик или вампир, ты в известной степени принадлежишь сам себе. Но член Клуба принадлежит только Клубу. А они не принимают отставок.

Джош не показывался четыре дня. Всякий раз, когда я думала о нем, меня будто изнутри обливали ледяной водой. Но… Я могла лгать себе сколько угодно, но переживания о Джоше убивали другие мысли, которые в свою очередь убивали меня. В этом они были мне очень полезны. И если бы это касалось кого-то другого, не Джоша, я была бы им даже рада.

На день пятый я зашла к Перри. Он что-то записывал в карточку. И несколько секунд я завороженно следила за этим процессом.

— И как долго уже ты работаешь?

— Минут сорок.

— И не больно?

— Пока нет.

Это и вправду было похоже на чудо, учитывая, что неделю

назад Перри не мог даже компьютером пользоваться больше пятнадцати минут, чтобы потом не провести час в массажном кабинете.

— Я беспокоюсь за Джоша.

Он поднял глаза, и я увидела, что вряд ли он думал о чем-то другом.

— Что в наших силах?

— Я не хочу, чтобы он закончил как Беати… но тут мы бессильны. Мне нужно его увидеть, Перри. Пусть даже в последний раз.

— Ты что такое говоришь?..

— Перри, я всегда чувствовала ответственность за него. Пусть он уже взрослый, раз так хочет, но я должна убедиться, что кто-то отвечает за него. Даже если я этому *кому-то* не доверила бы и морскую свинку.

Черт, подумала я, как все действительно познается в сравнении. По мне теперь любая татуированная с ног до головы шлюха-наркоманка — лучшая альтернатива…

— Боюсь, что поздно, Ки. Может, мы и вправду сильно его опекали? Может, теперь он сам за себя отвечает?

— Что плохого в том, что мы так его любим?

— Ничего плохого, кроме таких вот терзаний. Ты знаешь, где его искать?

— Думаю, и ты знаешь.

— Я пойду с тобой.

— Не нужно, Перри. Ты прав. Это моя проблема, и я справлюсь.

Какая я смелая.

Нет, не смелая, просто устала терять любимых.

* * *

Я постучала всего раз, потому что была уверена, что он слышал. Если он там. Он был там и слышал, но открыл дверь только через минут десять.

— Чего тебе? — спросил Зак, не особо разводя политесы.

— Я хочу поговорить с Джошем.

— Во как?..

Он недобро улыбнулся, и мое сердце скатилось куда-то к коленям и притихло там.

— Так ты пришла за ним или за его *телом*?

Я почувствовала, что у меня слабеют ноги, но опереться все равно было не на что. И я устояла. Просто пришлось.

— За его красивым-красивым телом… А может, за его *душой*?

Ко всему прочему я потеряла и способность отвечать. Просто стояла и смотрела на него, как он на меня.

Зак оперся плечом о притолоку и разглядывал меня в своей обычной нахальной манере. На удивление, обоими глазами — челка была заправлена за ухо. На нем были только кожаные штаны, которые сидели так низко, что татуировка-кошка на бедре оказалась видна почти полностью. Пригласить меня внутрь, видимо, даже не приходило ему в голову — да я все равно не зашла бы.

— Не знаю, где его душа, — сказал он наконец, — но тела здесь нет.

— Прибереги свое красноречие для малолеток, — выдавила я. И сама удивилась, как пусто и совсем не агрессивно звучит мой голос. Я была вымотана и слишком переживала за Джоша. Я боялась сильнее, чем злилась. Да и какой смысл изображать судью Дредда перед существом, которое все равно слышит тебя насквозь, каждый нюанс твоего голоса? Наверное, он слышал и слезы, которым только команду дай. Просто сейчас мне как-то стало все равно.

Но внезапно он оставил свой тон. Я даже не поняла, чего коснулась перемена, — просто мелькнула какая-то неясная тень.

— Что ты хочешь от меня, Кира? — спросил он совсем нормальным голосом, который абсолютно ему не шел. Только сейчас я заметила, как глубоки и темны круги у него под глазами. И поняла, что за тень мелькнула. Я бы назвала ее тенью души, хотя и очень сомневалась в наличии последней у Зака, но с другой стороны — если есть тень…

— Ты *отравил* его.

Я выбрала это слово неожиданно для себя — то ли вспомнила рисунок на футболке Зака (*испей меня*?), то ли оно просто было самым подходящим.

— Он сам отравился, — возразил он, — не нужно было подходить так близко. Это как облучение твоего приятеля, только я его не контролирую — называй это личным обаянием. Кстати, Рэйни отлично вылизал мой подвал. Если Клуб отправит его на пенсию, что маловероятно, он запросто может зарабатывать этим на жизнь.

— Зак.

— Ну что? Джошуа не такой слабак, как вы все думаете. Он справится.

— Значит… он был здесь?

— Я и не говорю, что не был. Он нашел меня тогда в «Могиле», и мы напились почти до отключки… а потом я до утра испытывал его задницу на прочность. — Он остро улыбнулся, следя за моей реакцией. — Вечером у него было жуткое похмелье, но мы так… неаккуратно похмелялись, что снова надрались в хлам. А разговаривать нужно было натрезвую.

— И?..

— С четвертого раза получилось. Мы поговорили и все прояснили.

— Что «все»?

— Я сказал ему, что он… ну, не совсем подходит для всего этого… и такая жизнь — не для него.

— А он? — Вытаскивать из него каждое слово было утомительнее, чем разгружать вагоны, и больнее, чем рвать зубы.

— А он в свою очередь попытался доказать, что все-таки подходит. И некоторые его аргументы… хм… — Зак улыбнулся, будто вспомнил что-то приятное или забавное, — …были довольно убедительны. Ох, Кира, как он это делает… не рот, а национальное достояние. Если бы я точно не знал, что у него не было практики, подумал бы черт знает что. Но…

— Но?

— Я все решил. И он ушел. Куда? Не знаю. Еще вопросы?

Я не верила своим ушам.

— Не понимаю…

— Чего ты не понимаешь, доктор Кастл? Зачем я приучал его к рукам, если все равно не собирался оставлять? Или почему я, — такой, в сущности, законченный мерзавец, — и не попользовался… случаем на полную катушку?

— Второе, — сказала я устало. Просто начало второго вопроса уже было развернутым ответом на первый.

— Знаешь, мой прайм через много лет после нашего расставания в откровенной беседе сказал, что считает меня своей большой ошибкой. И посоветовал не повторять ее, если окажусь в подобной ситуации. К тому же…

Он наклонился ко мне, улыбка с его губ не слезала, но глаза вдруг перестали улыбаться. Тень, мелькнув, давно исчезла, и вернулся прежний Зак.

— Я не вожусь с нецелованными.

— Но он не… — Мои мысли путались. — То есть — ты же сам его…

— Целовал? Да, целовал, до крови. Да, трахал. До обморока. Да, ваш мальчик выгибался подо мной и царапал мне спину, а

когда я засаживал глубже — кричал так, что закладывало уши. Но я не то имел в виду. Думаю, ты прекрасно поняла, о чем я.

Я поняла. Но не поверила.

— И это *причина*?

Зак отстранился.

— Послушай, ты испытываешь мое терпение. Я и так сказал сейчас больше правды, чем кому бы то ни было за всю свою жизнь. Послушать тебя, так лучше бы я его себе оставил? Тебе это надо?

— Ты просто псих.

— Шаг назад, девочка. Знай свое место. Может, для Лассе я и грязнокровка, но для тебя — хищник, любой из вашего миллионного населения — мой потенциальный хэппи-мил на сегодня вечером. И так может статься, что это будешь ты — если вовремя не сгинешь.

Я поняла намек и начала медленно спускаться — мне не хотелось поворачиваться к нему спиной, но пришлось, чтобы не оступиться.

— Когда Джошуа найдется, — сказал он вдруг мне в спину, — передашь ему кое-что?

Я обернулась.

— Что?

— Ты ж не передашь.

Я вернулась на пару ступенек вверх. Не знаю, что заставило меня сделать это — может, что-то в голосе?

— Смотря что.

— Скажи, что мне с ним было хорошо.

За острыми клиньями его улыбки снова мелькнула уже виденная мною тень. Я почти поймала ее, почти-почти. И на мгновение подумала, что могу понять Джоша — почти-почти…

— Ты прав, — сказала я наконец, — не передам.

— И ты права, — насчет другой причины. Она действительно есть, поклон твоей интуиции.

— И какая же?

Зак хмыкнул.

— Неужели ты думаешь, что скажу? Оставь мне хоть немного достоинства!

Он громко хлопнул дверью прямо перед моим носом. Его чеширская ухмылка фантомом зависла на уровне дверного глазка, медленно рассеиваясь. Я смотрела на нее, пока она не

исчезла, а потом побрела к машине.

Вечером позвонила Вилли Вегас. Я заметила, что абсолютно спокойно сообщаю, что без понятия, где гуляет ее сынуля. И заметила также, что Ванилла не так уж обеспокоилась — она целиком полагалась на меня. А зря.

Утром я рассказала все Перри. Он внимательно выслушал и, выдержав паузу, сказал:

— Как бы странно это ни звучало, выходит, побуждения Зака были… гуманны, так?

— Зак в сочетании с гуманизмом — нонсенс, но вынуждена согласиться. Или же он хочет, чтобы это так выглядело.

Перри приобнял меня за плечи и слегка встряхнул, подбадривая.

— В любом случае, пусть даже он маскирует под широким жестом свою неспособность… как это сказать? — сохранять к кому-то интерес больше года… в любом случае, он считай подарил Джошу этот год. А мог бы оставить себе.

— Он просто боится Лассе, и все. Боится, что мы ему пожалуемся.

— Зак бесстрашен и бескрышен, Ки, ты знаешь. Я не думаю, что он всерьез боится Лассе.

— Мне кажется, или я слышу нотки расположения?..

— Вот не выдумывай, ради бога. Просто факт — пробудь Джош с ним хотя бы месяц, год, возвращение было бы куда болезненнее. Если вообще возможно…

— Ох, не спеши благодарить его, Перри, — вздохнула я. — Джош еще не вернулся.

Джош вернулся через четыре дня. Только не полностью.

Однажды утром он пришел в больницу, как ни в чем не бывало, и мы… мы даже не решились подойти. Потом Перри признался, почему. Неизвестно, что произошло, но Джош слишком напомнил ему меня после разговора с Рэйни.

А меня он просто пугал — до дрожи. У него будто язык отрезали. Без обычных дредок, в обтягивающем черном батнике до подбородка, с тусклым потусторонним взглядом, он выполнял свою привычную работу, сосредоточенно, не ошибаясь, ничего не роняя на пол и не путая карточки, как обычно. Будто на автопилоте, отпустив сознание куда-то далеко, где ни ему, — да никому из нас не место. Сколько раз я едва удерживалась, чтобы не встряхнуть его хорошенько, надавать пощечин, просто

убедиться, что он здесь, он сам, а не его безжизненная осушенная до дна оболочка. Но всякий раз его замораживающий взгляд предупреждал меня держаться подальше. Пощечин для него достаточно. Что бы с ним ни произошло, он предпочитал проходить через это сам, и возможно, Перри был прав. Он в состоянии отвечать за себя, даже если пришел к этому напрямик через свой личный ад.

Вечером я обошла кабинеты, пока обнаружила его сидящим в темноте на окне ординаторской.

Мои шаги прошуршали в тишине, призрачно, будто я не касалась ногами пола, но Джош все равно меня услышал. Он не обернулся — только сильнее обхватил себя руками, будто замерзая.

— Эй, брат, как жизнь? — спросила я еле слышно. — Что нового?

— Я, — ответил он, и это оказалось больно, хотя не так уж и неожиданно.

Было так непривычно видеть его в черном. Джош никогда не носил вещей вроде этой, но… в принципе, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто ее ему дал.

— Клевая шмотка. Не жарко?

— А? — переспросил он потусторонним голосом, будто разговаривал во сне. — Да я согреться не могу.

Я хотела, чтобы он вернулся к нам. Я дотронулась до его руки, и он непроизвольно вздрогнул. От боли. Я была уверена и поэтому осторожно закатила его рукав до локтя, и на удивление он не возражал.

Сгиб локтя был лилово-черным, один сплошной кровоподтек, как у наркомана. Я только покачала головой.

— Блин.

— Ты еще шею не видела, — сказал Джош безучастно.

Я посмотрела, аккуратно оттянув высокий воротник — действительно, куда хуже. Все оттенки морского заката — и это учитывая прошедшее время.

— Он тебя не жалел…

— На самом деле жалел.

Присмотревшись, я заметила, что действительно — укус всего один, остальное — порезы. Они чище, ровнее и заживают гораздо лучше… если кого-то это колышет. Выходит, Зака колыхало, надо же какой сюрприз.

Он отвернулся и снова обхватил себя руками.

— Давай поговорим? Хочешь?

— Лучше не надо, — ответил он, все так же не оборачиваясь. — Начну жаловаться — сразу раскисну. Я все-таки мужчина, Кира, а мужчине это не к лицу. Тем более перед девушкой.

— Во-первых, это предрассудки, — возразила я почти шепотом. — Во-вторых, я не девушка, а твой лучший друг. А в-третьих, не обязательно жаловаться, просто поговорим.

— Так иначе же не получится.

— Ладно. Если ты не готов, то, конечно, не стоит.

— А сколько должно пройти времени? — его голос прозвучал резко, хотя и по-прежнему тихо. — Ты — готова поговорить о Рэйни?

На это я не нашлась. У меня было десять лет, я — готова?..

— Это другое, — прошептала я.

— Это то же самое. И если ты до сих пор не готова, я не уверен, что выдержу десять лет. Как ты. — Джош оглянулся, и я увидела огромные глаза, залитые тьмой и горем. — Еще утром я думал, что сопли закончились, а теперь чувствую, что ни фига. Так что оставь мне хоть немного достоинства.

И где я совсем недавно слышала эту фразу?..

Тогда я просто обняла его, прижала к себе, как после долгой разлуки, и он не мог сопротивляться. Я целовала его высокие скулы, глаза, лоб и лила слезы за нас обоих, и не могла остановиться. Да, нас бросили. Да, это было правильно и нужно. Только почему ж так плохо-то, а?

— Они плачут, Кира, — сказал он неожиданно, будто читал мои мысли. — Ангелы Имоджен. Теперь я слышу, как это…

— Нет, нет, нет. Не смей так говорить. Они не плачут, Джош, это всего лишь мы, а они, может быть, молчат пока, но скоро будут петь. Тебе и мне. И Перри. Всем нам. Совсем скоро, Джош, потерпи немножко. Потерпишь, милый?

Я чувствовала, как его тело постепенно расслабилось, и шутя разлохматила то, что осталось от волос. Дюйма полтора в лучшем случае.

— Обещаешь? — всхлипнул он, зарывшись лицом в мое плечо.

— Спорим на две упаковки пива?

— На три.

— О`кей. На три.

* * *

Эве Уоррен повезло, на нас было столько крови Беати, что можно было излечить сотню потенциальных сфинксов. Мы ничего не рассказали Лиз, а она не любопытна. Главное, что ее дочери не грозит превратиться в монстра. Думаю, Адам тоже оставил свою навязчивую идею. Хотя там увидим, ведь часто совсем не требуется постороннее вмешательство, чтобы стать чудовищем.

У Фландерсов родилась тройня — два мальчика и девочка. Даррен на седьмом небе от счастья. Джанин клянется, что это последний раз, но я отчего-то ей не верю. Кажется, они исчерпали фантазию и назвали их нашими именами, что нам уж-жасно польстило.

Чуть не забыла, новость года! К Имоджен внезапно вернулся разум. Однажды, когда я спешила на работу и уже нащупывала для нее доллар, она вдруг подошла и незнакомым, немного растерянным голосом сказала, старательно выговаривая слова:

— Извините, миз Кастл… Я понимаю, что это звучит глупо, но я… не помню, где мой дом. Отвезите меня, пожалуйста, домой.

Миз Кастл? Когда это она меня так называла? Я посмотрела в ее глаза, и это были обычные глаза четырнадцатилетнего подростка. Колдовская всезнающая глубина исчезла из них так же внезапно, как когда-то появилась. Не осталось ни одного шанса узнать, что произошло и почему все закончилось. Кто подменил ее сущность десять лет назад и подбросил ее обратно, как эльфы подбрасывают своих детей людям. Кто снарядил ее на миссию, и в чем был ее смысл. Никто не расскажет нам больше о нас, наших душах и голосах наших ангелов.

— Как же мы будем обходиться без Имоджен? — первое, что сказал Перри, когда я сообщила ему новость века.

Это правда, мы скучали по ней как по верному талисману. Но оно того стоило — Аттила Утор не заслуживал потерять всех своих детей. Кто бы ни вернул ему дочь, он знал, что делает.

Анн-Мари звонит чуть ли не каждую неделю и докладывает об успехах Имоджен. Я ее слышать рада.

Рэйни мне даже не снится — он тоже знает, что делает. Думаю, из него получится лучший из всех NN за все время существования проклятого Клуба. Но я-то никогда не забуду его имени.

Рэйни. Рэйни Дэй…

У меня осталось много любви. Она вернулась, как письмо с пометкой: адресат сменил место жительства и не оставил координат. Но я уже не ломаю голову, куда ее девать столько. И когда мы с Перри после трудов праведных отправляем Джоша погулять, а сами сидим в нашей кафешке… и пьем кофе, будто на работе не напились… и говорим, говорим… и когда он целует меня, подвозя домой, а я отказываюсь прощаться… у меня не остается никаких сомнений. Ее ведь можно просто подарить.

Тому, кто так давно ждал этого подарка и так давно берег такой же для меня.

* * *

ДЖОШ

Если на землю ночь пришла,
Стоит ли ждать рассвет?

Как-то все не так.

«То, что недавно казалось далеким и нереальным, вдруг подбирается почти вплотную, и только поражаешься, как жил без этого и не сошел с ума. В черном зеркале ты разбит на фрагменты, живущие своей особой жизнью, у них острые края и кровавый привкус. В этом зеркале отражается вечная ночь, дикая, допускающая невыносимые дни только как время для сна. У нее совиные крылья, мягкие, как бархат, а глаза разного цвета.

Вечная — это очень, очень долго. Дольше, чем самый длинный день».

Я и не заметил, как нацарапал этот кромешный бред карандашом на салфетке. Потом поднес к ней зажигалку. Нет. Позже.

«Иногда пытаешься посмотреть на себя со стороны, но видишь только расколотые отражения, составляющие произвольные комбинации, все время разные, то такие нежные, то резко агрессивные, и объединяет их одно — они черные. И не все они твои. Там, между ними, гуляет другая сущность, которая всегда жила там, — страстная, сильная, затягивающая; она скорее исказит реальность, подгоняя под себя, чем станет подстраиваться сама; она не твоя, но ты принадлежишь ей душой и телом. Как это странно — *принадлежать*.

А потом — будто поменяли полюса. Верх внезапно становится низом, ночь молниеносно сменяется днем, и все вокруг вздыхают с облегчением — наконец-то. Темное зеркало сглаживается, срастается, заживляет извилистые места совмещения, светлеет добела и отражает только то, что должно отражать. После этого остаются силы лишь удивиться, что ты все еще в своем уме. Но Кира дважды смогла — смогу и я. Вопрос в том — хочу ли?»

Карандаш сломался, вот и славно. По крайней мере, перестану писать всякую ерунду, как школьницы в дневниках. Уйма пафоса и унция здравого смысла… У меня сроду не было дневника — и не будет.

«Я часто вижу его в клубе. Все изменилось. Теперь он не обращает на меня внимания, будто меня не существует, даже если взгляд скользнет — это случайность, и он пройдет сквозь меня как сквозь отражение на воде. Я — не более чем бесплотная тень. Я сам себя таким ощущаю.

Он жалеет меня, это ясно, что бы кто ни говорил. Всякий раз, бездумно пытаясь перехватить его взгляд, я чувствую, насколько все еще близок к краю, и, наверное, долго еще буду. Это пока что сильнее меня.

Он знает — стоит ему посмотреть на меня, задержаться на мне, *увидеть* меня или не дай Бог заговорить, я не просто сорвусь с края. Я сам туда прыгну.

Он жалеет меня, но, видимо, не настолько, чтобы менять привычные места развлечений. Я не хожу больше в «Разоренную могилу». И на мосты тоже не хожу».

Больно — ножом по пальцу. Ну нету здесь точилок для карандашей…. Кровь капает на салфетку — надо бы взять другую. Нет. Пусть остается эта.

«Что еще? Ко мне постепенно вернулся сон. Сначала просто сон — я смог уснуть. Потом — нормальный сон, — в смысле, не тот, когда кажется, что я напился бензина и проглотил спичку. Но иногда, очень редко, возвращаются кошмары, которые я так люблю. Так скучаю. Бывает, я ловлю себя на мысли, что жду их весь день.

А просыпаюсь я от плача ангелов. Они, правда, замолкают, когда я открываю глаза, но пока не поют. Хотя я и раньше их песен не слышал, думаю, их трудно с чем-то спутать. Я узнаю, когда услышу».

Больно… не от пореза — просто больно и все. Где эта чертова зажигалка?! Не горит — салфетка промокла… придется разорвать на кусочки. На сотню крошечных кусочков. Уничтожить и забыть.

Нет… не забыть.

«После пережитого у нас все обязательно должно быть хорошо. Такое мое мнение. Надеюсь, что совсем скоро мы с Перри и Кирой махнем на выходные за город на пикник и треснем три упаковки пива. По одной за каждую из ночей — трех ночей чистого безумия, так похожего на что-то настоящее».

Кто-то спрашивает, все ли со мной в порядке, и я говорю, что

да. Боже благослови тех, кто изобрел солнечные очки на пол-лица… Под ними столько можно скрыть — но, видимо, не всё.

«Я все-таки хочу проиграть это пиво…

Да, кажется…
Да, точно».

* * *

ЭНД

Все эпиграфы принадлежат их авторам